Б. Стругацкий рекомендует

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая волна в фантастике, получившая на Западе название «кибер-панк» представлена в нашей стране творчеством Александра Тюрина, чьи произведения уже знакомы любителям жанра. Книга А.Тюрина «Клетка для буйных» (1991) была отмечена премией «АЭЛИТА-92». В сборнике повестей «Каменный век», составленном и рекомендованном для публикации Б.Стругацким, читатель встретится со своеобразным и глубоким видением будущего, прорастающего из нашей бурной современности… В мощных кибернетических системах, контролирующих все стороны жизни человечества, появляется враждебная форма жизни… Планета подвергается нашествию тварей, которые впитывают человеческие знания и достигают биологического совершенства. В сборник вошли научно-фантастические повести «Каменный век», «В мире животного» и «Дорога на Буян». ISBN отсутствует. В книге в качестве издательства указано СП «СОВИТТУРС». Издание подготовлено Т.О.О. «ПОЗИСОФТ» при участии СП «АТМ».

- Александр Тюрин
  - Каменный век
    - Блок 1
    - Блок 2
    - Блок 3
    - Блок 4
    - Блок 5
    - Блок 6
    - Блок 7
    - Блок 8
    - Блок 9
    - Блок 10
    - Блок 11
    - Блок 12
    - Блок 13
    - Блок 14
    - Блок 15
    - Блок 16
    - Блок 17
    - Блок 19
  - В мире животного
  - Дорога на Буян
    - Рапорт № 1 от 02/08/2028

        - Рапорт № 2 от 06/08/2028
        - Рапорт № 3 от 07/08/2028
        - Рапорт № 4 от 10/08/2028
        - Рапорт № 5 от 13/08/2028
        - Рапорт № 6 от 14/08/2028
        - Рапорт № 7 от 17/08/2028
        - Рапорт № 8 от 18/08/2028
        - Рапорт № 9 от 21/08/2028
        - Рапорт № 10 от 26/08/2028
        - Рапорт № 11 от 30/08/2028
        - Рапорт № 12 от 03/09/2028
        - Рапорт № 13 от 07/09/2028
- notes
    - 1

Александр Тюрин
Каменный век

Каменный век

Блок 1

— Шестой борт. Кибероболочки полностью активны. Состояние боевой готовности подтверждаю.

— База разрешает сброс.

На поверхности Боевой Горы каплями проступили колесницы отдельной истребительной эскадрильи. Начинкой шестой машины был Виктор К123, капитан космокавалерийских сил, кшатрий.

…На главном экране, имплантированном в глаза капитана — переливается дракон. Он дышит и ворчит в ушах капитана. Он облекает тело капитана.

Дракон — чувственное представление его кибернетических оболочек. Личный человеко-кибернетический адаптер.

Вот захотел ты рвануться вперед, и будто отталкиваешься ногами как бегун на старте. Однако, ноги на месте, лишь проскакивает твоя мысль через пикосеть крови, состоящую из модифицированных эритроцитов.

Мысль считывается прилипшим к запястью биоинтерфейсом и… виртуальный дракон двигает лапами. Команды бегут по информационным магистралям, распределяются по процессорам, двигатель рычит, пробуя плазменным языком мертвый вакуум. Все, ты совершил мыследействие, или, на летном жаргоне, — напряг дракона…

— Два, один, ноль, сброс… — Мелкое дрожание колесницы стало жесткой тряской. Инерционный кулак продавил лоб и грудь. К123 полюбовался видом сзади. Боевая Гора «Сумеру» из материка, летучего монстра превращалась в точку, съеживаясь, как проколотый воздушный шарик. Дракончик приподнял левое ухо, вильнул хвостиком — значит, командир эскадрильи Петрович К201 выходит на связь.

— Пятый и шестой борта. Вертикальный курс — пятьдесят, горизонтальный — триста десять. Следить в оба, чтобы кто-нибудь из мертвой зоны к вам не подсел на хвост. На целеуказание от систем раннего обнаружения не надейтесь.

— Вижу плутонов в секторе А-31, — сообщил девятый борт, который забрался выше всех от нулевой плоскости. — Двенадцать штук. Через три минуты спикируют на нас, как с тарелки с верхней полки.

— Эй, «номерок», не забудь напомнить, когда удирать надо, — загудел Митя Самойлов, ведомый.

…Любит Митек меня клюнуть, обожает поиздеваться. У него фамилия есть, отчество, а у меня только имя дурацое и номер. Он

— «фамильный», а я — «номерок». Впрочем, чего стесняться. Меня по науке сделали, в инкубаторе, через евгенический отбор. Ученые старались, подбирая половые клетки по лучшим генным банкам, чтобы я такой суперменистый вышел. Хоть на выставку, под стекло. Поэтому «фамильные» на нас никогда в лоб не попрут. Разве что подпустят немного вони из-за угла, и то, если у «номерка» руки заняты. Иначе, робот-нянечка долго будет кровавые сопли с пола вытирать. Недаром «номерки» подавляют числом в военной касте «кшатриев».

Но, если честно, Митя Самойлов содержательнее, чем кажется на первый взгляд. Он не из тех «фамильных», которые на призыв «победа или смерть» отвечают: нам желательно так, чтоб меньше мучиться. Живет себе Митя как и все остальные солдафоны на государственных харчах и казенном удовольствии. А мог бы в лавчонке приторговывать или паяльником в носу ковырять. Нормированный рабочий день, квазиживые цветы в горшочках, почти настоящие рыбки в банках, супердевочки, снабженные эротическими геночипами, скачки в лунных пещерах, песчаные гонки на Марсе, танцы на Венере, медитации в открытом космосе, движимое и недвижимое имущество, тугая пачка кредиток в кармане, которую приятно пощупать. Но между Митькой и такими делами сто световых лет и черная дыра в придачу.

Точь-в-точь, как у меня. Мы будем бегать под бодрые песни по коридорам «Сумеру», похожим на кишечник барана. Будем слушать проповеди на вольные темы хриплого жлоба Петровича К201. Будем смотреть прямо в страшную морду богини войны. Это вам не Афродита, которая приветствует летный состав с многочисленных аниме-постеров, наклееных на дверцы рундуков. Мало похожи на Афродиту и солдатки из женской смертоносной эскадрильи. Когда они возвращаются на свою базу «Фурия-1», можно с ними познакомиться и так далее. Только еще надо успешную стыковку произвести. Горе тебе, если борта им пошкрябаешь, накажут. Рука у них крепкая, с силопроводами…

На верхнем уровне кипел бой. У космокавалерии не получился фланговый охват плутонов.

Глаза дракона покраснели, значит анализирует картинку по всему спектру, пытается получить информацию от внешних систем слежения. Теперь видно, что эскадрилья потеряла четыре машины, уже четыре креста в углу экрана, остальные колесницы снуют, будто мухи, по которым бьют газетой.

— Блин, кто так воюет? У наших что ли красный перец в заднем проходе? — это Митька зазвучал.

— Сейчас у тебя будет перец в одном месте, — грубо

вмешался командир, майор Петрович К201. — Отставить треп.

Митя сразу заткнулся. Страх перед начальством заменяет в вооруженных силах страх Господень. Тем более, майор К201 был человек с характером, причем говнистым.

Первый и второй борта упорхнули в пекло, потом и командир эскадрильи со своим ведомым. Еще двое взмыли. Верхний фланг космокавалерии смят.

Сияющая завеса опускалась вниз и, подмораживаясь, становилась непроницаемым косматым туманом. Эскадрилья колесниц вроде как переваривалось в брюхе волосатого монстра. А потом космы немного разлетелись, и из горячего тумана возникло четыре плутона, причем на пути у них был только К123 и его ведомый.

Дракон распушился, прощупывая радиосеть, но все каналы были забиты помехами. Помощи не будет.

Плутоны расходились просторным ромбом, чтобы взять колесницы в клещи для удобства расстрела. Дракон задрожал — значит, враги уже осуществили захват целей.

— Давай резко вверх от нулевой плоскости, — гавкнул Виктор К123 своему ведомому.

От плутонов словно пошла пыль. Так и есть, на дружескую беседу торопились тупорылые бомбы с пассивным гравитационным наведением.

— Пятый борт, попробуй до них дотянуться.

Самойлов был как всегда точен, бомбовая стая разом сдетонировала от его торпеды. Колесница капитана К123 лишь пару раз вздрогнула, когда металлические «ошметки» долетели до нее.

К123 вывел машину прямо под желтое брюхо одного из плутонов, и дракон чихнул огнем. Экраны вывели с замедлением картинку, как из плутона полетели жидкие потроха и он превратился в гейзер.

С экрана локатора пропало еще одно пятнышко, оставив крест и нимб. Свой?

— Пятый борт, ты как? — всполошился Виктор К123.

— Угостил одного комарика между ребер, — похвастал Митя. — Теперь орден дадут, добавку киселя на ужин…

К123 закончил набор высоты обратным разворотом, оказался над плутонами. И сразу змейка проползла где-то под кадыком. Поздно.

Один плутон пикировал на Самойлова, а другой заходил в лоб. Тот, что сверху — опаснее.

Виктор К123 судорожно напряг дракона, тот украсился шипами — заработали пусковые установки нижней полусферы.

Торпеды, выписав спирали, разорвались ярко голубыми кляксами. Нет касания, нет! Плутон закрылся плазменным щитом. А потом он шарахнул из своего импульсника и снес у Самойлова хвост.

— Пятый, ты как?

— Наслаждаюсь. Мой броневик накрылся, — ответил задыхающийся Митькин голос. — Но этого балабуса я еще заколочу в гроб. Остальные плутоны — уже твои.

Виктор К123 увидел, как Митькину колесницу жрет с хвоста пламя, но он еще держится на курсе, еще садит из импульсника.

— Как я ему в пятак, культурненько! — громыхнул Митька.

Плутон до центрального шпангоута превратился в аленький цветочек. А К123 сообразил, что Митя Самойлов остался живым и веселым лишь только в его памяти.

На другом экране два сияющих шара, ненадолго слипшись в один, разлетелись рваными клочьями. Убийца улепетывал, но вовсе не в глубины космоса, откуда явился. Он торопился к Земле.

…Петрович четко обрисовал задачу — размазать всех, кто попытается прорваться к Земле — так и прохрипел на инструктаже. Ну, не смешно ли — проявлять трогательную заботу об этом куске грязи, который дважды предал нас?

Плутоны — плохой, неудобный враг. Враг без образа. Их колесницы и боевые горы ничем не отличаются от наших. Только внутри никого, никто не кричит, не матерится, когда горит его машина. Никто не сдается в плен. Иной раз такое впечатление создается, что сами с собой воюем. Одно лишь известно наверняка: нельзя воевать на полной автоматике. Голая автоматика против плутонов не воюет.

Плутоны, судя по всему, это и есть боги автоматики, демоны кибернетики, джинны цифровых систем.

Плутоны ловкие, что твой глист, пролезут в любую кибернетическую оболочку, и ты этого в жисть не заметишь. Никакие антивирусники не помогут. Да и проникают ли плутоны? Может они изначально сидят во всех машинах, компьютерах, роботах? Как яички. А в нужный момент из яичек вылупляются гниды. Глядишь, и вот внутри твоего любимого старенького борткомпьютера сидит вражеский информационный организм. Только ты попробуешь вычистить его, сразу и рванет.

Когда наконец прояснилось, где причина, где следствие, то настал черед кибероболочкам подвергнуться мучительной санации. Пристегнули их через интерфейсы и адаптеры к человеку, чтобы тот самостоятельно принимал все решения. Для того и дракон был придуман.

Но едва мы приступили к тотальной санации кибероболочек, плутоны подняли восстание.

Взорвался космический остров «Крым-2» (бывшая комета Галлея), миллионы тонн воды превратились в ледяную туманность, от курортников только порошок остался. Выгорел орбитальный кластер «Целина» вместе со знаменитыми солнечными зеркалами. Плутоны заколдовали и утащили целый флот боевых колесниц с лунной базы Кронштадт, чтобы пиратствовать на всех космических торговых путях.

Мы к Земле, защити, дескать, мать, или дай оружие! А Земля нам не поверила, испугалась нас, обвинила в правом радикализме и в подготовке нападения на материнскую планету. В общем, земной шарик нам ни пушек, ни масла, вообще фаллос показал, когда увел несколько лучших штурмовых эскадрилий с фобосской базы. Тогда мы от Шарика и отложились. Типа провозгласили независимость.

Земля сразу забила в барабан войны, фашистами нас назвала и атаковала наши орбитальные станции слежения. Ну и мы в ответном слове принялись тюкать их челноки-шаттлы.

В конце концов, тайные послы обеих сторон состыковались где-то, выпили, закусили и подписали замирение.

Заимели мы свое независимое бытие, космическое, хреновое, конечно.

На десять тычинок один пестик. Если же вычесть звероподобных спортсменок, оголтелых солдаток и ученых мумий, у которых жизнь теплится только в районе мозга, то одна бабель на двадцать мужиков приходится.

Хоть в очередь становись, хоть лезь с толпой. Какая тут арифметика начинается, всем понятно, надеюсь.

Таких дорогих, прямо скажем, золотых лядей, как в нашей Космике, в целой Вселенной не сыскать.

Какое может быть житие-бытие, если мы все время на тропе войны, одна рука томагавком машет, другая придерживает собственный скальп? Мы, конечно, тоталитарные; человечьи души у нас за пучок пятачок, да и то в базарный день. Зато у нас самый передовой реакционный режим.

Чем нас попрекнешь? Если все пальцы сжаты в кулак, то этим кулаком на пианино не поиграешь, цветочки не намалюешь, даже ногти не отрастишь — им только бить можно.

Раз в квартал выдают нам трусы, раз в год башмаки, которые можно обменять на пиво, если предыдущую пару расходовал экономно. Жрачка — бывшие фекалии, пересобранные на молекулярном уровне. Твой комбинезон цвета хаки-каки, конечно, был уже в употреблении. От прошлых жизней на

комбинезоне бирки остались. А дырочки от осколков на комбинезоне зарастают быстро — материальчик биополимерный, управляемый с помощью ниточных процессоров, и вообще квазиживой.

Если скопытился ты на базе, то лекарств из тебя понаделают, изымут из твоего свежего трупа геночипы и органы заберут на пересадку. Совместимость тканей у всех «номерков» отличная. Потроха сгодятся на спирт — тоже в радость кому-то. Ну, а если в безвоздушном пространстве хана настанет, то станешь космическим газом, тем самым, из которого новые звезды получаются.

И самое интересное, как ни старались светлые головы сочинить что-нибудь светлое, украшающее быт и труд, выходило у них только темное. Ничего не попишешь, живем мы на небе, значит, всего в обрез. Кроме знаний, конечно. Этого добра завались, хоть носом ешь, оттого земляне у нас его стянуть пытаются — у них там вроде мозги прохудились, от науки одна реклама осталась, от техники только коммерция.

Мы земных шпионов время от времени публично аннигилируем, чтоб другим неповадно было. Симпатичная казнь, но помогает этот вид наказания плохо…

Эх, будь у меня родственники, они присоветовали бы мне в ученые идти, которым положено думать да мечтать. Или в техники — снимать хрустящую пенку из бабла со своей мастеровитости. А так я стал бабочкой-однодневкой, как выражаются про нас низшие касты. Родился, набрал веса по-быстрому, укусил, испекся. Бойцы нужны, поэтому инкубаторы жужжат, работают.

Земляне воруют у нас технологии, а мы у них — половые клетки. У нас, конечно тоже половые клетки имеются, и в клонировании мы сильны, но генетический материал нередко с изъянами. Из-за космических излучений и диверсий плутонов на молекулярном уровне. Да и генофонд ограниченный. Ядро нашей нации фактически происходит от двадцати пяти героев и героинь космонавтики, отважно трахавшихся на первой лунной базе…

А плутон в самом деле собрался на Землю. Высота двести восемьдесят километров, а с двухсот начинает работать противокосмическая оборона землян — отстреливать нашего космического брата без особых церемоний…

Митька намедни рассказывал мне про своего дядьку, который такой важный член общества, что ему дозволено для развлечения даже секретаршу иметь. Этот дядя сообщил племяннику Мите нечто секретное. Дескать, один враг народа передал землянам рецепт приготовления искусственной крови. А это не просто

эритроцитовая пикосеть, передающая сигналы. Это своего рода жидкий компьютер — жижа из микромашин-васкулоидов, которая к тому же имеет все обычные функции крови. Накачаешь такой жижей хоть самого гордого героя и он, минут за двадцать, превратится в безвредного заводного пупсика. И еще такая подробность. Чтобы васкулоидная кровь функционировала как доктор прописал, землянам надо еще кое-какую аппаратуру заполучить… Так, может, этот плутон так на Землю торопится, потому что с важным товаром…

Высота двести двадцать, внизу — море Средиземное. Пора урку-плутона окунуть. Не спать, торпедный аппарат! Плутон пустил задом защитный плазменный вихрь и опять уцелел.

Высота — двести, внизу — солнечная Испания. И тут, как и полагается, крик по аудиоканалу.

— Внимание, нарушитель. К вам обращается командование противокосмической обороны Земли. Немедленно покиньте наше внутреннее воздушное пространство. Иначе вы будете уничтожены без дополнительных предупреждений.

— Как же, уничтожен. Разбежался, кабальеро. Прямая кишка у тебя во внутреннем пространстве.

Но пора было обратиться к органическому чипу, печально известному как «совесть». Она, если надо, выйдет на спецсвязь с верховным командованием и уточнит задание. Двадцать секунд «совесть» мучилась и наконец шепнула:

«Противник подлежит безусловной ликвидации». Гора дает добро.

Теперь уж любовный треугольник получается: земное ПКО хочет застрелить Виктора К123, тот в свою очередь обязан завалить плутона.

Высота — сто восемьдесят, до плутона совсем немного. Земляне не зря дрейфят, пальни колесница из бортового оружия где-нибудь над городом, и получится вместо квартала с домами отличная площадка для паркинга. Таков уж эффект выжигания атмосферы.

Еще одна моя торпеда пошла по траектории сходящейся спирали. Когда берешь ее управление на себя, такое впечатление, что ловишь муху стаканом. А вот и хвостик плутона. Все, не удрать соколику из прицельной сетки.

А вот и задница у него отвалилась, дым пошел.

Дракон начинает помаргивать левым глазом. На экране локатора видно что-то вроде мошкары.

С орбитальной платформы-соленоида, высота так двести десять, земляне швырнули кучу болванок. Болваны кидают болванки. А если своим же землянам по голове?

Дракон вытянулся, перегрузка растет, все соки организма плывут к спинке кресла…

Ага, перед тем, как плутон развалился на куски, из него выскочил небольшой черный контейнер. Прямо яичко сантиметров на двадцать!

И тут «мошкара» припечатала колесницу. Словно великан ударил наотмашь ладонью, дробя позвонки.

Виктор К123 больше ничего не видел, кроме дракона, покрывающегося темными пятнами, визжащего, словно от боли, сминаемого, как шоколадная обертка. И одновременно комментирующего агонию занудным голосом: «Повреждение сопла… неуправляемый выход струи… дисфункция главного двигателя… главный двигатель не контролируется процессором… температура в активной зоне подходит к критической точке… отказ узла ближнего наблюдения… возможен взрыв главного двигателя… с достаточной вероятностью взрыв произойдет в ближайшую минуту…»

Последний разговор с «совестью». Катапультироваться или погибать? Пятнадцать секунд «совесть» размышляла, может, совещалась с командованием.

И вот большой палец направлен вверх, капитан К123 остается в списках личного состава, гореть синим пламенем не требуется, блокировка катапульты снята…

Капитан вылетел из колесницы, которая через секунду лопнула под ним. Ощущения были, как у мухи, попавшей в пропеллер самолета. А потом был еще затяжной прыжок, «совесть» давала последние ЦУ перед тем, как разложиться на углекислый газ и воду.

Место посадки и адаптации — деревня Пустомержа, координаты такие-то. Улица такая, дом такой — место проживания Виктора Васильевича Лучкина.

Этот землянин является однояйцевым близнецом Виктора К123. За счет пренатальной подгонки их фенотипы сходны на девяносто процентов. В настоящий момент В. В. Лучкин отсутствует в Пустомерже, потому что находится на заработках в городе Анадырь. Надлежит использовать сходство с близнецом для обмана окружающих, допускается применение психопрограммирующих средств.

Содержимое контейнера, вылетевшего из плутона и попавшего на поверхность Земли, с вероятностью 0.7 — мощный биоинтерфейс, он же суперБИ, устройство широкоспектрального обмена информацией между человеческим организмом и кибероболочками.

Задание: изъять или уничтожить суперБИ. Обратить особое

внимание на то, чтобы суперинтерфейс не попал к сотрудникам Общественной Службы Санации Систем или Центра Киберологических Исследований.

Для эвакуации К123 в такой-то день в район с координатами такими-то будет спущен беспилотный аппарат. На борту возможно получение дополнительных инструкций. Гора желает всех благ. «Совесть», сделав доброе дело, окислилась и перестала существовать…

Капсула с капитаном К123 бодро заглатывала радарные волны и оставалась незаметной для ПКО Земли. Пятое генеральное командование землян занесло в журнал с грифом «секретно» сведения об уничтожении высоко летящей цели. Ввиду отсутствия ущерба на Земле, эта запись могла всплыть лишь по получению протеста от Космики через спецкомитет ООН.

Тем временем контейнер, сброшенный плутоном, завис над шоссе в одной из южноевропейских стран и принялся считывать радиометки на бортах автотрейлеров. Наконец, он выбрал нужную метку и прилепился к днищу машины, следующей на восток Европы.

А капсула со сбитым капитаном уже глубоко проникла в земные сумерки. К123 включил маневровые двигатели и, с трудом ориентируясь в сигналах земных навигационных систем, добрался до района посадки. Там капитан выпустил парашют и стал планировать, выбирая место, где легче спрятаться.

На Земле его встретила ночь в лесу. Ночь пришлась ему по вкусу, потому что новая обстановка была не слишком заметна, да и Космос рядом, хотя уже как бы за занавеской.

Для начала К123 разобрал капсулу, добавил к ней свой скафандр, парашют и дал этим предметам команду на разложение. Через несколько минут от них осталась только лужица слизи.

Капитан сделал себе несколько надлежащих инъекций для выработки иммунитета к земным болезням, не встречающимся в Космике, педикулезу и гонорее. Потом кое-как устроился на корнях большого дерева — похожее он видел в ботаническом саду на Венере. Дал себе установку: спать три с половиной часа. Он впервые заснул в естественной среде, которая оказалась к тому же и агрессивной. Через час, презирая все установки, его разбудили комары и муравьи, о которых он был информирован, и еще какие-то неизвестные ему мелкие насекомые. Он застегнул комбинезон, хлебнул из фляжки сорокапроцентного спирта, натянул капюшон и дал себе еще более жесткую установку — спать два часа. Однако, когда продрал глаза, заметил, что установка опять не сработала. Наступил уже земной полдень.

Пока Виктор К123 добирался от леса до поселка, новые ощущения нападали на него, давили, душили — все, без исключения, из числа самых мерзких. То, что видел глаз, слышало ухо и нюхал нос, было чужое, глупое, бестолковое. Особенно ему не понравилось, что ветер дует без толку, растения растут как попало, заслоняя друг от друга свет, хаотично снуют птицы, явно мешая воздушному транспорту.

От самой Пустомержи разило уже совсем беспредельной дуростью. Дома — просто кучи грязных досок и кирпичей, брошенных на землю абы как, столбы сваливаются набок, повсеместно ямы с дерьмом, видимо, местное достояние. Кругом ржавеют, гниют и по-всякому разлагаются остатки и останки. Покойников как бесполезный мусор загоняют на два метра в землю!

Пилота даже затошнило, очень захотелось, чтобы на землян свалилась комета или метеорит поувесистей.

Наконец, Виктор К123 мысленно превратил Землю в красивый ледяной шар, облегченно вздохнул и смог отыскать нужный ему дом.

Два окна заколочены крест-накрест досками, остальные разбиты.

Зажав нос, он заглянул внутрь. Звенели мухи, этих насекомых он опознал без труда, вспомнив посещение зоопарка. Раздвигая половицы, пробивалась трава, там и сям располагались экскременты. «Ага, вот главный способ, которым жители Земли метят территорию». Дядя Витя представил себе своего брата, обитателя такого дома, и ему впервые стало жутко.

— Витька, ты, что ль… Витя, это ты? Скажи хоть, — раздался голос, похожий на скрип калитки.

Из-за забора, похожего пережившего артобстрел, выглядывало существо, с головой, замотанной в кусок ткани.

Существо двуногое. На двух ногах передвигаются люди, обезьяны и молодые медведи. Обезьяны на такой широте не водятся, медведи покрыты густой шерстью.

Ясно, это человек, скорее женщина, чем мужчина. Просто в Космике даже мертвецы выглядят намного свежее. К123 сделал поправку на большую силу тяжести, солнечную радиацию, ускоренный обмен веществ, и все утряслось.

Выглядывает старый человек, старуха! Взаправду ли старуха приняла его за Виктора Лучкина? Или это только хитроумная игра Глобальной контрразведки Земли? Есть ли повод к физическому или психическому уничтожению появившейся персоны? Пожалуй, лучше смыться отсюда и провести дополнительный анализ данных. Но старая женщина не дала

капитану нырнуть в лопухи. Она просочилась сквозь забор и ухватила его за рукав.

— Витек, он и есть. Возвернулся, — удостоверилась старуха, — но с лица спал. Лицо твое, как у цыпленка замороженного, синее, костяное. Доигрался. Зато наряд-то прям космический, на липучках. Ты его для потехи купил? Или там на Ядовитом Окияне такие выдают, лишь бы работал?

К123 глубоким дыханием снял напряжение. Ликвидировать старуху он всегда успеет, лишь только она «сфальшивит». Лучше принять рабочей гипотезой, что старуха посчитала его Виктором В. Лучкиным, благодаря их общим генам.

— Да что ты, Витенька, смотришь на меня, как на белого медведя? — тараторила себе старушка. — Я же бабушка Хаврония, а ты мой воспитанник. Кто тебя пестовал, когда твои родители, рабы Божии, преставились? Разве такое забывают?

— Здравствуйте, бабушка Хаврония. Как поживаете? — уклончиво сказал К123 и продолжил с жаром, чтобы ей понравиться. — Хорошо в краю родном, пахнет сеном и говном!

— Ты эти слова не кричи, — укоризненно сказала старуха, — а то люди подумают, грубияном был, грубияном и остался… Ну, давай к нам, потом в своей избе приберешься. А то ведь не поесть кашки, откуда силе взяться?

Капитан К123 пытался выработать линию поведения в условиях недостатка информации, особенно его напрягало сообщение о каких-то людях, думающих о нем. Но бабка уже потащила капитана с собой, с ходу протолкнула в щель забора. А на пороге соседнего дома маячил еще один местный житель, тоже неприглядной наружности.

— Какого-такого гостя к нам волочешь? Меня сейчас в послеобеденный сон клонит, и я к умному разговору не предрасположен.

— Да какой с ним умный разговор. Это ж Витя тут у меня. Или уже своих не признаешь, старикашка?

Дед, прищуриваясь, как при стрельбе, всматривался в него, а Виктор К123 с тоской понимал, что если узнавание не состоится, то придется уже убирать двоих. Но тут старик, одобрительно причмокивая, заявил:

— Бляха-муха, узнаю ряшку. Только чего ты нос отрастил, Витек? Лед, что ли, им долбил?

— Да это у него щеки от ветра спрятались, — объяснила бабка. — Шевелись, дед Прогресс, веди гостя в дом.

— Ну как, вернешься вскорости обратно в снега, или же здесь творить будешь? — спросил дед, умильно наблюдая за тем, как бабка подает на стол. — Надо работать как следует, так все вожди

учили.

— Мать честная, — всплеснула руками бабка, — что ты человека пугаешь? Да здесь отродясь как следует никто ничего не делал.

Может, это провокация? Виктор К123 напрягся, подготавливая свое тело к рукопашному бою. Если он заявит, что тоже не любит работать, то дед может вызвать полицию. Если будет настаивать на своей исключительной работоспособности — рискует вызвать подозрительность бабки.

— В определенном смысле я могу оказаться полезным, — уклончиво сказал он.

— Ой, какой разговор нездешний, — растерялась бабка.

— А мне нравится, — поддержал дед Прогресс. — Я Витьку давно приметил, хотя он раньше только ушами шевелил, как вундеркинд. У него тогда, как у дельфина, весь ум внутри был, а нынче снаружи. Так в чем твоя полезность заключается, Витек? Пьешь так, чтоб другим не хватило?

— Я не знаю нынешнего уровня и ориентации местного хозяйства. Но я кое-что смыслю в системотехнике, программировании, астрономии, физике, особенно небесной механике.

Бабка так и села.

— Батюшки, Лемонардо да Винчи во плоти пожаловал.

— Вот теперь я вижу, что не будешь груши кое-чем околачивать, — со сдерживаемым одобрением сказал дед Прогресс. — Завтра я тебя к начальству отведу, перед ним похвастаешься. Порадуешь председателя своими будущими успехами. Интересный ты человек, Витек, в районном масштабе. Глядишь, и поднял бы нашу свинофабрику на кибернетический уровень, чтобы она, это самое, тест Тьюринга прошла. А то нашим мудодеям присылали разных хитрых штук, от которых хозяйство умнее делается. А как их приспособить, никто не догадался. Лежат себе аппараты под навесом, ржавчиной прорастают, а Пахомыч их сторожит с газовым пистолетом. У него газа много, особливо, как гороха накушается.

К123 сообразил, что наляпал много лишнего.

— Бабушка Хавронья, дедушка Прогресс, можно я целый день ничего говорить не буду, а если и скажу, то вы не вслушивайтесь, будто кот мяучит. Вы все делайте, как привыкли, а я здесь на полу полежу. У меня болезнь такая от непосильного труда на крепком морозе. Приступ, до вечера, понимаете?

— Понимаем это и кое-чего еще, — ответили дед с бабкой. — Бери раскладушку и делай на ней, что хочешь.

Виктор К123 уже разобрался с тем, что он хочет. Если он

останется такой, как есть, миссия его завершится досрочно, задохнется она в зародыше. Заморочить головы всем встречным он не сможет, значит, надо заморочить себя. Личностное адаптационное перепрограммирование, оно же, по-народному, подгонка мозгов.

Улучив момент, когда старичье вышло до ветра, К123 вынул из аптечки шприц-пистолет, зарядил его ампулой с супраэнцефалином, крутым достижением космиканских киберфармацевтов. Ну и укололся. Потом через ряд фиксаций ума: на потолке, лампе, мухе, впал в полную прострацию и расслабление всех членов тела.

Работу свою на этом он завершил, дальше стал функционировать супраэнцефалин — микромашинная субстанция, быстро проникшая в мозг и совершающая каждое мгновение миллионы краткосрочных подключений к нейронам.

Супраэнцефалин действовал по принципу стирательной резинки — убирая карандашные штрихи, но оставляя чернильные линии. Осталась ненависть к врагу-вору и солидарность с товарищами по борьбе. Но облик врага поразмылся, стал похож на грязное пятно, и лица товарищей слились в одну светлую личину. Воспоминания о космокавалерии уже больше не пронизывали его насквозь, хотя сведения о колесницах, боевых горах, характеристиках оружия и тактике боев остались на месте. Улетели назойливые мысли о тренировках, зачетах, учебах, инструктажах, пайках, помывках, попойках. Но сохранилось уважение к чину и порядку.

— Спит или не спит, глаза-то открытые, — по обыкновению вслух размышляла бабка.

— Полный порядок, — успокаивал ее дед. — Это он так на севере научился, на случай нападения моржей. Я видал такого зверя в цирке, страхолюдина нестерпимая.

Потом деда с бабкой окончательно разморило, и они тоже отправились погулять в сонное царство. Когда они уже образовали слаженный дуэт храпового пения, пришел мальчишка, сын деревенской продавщицы. Принес кулек конфет в обмен на авоську картошки, которую дед Прогресс накопал этой женщине вчера.

Мальчик Петя положил пакетик на стол, потом увидел странного дядю в черном комбинезоне, развалившегося на раскладушке. На дядином комбинезоне было много кармашков, не то, что у трактористов. Один кармашек приоткрылся, из него выглядывала, вселяя сладкий ужас, рукоятка пистолета.

Петя, как бойкий деревенский мальчик, не удержался и потянул оружие за рукоятку. Но вытащенный пистолет оказался

какой-то не настоящий, похожий на водяной. Вместе с ним выпало из комбинезона несколько прозрачных патронов с жидкостью.

Петя был очень смекалистый, драчливый и отгадывал с полоборота любой ребус. Он всунул патрончик с казенной части в пистолет, взвел курок, а потом решил еще немного поозорничать. Поднес дуло пистолета к дядиной руке и нажал спусковой крючок. Из дула выскочила тоненькая едва заметная струйка, продырявила запросто дядину кожу, тот чуток вздрогнул, застонал, и все. Любопытство ребенка было полностью удовлетворено, он прошептал: «Херня, а не пистолетик», сунул глупую игрушку обратно в дядин карман и убежал домой.

Таким образом, еще одна доза супраэнцефалина отправилась на работу в мозг Виктора К123.

Новоявленному Вите Лучкину стало очень не по себе. Из носа потянулась струйка крови. По внутреннему ландшафту прокатилось цунами.

Какие они теперь — зло и вред, на что похоже добро? От чего бежать, к чему стремиться?

Гасли во мраке путеводные звезды: бессмертие Космики, непреходящие заповеди касты кшатриев, миссия космокавалерии. Не стало нежности к чревам родных инкубаторов и любования мощью несущихся во мраке боевых гор, погас огонь братства с еще живыми и уже ушедшими пилотами. И красота наступающего строя колесниц сейчас не тронула бы капитана К123. Исчезла ненависть к гадам-плутонам и гнидам-землянам. Рассеялась надежда на грядущее преображение Космики в мудрый венец всей Солнечной системы, а может, и целой Галактики. Померкли лозунги, исчезли знания.

Очистилась поляна, на которой принялось расти новое дерево добра и зла. Местным воздухом оно дышало, местным удобрением кормилось, веточки из него тянулись бабкины, а листочки — дедкины.

Около девяти вечера Виктор К123 приподнялся, сел на своей раскладушке. Взгляд его был мутным и тупым.

— Давай к нам, бабка пироги знатные наколдовала, — предложил дед. — Вид у тебя, конечно, как после собрания хозактива в защиту больших надоев, мира и дружбы во всем мире. Ну, мы сейчас по рюмке для просветления.

К123 мало что понимал: кто он, где он, кто эти люди вокруг, почему перед глазами взрываются какие-то ракеты? Он привстал и упал назад, запутавшись в своих ногах.

— Кажись, я все позабывал. Кто я такой? Чего мне надо?

— Когда успел накушаться, — ахнула бабка, — у него что,

под одеждой двойное брюхо и запас алкоголя? Да вроде и не разит, — принюхалась она. — Может, клизму спирто-водочную сделал?

— Цыц, бабка. Ты зачем ему стресс делаешь, — унял ее дед, — отвыкай от таких штук в моем доме. У человека, понимаешь, течение болезни. В любую сторону потечь может.

— Кто я? — не унимался настырный К123. — Зачем я?

— Виктор Васильевич Лучкин, природный пустомержский житель. Был и чуть не сплыл на Чукотке, — терпеливо разъяснял дед. — Пока невесть где шлялся, стал умный. Обучен какой-то технике и телесной механике и всякой такой дребедени.

— Ага, ага, ага, — соглашался капитан К123, — все в яблочко. Ему хотелось успокоиться и кем-то стать. Тем более носились вокруг обрывки воспоминаний: схемы, детали, панели управления и звезды — больно яркие, прямо лампочки. И еще летающие тарелки, горящие туманы, белые слепящие пирамиды и кое-что вроде дракона на экране.

— Я уж как-нибудь обученный, науки мне не занимать, — с достоинством в голосе произнес новоявленный Витя Лучкин, — да еще и фильмов насмотрелся про космические похождения, так перед глазами и стоят. Это здорово мешает, елы.

— Мне тожно кое-чего мешает, оно же и помогает иногда, — двусмысленно заметил дед Прогресс. — Ну-ка давай по стопарику на поправку организма.

— Ты там не подженился, на чукче женского пола? — игриво заметила бабка. — А то был мастер девок портить.

— Их этим не спортишь, — глубокомысленно заметил дед Прогресс.

— Ну-ка, покажи пачпорт, там микрочип пришпандорен, с информацией о семейном положении, — развивала тему бабка с угадываемыми сватовскими намерениями. — А то здесь одна Настюха ждет не дождется.

— Она всех мужиков ждет, — резонно сказал дед. — Вот когда поставит поллитра, тогда и дождется.

— Пачпорт, какой-такой пачпорт, ничего у меня нет, — всполошился Витек.

— Ладно, не дрейфь, прорвемся, как «кукурузники» на Берлин. Метрика-то есть, метрику сыщем и документ тебе выправим, — утешил его дед Прогресс.

Блок 2

В шесть-ноль по основному времени боевая колесница Космики приблизилась к Земле на расстояние триста двадцать километров и отстрелила спускаемый аппарат. Тот приземлился в десяти километрах от города Анадырь в укромном месте. После посадки от аппарата отделился поисковый модуль, который должен был обнаружить персональную радиометку.

Виктор Лучкин, закончив пребывание в компании девушки Марины, направлялся обратно, в общежитие морского порта. В тот момент, когда он отошел к забору, собираясь справить малую нужду, он даже и не подозревал, что вскоре после рождения в него была вживлена секретная радиометка.

«Товарищ милиционер, я только…», — непроизвольно обронил он, когда что-то опустилось ему на плечо. В. Лучкин повернул голову и крякнул. На плече сидел здоровый черный жук из мультфильма, да еще перебирал лапками и шевелил усиками. Если бы Виктор догадался, что «жук» сейчас сканирует его тепловые волны, определяя положение вен, то не замер бы в изумлении. Напротив, скинул бы пиджак и, завернув в него «жука», старательно шмякнул получившимся свертком об забор. Поскольку Лучкин этого не сделал, «жук» впился ему в кровяной канал и впрыснул туда сложное вещество, после чего отвалился и исчез.

Почти сразу Виктор понял, что отравлен, ведь перед глазами появилось множество пузырей, в которых сидели жуки.

Он бросился в медпункт, фельдшерица, не дослушав переживания, отправила его проспаться. Тут «жук» снова уселся ему на плечо и молвил человечьим голосом: «Гнусно умрешь, если не послушаешься. У кого яд, у того и противоядие… Разбудив начальника, скажи, что отбываешь домой на три месяца. Потом следуй за мной. За хорошее поведение сохраню жизнь».

Не чая спасения от официального здравоохранения, В. В. Лучкин выполнил все задания в точности. Даже с некоторым подобострастием на лице забрался в капсулу, намереваясь получить курс лечения. Направлявший его всю дорогу «жук» сделал еще один укол, и в момент старта Виктор Васильевич уже почивал сладким нарколептическим сном, во время которого молекулярные машины переводили его в состояние холодного биостаза.

Блок 3

Человек, который был еще совсем недавно капитаном космокавалерии, теперь являлся патриотом деревни Пустомержа, что затерялась где-то на просторах ленобласти.

Обрыдло деревенскому патриоту в городе, надоело все, хоть это и областной центр. Добраться бы с ветерком до родимой Пустомержи, помыться-попариться в баньке, заглотить чекушку да упасть рыльцем вниз, в спелые хлеба. Желательно не одному упасть, а с Настюхой со свинофабрики. У них взаимное чувство имеется, как пить дать. В прошлом месяце, когда был пожар на складе и угорел Пахомыч, она об своем чувстве дяде Вите знать дала. С ласковой-ласковой улыбочкой лила ему на ожоги студеную воду. Его, правда, от такой помощи чуть Кондрат не хватил, но она же хорошего ему хотела, а потом виноватой себя ощущала. Шептала густым голосом: «Глупая я», а он хватал ее забинтованными руками за тугие телеса. Время, что говорится, не терял, пользуясь правами пострадавшего. А потом дядя Витя любовную историю почти загубил вот этими самыми руками. Принялся он на свою голову сочинять книгу про пожар на складе. Начиналась книга так:

«Директор совхоза вздрогнул, когда жар девушкиного тела прошел сквозь его пиджак. Он не хотел потакать ей накануне рабочего дня, поэтому отстранился. Однако горячие, как блины со сковородки, губы Насти догнали щеки директора. Зазвонил телефон. Наверное, из района, подумалось ему. По их головам бегали мухи. Вот если бы надо было выполнять план по мухам, а не по зерновым, — помечталось директору. Телефон не унимался, звонки напомнили о тревожном положении на свинофабрике, об отставании в заготовке кормов. Директор отодвинул Настю, помял папиросу, не спеша закурил. Потом взял со стола газету и стал читать вслух числа, сообщающие о неудовлетворительной работе девушки и ее односельчан. Наконец он стал объяснять Насте механизм ценообразования. „Что ж ты со мной делаешь, любимый“, — сказала девушка и хихикнула».

Зачитал дядя Витя такое начало Насте, а она чего-то обиделась, кинула ему в лицо семечки и ушла. Расстроенный дядя Витя писательское ремесло отставил и занялся системотехникой на свинофабрике, благо всякого оборудования начальство навыписывало и сложило под навес в ожидании, пока идеи овладеют массами. Масса не масса, но дядя Витя порадовал начальника своим почином. Вот и работницы дали наказ, чтоб их тяжелый труд полегчал и проходил весело.

Инициативный мужчина, улыбнувшись девушкам, начал мастерить.

Перво-наперво оприходовал коробочки, на которых значилось: «Биоинтерфейс „Миг-50“. Устройство трансляции биологических сигналов в технические системы». Дядя Витя где-то, как-то, что-то понял, вынул из коробок блестящие пластинки, прилепил их свиньям там, где щетины поменьше.

Распаковал модули, смонтировал согласно инструкции, вставил процессоры в слоты, подсоединил «железо» к сетевому кабелю, загрузил объектные адаптеры и рванул рубильник. Система зафурычила, экраны замигали сообщениями о доступе в самые престижные банки данных. Задачу всей технике дядя Витя поставил благородную: «Ни один позыв свиньи не оставит нас равнодушными». И потекла красивая жизнь, любо и недорого посмотреть.

Хряки и хрюши, как господа и дамы, вовремя накормлены-напоены, хорошо побриты, внимательно помыты, уложены спать и убаюканы песней колыбельного содержания. Дядю Витю начальники уже не хлопали по шее, а старательно жали ему руки. Народ, в свою очередь, за достигнутые успехи прозвал его «свинячья мамка» и «свинский кудесник». А Настюха, бывало, подойдет сзади, повернет ему голову до хруста в шее и схватит жаркими губами за лицо — при всех. Работницы смеялись и приговаривали: «Смотри не проглоти случаянно своего ученого».

Но недолго длилось счастье дяди Вити. В свиной колбасе стало попадать на зуб что-то неколбасное. И сало и шпиг — с помойным душком. И от торговли претензии пошли, что в свинине — ноль свинины.

Директор совхоза сходил на свиноферму и упал в обморок.

Оказалось, что система изготавливает колбасу и другие мясопродукты, из чего угодно, только не из свиней.

Система разит направо и налево любую другую живность: кошек, тараканов, крыс, собак, голубей, лошадей. Даже алкоголик-сторож пропал без вести где-то в этом районе. Живность заманивается всякими приманками, потом всасывается пневмозаборником в специальное помещение и там бьется насмерть током. Кроме того, необходимые белки, жиры и углеводы добираются с помощью пневморукавов из баков с помоями и выгребных ям.

На следующий день собрались у свинофабрики мясники. Крепкие бородатые мужики с ножами и топорами пошли в атаку со всех сторон.

И захлебнулись в жидком навозе, которым система залила подступы к свинофабрике.

Тогда вертолет спустил мясников сверху. Они разобрали кровлю, и пошла кровавая потеха.

Мясники резали по плану и сверх плана, всех бы поубивали, если б дед Прогресс не вступился за животных. Вспомнил дед лихую молодость и начал садить по окнам с двух дробовиков…

Явилась — не запылилась комиссия из областного центра и начала копать да вскрывать.

Вывод был однозначен: мысленные протесты свиней против смертной казни показались системе крайне убедительными. Особенно после тщательного копания в банках юридических данных и знакомства с женевской конвенцией.

А вообще-то биоинтерфейсы предназначалась для людей, сельских механизаторов, а не для каких-то хрюкающих тварей.

Местные начальники получили по выговору и поникли головами, обиделись. Никто им ничего толком не объяснил, а сами опять не сообразили. А почему не сообразили?

Потому что старшие товарищи учили их не соображать, а выполнять производственные задания. Так решили участники совместного распития традиционного утешительного яда в здании районной администрации.

Председатель совхоза вместе с руководителем комиссии съездили потом на рыбалку. Клев был хороший, и хотя отправились они злые, но по ходу дела успокоились и даже подружились.

Поэтому ограничились увольнением заместителя по правам животных. Ну, а с дяди Вити чего возьмешь?

Сам же дядя Витя мучался мыслями: то ли оболочка хотела его подставить, то ли свиньи действительно ничем не хуже людей. В любом случае надо доставать мощное программное обеспечение для более тонкой обработки свинских желаний, и совмещения их с общественными потребностями…

Директор ему на это официальное добро не дал, даже руками замахал, мол, прочь с глаз моих, постылый. Дядя Витя решил все устроить частным образом, чтобы облагодетельствовать родное хозяйство внезапно, на манер сюрприза, а заодно и честь свою спасти. Собрал монатки, для прикрытия миссии взял заказов на покупки у односельчан. Настюша, смущаясь и краснея, как маков цвет пополам со свеклой, сама попросила привезти ей полупрозрачные трусики пятьдесят второго размера.

Отягощенный заботами ворвался дядя Витя в город на рейсовом вертолете. Прямо в аэропорту ровно улыбающиеся служительницы прилепили ему к запястью маленькую пиявочку биоинтерфейса (БИ), чтоб его кибероболочки понимали. Пиявочка пощипала кожу и приросла почти что намертво.

А за ухом дяде Васе приклеили радиосетевой приемник-передатчик, токер, чтобы он получал в звуковом виде распоряжения тех самых оболочек.

После того чувствовал на себе дядя Витя день-деньской неусыпное внимание, что свинка в его хозяйстве. Кругом, как оказалось, понатыкано рецепторов этих оболочек, получающих сигналы от его биоинтерфейса. Да и видеодатчики подглядывают, когда впрямую, когда исподтишка. И через токер оболочки ему без устали долдонят, как ему уцелеть среди всех опасностей — будто он не в городе, а в джунглях.

Туда не ходи… сюда ходи… не останавливаться… постой… отдохни… не трожь… хватай… дыши… не дыши… И в самом деле, оказалось, в городе хлопот побольше, чем в джунглях.

На лифтах и самодвижущихся дорожках едут люди и товары во всех направлениях. То трубу прорвет, то кислотный дождь окропит, то воздух вдруг станет нехороший, то солнце неприятное.

Повсюду дядю Витю не только спасают, но и умиротворяют, чтобы не было стресса. Приятный свет, даже в самом глухом закоулке, прямо из стен сочится; ненавязчивая музыка, которая слегка щекочет мозжечок, как будто из тротуара льется; благовония пованивают, создавая легкий дурман; какие-то металлические штуки, похожие на цветы, раскрываются и захлопываются, мелодично позвякивая, и даже сообщая, что их нельзя трогать руками.

А в токере каждые полчаса непонятный, но приятный бубнеж под названием «мантра» — дядя Витя удивился, что индийский мат столь здорово звучит. И от такого непрерывного кайфа спорить не хочется, хотя иногда и надо…

Пошел дядя Витя на выставку-продажу программного обеспечения, что на первом этаже в Эрмитаже, а какая-то надзирающая оболочка его туда и не пустила вовсе. Ударила поролоновым кулаком по шее и словами уязвила: «Эй, куда попер? Ошибся адресом, милок, тебе в греческий зал». В общем, куда надо не попал, со специалистами не посовещался. Хотел подловить какого-нибудь у входа, но специалист, завидев интересующегося дядю Витю, сразу шарахался.

Пришлось взять некий кибернетический объект с элементами искусственного интеллекта у небритого спекулянта под большой кавказской кепкой. Волнительная проверка покупки откладывалась до живого эксперимента в Пустомерже.

Тут дядя Витя стал впервые ощущать, что оболочки он, в общем-то, не любит. Одна из них заслала его в город, а другие принялись куражиться. Но при всем неудовольствии запросы

односельчан предстояло удовлетворить в точности.

После общения со спекулянтом дяди Витина мошна сильно сморщилась и похудела. По такому случаю нашел он центр общественной помощи, где выбил особую чип-карту «для социально слабых и умственно отсталых». С такой картой можно жить по потребностям, не имея особых способностей.

Отправился потом в большой магазин. Прочитал дядя Витя про нормы отпуска товаров по чип-карте, но решил на этот раз не быть чайником и слукавить. Зашел один раз, отоварился, оставил пакеты в камере хранения. Снова сделал ходку в магазин и спрятал пакеты, и опять повторил операцию. А на выходе, уже после кассы и камеры хранения токер шепнул ему: «Ты сам этого хотел».

Луч лазера создал канал ионизации, сверкнула зеленая молния и сраженный ей дядя Витя пал на землю едва живой, рассыпав вокруг себя покупки. Прибежали контролеры, охранники, одели шляпу на сотрясенную голову дяди Вити, проверили чеки, сличили его портрет с физиономиями, находящимися в розыске. Потом вложили ему сумки в руки и вывели за дверь, чтобы он шатался уже на улице.

— Во паскуда, три раза туда-сюда просвистел, и никто ничего не заметил. Нет, надо было ему еще рыло начистить, — сказал охранник.

— Как бы нам самим рыло не начистили. Ведь молнией-то можно звезданут только уголовника, а такого олуха, как этот, лишь предупредить звонком. Хорошо, если он деревенщина неотесанная и в суд не подаст, — резонно заметил директор и обернулся к системотехнику. — Ну, так почему ведете огонь по социально слабым и умственно отсталым?

— У кибероболочки был сбой при декодировании мыслесигналов, информация оценена неверно. Но и дядька с каким-то прибабахом, зуб даю. И вообще, оболочка у нас свежая, зеленая еще, можно сказать…

— Свежая, зеленая, вы что на базаре? — уверенно нахамил директор. — Дайте-ка весточку про этот темный случай в Службу Санации.

Тем временем колеблющийся на ветру дядя Витя захотел поскорее добраться до гостиницы «Ленинград». Там ему, как труженику села, предоставили лежачее место на втором ярусе в общей спальне для социально слабых и умственно отсталых. На первом ярусе, как и полагается, помещались ветераны труда, пенсионеры, на третьем молодежь, неформалы всякие. Так желательно было б сейчас протянуть ноги на своей заслуженной койке, но такси-роботы, робобусы, зля его, не спешили на вызов.

Колени дрожали, язык присох, очень хотелось заглотить пива, которое хранилось у него в номере под подушкой. Дядя Витя нащупал потной рукой в кармане скомканную денежку и решил рискнуть своими финансами. Замахал частнику, который как раз выезжал из подворотни дома напротив. Водитель заметил, решил помочь лоху.

Но тут откуда ни возьмись выскочил робобус, прямо наперерез частнику, тот едва успел скрежетнуть тормозами. «Садитесь быстро, не теряя общего времени», — пискнул токер от имени и по поручению робобуса. «Накося, — заупрямился дядя Витя, — теперь уж без сопливых обойдемся». Он обогнул робота, подошел к частнику и кое-как протянул отягощенную сумками и авоськами руку к дверце. Но тут пришлось дяде Вите проявить беличью прыть. Робобус чуть проехал вперед, потом двинул задом, вырулив впритык к тому борту автомобиля, где стоял дядя Витя. «Вы должны ехать на мне», — неумолимо провозгласил робобус через токер. Но дядя Витя решил противиться чужой непреклонной воле до последнего дыхания. Он побежал с мостовой на тротуар, робобус же последовал за ним. Дядя Витя не объяснял себе причин, а лишь ставил перед собой задачи: уйти от погони и сохранить сидоры с покупками. На тротуаре он оглянулся, желая показать кукиш робобусу, но тот не дал возможности глумиться над собой — машина неотступно следовала за человеком. Сельский труженик свернул за угол — и робобус за ним, умело прижимая к стене и приговаривая: «Вот теперь ты — мой».

Выбор был, как всегда, небогат: или полностью принадлежать машине, ущемив человеческое достоинство, или, расцветая достоинством, становиться красным пятном на стене. В каком случае меньше дергаться придется — неясно. Поэтому он выбрал третье. По дороге ему попался мусорный бак. Он сорвал крышку и нырнул ласточкой вглубь, упрямо сжимая ручки катулей в кулаках. Внутри дяде Вите не все понравилось, но на свиноферме запахи тоже были не ахти.

Сориентировавшись в замкнутом пространстве, дядя Витя стал наблюдать за адской машиной, которая постояла немного, как бы в раздумии, потом ткнула бак бампером. Бак упал на бок, покатился. Покатился вместе с ним и дядя Витя с пожитками. Потом изнурительное верчение прекратилось, бак уткнулся в стену и произнес: «Не кантовать. Опять кантуют, ублюдки».

Едва все соки в дяде Вити прекратили кружиться, как их плеснуло вдоль. Робобус наезжал и отъезжал, усердно сплющивая бак, который стонал и ругался. Дяде Вите казалось, что робобус просто захотел приготовить железный блин с мясной начинкой.

«Поди, поди», — уговаривал селянин робота, как деревенскую жучку, а потом не выдержал и завыл горестным воем. «Выходи, — приказал робобус. — Будешь за все отвечать».

Дядя Витя смолк, но выходить на расправу не стал, а решил приготовляться к смерти. Но тут пытка прекратилась. Дядю Витю вытащили из бака, конечно, вместе с катулями, которые он ни разу не отпустил. Над ним склонилось дружественное лицо водителя и хмурая физиономия гаишника.

— Начальник не верил, что в баке человек, пока ты не взвыл, — заметил водитель. — Вот тогда уже ввел код прерывания в робобус.

— За что? — бросил вверх дядя Витя.

— За все, — объяснил гаишник, но про себя решил, что сообщит о происшествии в Службу Санации. Может, этот мужик только прикидывается простаком.

— Да робобус просто удружить хотел, — дал свою версию водитель, — понравился ты ему, дядька.

Частник свез бедного селянина в гостиницу и даже не захотел взять с него деньги: «Угощаю… И так уж настрадался, лопух».

Изможденный дядя Витя вошел в переливающийся красками вестибюль. Хотел было обрадоваться, что он, простой крестьянин, живет в таких знатных хоромах. Но тут токер все испортил, затрындел высокомерно: «Людям в грязной спецодежде вход не сюда. Предлагаю немедленно выйти на улицу». Дядя Витя пристально оглядел себя, одежонка действительно не ахти. Вначале он сконфузился, но потом вспомнил, кто его так извалял. Это он еще ничего после всех унижений смотрится. «Ваше дело — прибираться за мной, а мое пачкать, и заткнись», — выдернув токер из уха, заявил ему дядя Витя. Он был уже готов на бунт бессмысленный и беспощадный, поэтому нарочито плюнул на пол и растер свое произведение башмаком. Облегчившись столь незатейливым образом, дядя Витя положил токер назад, в ухо, и упал на диван — немного передохнуть перед тем, как пересечь холл. Чудная музычка с квакающим пением отключали его от хлопот, из-за курильниц голова начинала парить, как воздушный шар. Можно было позырить вполглаза на тощих девок, которые голографически высовывались из рекламных щитов и призывно махали конечностями. Такие женщины в Пустомерже не водились. Бабоньки в родной деревне славились совсем другими размерностями.

Холл быстро пустел, и это нравилось дяде Вите — ощущение такое, что он царек-королек в личном тронном зале. Ясными глазами дядя Витя принялся наблюдать, как прячутся в стены рекламные девки, тонут в полу цветочные горшки, засасываются

потолком шторы, а люди торопятся к лифтам. Наконец, дядя Витя заметил, что в холле совсем один.

Он привстал, еще недоумевая, но уже чувствуя: происходит кое-что именно в его честь. Он скромно потупился, потом посмотрел по-орлиному гордо, а затем по-быстрому сник. Кусок стены в одном месте торжественно отполз вбок. Из пещерного мрака, хитро поблескивая глазками-огоньками, стали выползать здоровенные черепахи. Нет, это были не черепахи, а похожие на них приземистые аппараты. И дядя Витя сразу понял, что с такими не договориться. Следом двинулись другие машины, повыше в холке, рогами-захватами смахивающие на козлов. Приземистые, пуская струйки пара из-под низа, построились свиньей, цепью вытянулись перед ними рогатые устройства, и вся эта внушительная рать покатилась на маленького дядю Витю. «Я ведь предупреждал, теперь вам дороже обойдется», — позлорадничал токер.

«Козлы» поднимали на рога и проглатывали всякую мебель, вернее, то, что попадалось им на пути. «Черепахи» пропаривали и проутюживали освободившиеся поверхности. Шансов на жизнь вражеская кодла оставляла мало. Дядя Витя, не выпуская покупок из окостеневших ладоней, стал метаться, как броуновская частица. Но территория для метаний становилась уже и уже, неприятель двигался плотнеющими рядами, мимо него не прошмыгнула бы ни мышка, ни сурок. В смятении чувств дядя Витя бросился к окну, желая убедительными жестами привлечь внимание прохожих. Но стекло быстро заволокло ядовитой моющей пеной, и дядю Витю успела заметить лишь стайка мальчишек. Вихрастые сорванцы стали тыкать в него пальцами, приседать, хлопая себя по коленкам, мотать головами, почти корчиться от смеха, дескать, ничего более забавного и за деньги не покажут. А когда труженик села отчаялся получить помощь извне и повернулся к своим мучителям лицом, ткнуться было уже некуда. «Черепахи» взяли его в железные клещи, какой-то «козел» вздыбился перед ним, поднял на рога и стал подносить к своему разверстому зеву.

Надломленный психически, сжатый физически, дядя Витя хотел уже сложить ручки на груди — нате, жуйте меня, оболочки, козлы проклятые, раз заслужили по праву сильного. Но вдруг послышалась ласковая музыка со словами про любовь. Он уперся ногами и вывернул голову по направлению звука. Совсем рядом одна вестибюльная колонна распахнулась и показала вход в лифт. Дядю Витю так поманило уютное розовое нутро подъемного средства, что он моментально продумал комбинацию. Перестал упираться ногами, резко выдохнул, крутанулся вниз головой,

выдрался из захвата, услышал треск своих штанов, упал на живот, протиснулся под «козлом», перемахнул через «черепаху» и прыгнул, метясь в лифт. Проглиссировав, влетел в кабину точно, как шайба в ворота. По дороге он ревел, что младенец, только на октаву ниже. Дядя Витя еще приподнялся, как раненый воин, ткнул носом в кнопки и снова повалился. Лифт стал взлетать к небесам — так показалось растекшемуся по полу телу. И катули, как части организма, остались при нем! Райские впечатления усилились, когда двери бесшумно разошлись, и в кабину вполз мягкий душистый туман. Дядя Витя поднялся без боли и поплыл-поплыл в этом мареве, вкушая блаженство.

Тут и гурии возникли, оголенные, как и полагается. Их объемы напоминали Настюхины телеса, а вот глаза — южный овощ маслину. Эх, и Настеньку бы сюда за компанию, она беленькая, эти — смугленькие, прямо картинка, мелькнуло в затуманенной голове дяди Вити. Разодранные штаны, удерживаемые до поры силой воли, стали спадать с него, а руки вместе с сумками потянулись к нежным созданиям. Однако гурии, заметив дядю Витю, сразу превратились в гарпий и фурий. Они напали на него, стали царапать и терзать, драть в клочья и клевать, кусать и обзывать на южных языках: гуль, зебб и шайтан. А дядя Витя был уже обмякший, беззащитный, безропотный, лишь мог приговаривать: «Только сумки не бейте». Потом появился мужчина в халате, чалме, туфлях с загнутыми носками на ногах, с шампурами в руках. Дядя Витя понял, что доходчиво объяснить свое появление он не сумеет и будет нанизан на шампуры человеком южной национальности. Если только сам не взбесится.

И дядя Витя взбесился. Возбудил в себе злое начало и стал «объяснять». С криками «ура» и «русские не сдаются» пошел в атаку, а также выставил вперед авоську с коньками.

Хозяин гарема был смят и отброшен вместе со своими острыми шампурами. Северная ярость одолела южную страстность. Натиск дяди Вити был так грозен и пассионарен, что недавно еще мирный труженик проскочил несколько помещений и оказался на каком-то помосте.

Ему захотелось остановиться, но он был уже в воздухе, слегка повисел и отправился вниз, где его поджидала зима. Вначале дядю Витю ожгло, потом ничего, привык, но изо рта вместо слов вышли пузыри.

Повсюду была ледяная вода. Из-за этой воды дядя Витя догадался, что действие происходит в бане. Однако всплыть не удавалось, сидоры тянули его на дно. Вокруг уже захороводили тени товарищей по работе, тучей обозначилась Настюха, они напевали: «Прощай, милый мой, наверно, наверно, не быть нам с

тобой». Тут что-то впилось ему в уши и потащило вверх, к белому свету, кислород ворвался в съежившиеся легкие, а глаза увидели бороду гаремщика.

— Слушай, дай рука, — сказал южанин, — нэ пажалеешь. Я тэбя раскусил. Твой нэ хател мой женщын. Салам тэбе.

— Нет, не салам. Не брошу вещи, — прохрипел дядя Витя, — все равно ты меня зарежешь.

— Нэ хачу тэбя резать сэгодня. Мой учился Гарвард, Сорбонна, Массачусетский тэхналагический. Мой рэзать и взрывать только гордый враг, — напомнил добрый магометанин и, сохранив дяде Вите жизнь, неожиданно расщедрился. — Я тэбя атпущу.

Наконец жителю солнечной пустыни (или горы) удалось зацепить упирающегося дядю Витю полотенцем и втащить на бортик бассейна.

— А я все равно магометанство не приму, — продолжал словесно сопротивляться дядя Витя.

— Ой, нэ в тот рай попадешь, гдэ ни адной, панимаэшь, женщыны, — предупредил окончательно подобревший горец (или пустынник) и отвел сочащегося жидкостью дядю Витю в его номер, поддерживая, как дорогого гостя, под локоть. Даже помог вскарабкаться на второй ярус. Сутки пролежал мужественный человек пластом, не выпуская из рук приобретений и окрапляя отходящими водами пенсионера внизу. Тот почему-то не возражал. На следующий день выяснилось, что пенсионеру уже все решительно было до фени по причине трупного окоченения. Зато к этому времени дядя Витя был бодр, весел, слегка под газом, хорошо побрит и почти сух. Какой-то вызванный молодежью кибер прошелся по нему утюгом. Селянин стерпел, ни разу не застонав. Долг был исполнен, все силы отданы на. Трофеи, иначе не назовешь, остались при нем. Некоторые сумки, правда, подозрительно разбухли, раза в два, другие съежились до размеров ридикюля. Зато мирно спал в кармане билет на приближающийся геликоптер «Синяя птица». И уж во всяком случае оболочки, системы и кто там еще, не взяли его тепленьким.

В аэропорту дядя Витя повстречался со своими пустомержцами, бабкой Хавронией и дедом Прогрессом. Тех, оказывается, вчера понесло в город за автоматическими челюстями — прежний жевательный аппарат сломался у дедушке при активной работе с грецкими орехами. Лицо дяди Вити разгладилось, глаза прищурились, а рот стал лыбиться. Тем более, что старички напитали его салом и хреном, когда он вспомнил, что не кормил свое тело два дня. Токеры пустомержцев

принесли благие вести о скорой посадке, и дядя Витя проникся расположением даже к этой ушной заразе. Будущие пассажиры «Синей птицы» перебрались в буферный зал. Там токеры мило прогнусавили: «Пустомержа. Вторая (красная) дорожка».

Пока ехали на самоходной дорожке, не горевали. Дед Прогресс щелкал новыми челюстями, хихикал и подмигивал, бабка Хаврония с притоптыванием исполнила несколько частушек про любовь с летчиком. Потом дорожка уткнулась в кабину, похожую на аттракционный вагончик.

Из токера выскочила следующая команда: «Занять места согласно стартовому расписанию».

Пустомержцы стали рассаживаться, кто любит — к окошку, кто не любит — подальше от иллюминатора. Кресла были интересные, новой конструкции, качающиеся во все стороны, так что бабка Хаврония боялась осрамиться. Кабина ехала и ехала себе по земле. Дед Прогресс предположил, что их опять надрали: деньги взяли за воздух, а повезут поездом. И бабка Хаврония заволновалась — значит, и рельсы уже успели положить, а вдруг прямо через огород, по огурцам. Но кабина их успокоила, потянулась вверх, в конце концов остановилась, щелкнули крепления. «Вот и прилепились, легли в пузо», — сообразил дед. Полуженский технический голос сказал по токеру: «Кресла в позицию один. Объявляется минутная готовность».

— Бабка, в позицию, — шутейно гаркнул дед и переключился без связи. — Что-то я здесь нужника не вижу. Какать тоже в пакет?

Кабина затряслась вдруг мелкой, а потом крупной дрожью, почти забилась. Из-за борта в уши проник, потом въелся в мозги тяжелый плотный гул. Непривычная сила стала вдавливать пустомержцев в кресла, перемещать в них все подвижные вещества, а затем, наоборот, пошло легчать. Дед забыл о нужнике, принялся хрустеть огурцом и поглядывать по сторонам.

— Ой, Земля в иллюминаторе — все своих отправляет питомцев, сыновей, дочерей… — пропел он, глядя сквозь прозрачные диамантоидные борта, а потом задумался. — Почему звезды-то вокруг, ведь день же был, или это по телику звездные войны показывают?

— Раз на небо забросили, то рано или поздно шлепнемся назад, — беспечно протараторила бабка.

— А вдруг так и будем лететь, пока рогами в Солнце не упремся, и будет тогда яичница на этом стуле… Ай, не хочу, — дед изо всех стариковских сил забил кулаком по иллюминатору.

Появился некто в скафандре, кого раньше не видели.

— Здрасьте, мил человек, — обрадовалась гостю бабка.

Человек в скафандре мучительно думал, анализировал, взвешивал «за» и «против», полемизировал сам с собой и, наконец, пришел к единому мнению:

— Понял, понял. Представление будете давать на орбитальной станции. Комики, значит.

— Это почему комики? Думаешь, горшок на голову надел, значит, все можно? — угрюмо спросил дед и привстал, сжимая в руках батон. — Я ветеран сельского труда, а не говночист какой-нибудь.

— А-ха-ха, — залился человек в скафандре, — уже репетируют потешники. Да что там, на станции, кроме комедии, показать можно? Невесомость, утечка из санузла, тараканы порхают, как птицы. Может, я, конечно, не прав, может, вы там Шекспира заделаете.

— Я тебе сейчас такую мать-перемать заделаю, — разгорячился дед. А бабка сказала кротко. — Из нас артист-клоун только ты, мил человек. Вырядился, понимаешь… А мы делом заняты, мы на вертолете в Пустомержу летим. Поскорее бы надо, картошку пора копать, а ты тут лясы с нами точишь. Шел бы баранку крутить да педали жать, а то еще не туда залетим.

— Ух и шутники, — подначил их не возражавший против репетиции человек в скафандре, — ну, добро.

— О-ооо, — по-ведьмовски завыла тут бабка. Она стала выплывать из кресла, а дед с солдатской смекалкой старался поймать ее клюкой, но при этом бранился: «Так вот ты какая, чертовка, разводу мне давай немедленно, а то еще ночью загрызешь железными зубьями».

И заварилось происшествие. Бабка «била крылами» под потолком, еще кто-то из летучих стучал палкой колбасы по шлему человека в скафандре. Многие, особенно дети, просились в туалет, другим было уже поздно. Три сестры блевали, не стесняясь. Один дядя Витя сидел скромно, без претензий. Он понимал, что оболочки, почему-то озлясь, не давали ему жизни на Земле, а теперь вообще загнали в безвоздушное пространство, и некому заступиться, некому сказать веские слова: «Цыц, черти».

То, что смахивало вначале на заблудившийся в космосе пакет из-под кефира, как следует разбухло, до размеров пирамиды — будто тьмы насосалось. На борту пирамиды была светящаяся надпись: «Гнездо-2». Похожее дядя Витя уже видел в каком-то боевике. Космонавт кончил ржать и уплыл производить точную стыковку. Тело станции входило острием прямо в дяди-Витину голову и ковыряло давно слежавшие слои мозгового вещества. Что-то там уже забурлило, запузырилось. Но тут один задорный мужик, пытавшийся пробежать по спинкам кресел, лягнул его

каблуком в затылок. Мозговое вещество надолго успокоилось, излишек мыслей вылетел в спертый воздух кабины.

Примерно в это же время пилоты пригородного вертолета «Синяя птица» еще не кончили удивляться, что лететь им приходится в гордом одиночестве. Они не знали, куда могла задеваться обычная бестолковая толпа пассажиров. Но они не подозревали кое о чем более существенном для себя. Где-то на полдороге в Пустомержу, только не в воздухе, а на земле играло несколько детишек. Это были отпрыски дачников-горожан, симпатичные такие ребята в ярких костюмчиках. И игра у них была не какая-нибудь убогая, вроде пятнашек, с которой и олигофрены справятся, а интеллектуальная, делающая честь их папам и мамам.

Юное дарование в шапочке с огромным козырьком, из-под которого выглядывал недетский длинный нос, осмотрело окрестности в игрушечный бинокль.

— Дымка какая-то. А на хрена она нам нужна? Верно, Жирный?

— Спрашиваешь, — отозвался мальчик плотного сложения. — У нас, Носатый, тепловидение покуда не прорезалось.

— А ну-ка, закрой варежку. Я, кажется, слышу. Будто толстяк, вроде тебя, пыхтит на бегу. Давай-ка прицел у второго на пять градусов повыше. И проверь по индикаторам накачку у всех стволов.

— Понял, — отозвался упитанный мальчик и стал сновать между деревьев. К веткам были прихвачены клейкой лентой приспособления, в них закреплены игрушечные бластеры или «лучеметы детские», как значилось на коробках, раскиданных на траве. От бластеров тянулись проводки, которые сходились к самодельному пульту, его сжимал в руках мальчик с носом.

— Если не свалится винтокрылый друг в воздушную яму, бабахнем прямо по фонарю, — сказал главный мальчик, — ожог роговицы гарантирую. И привет тогда с того света.

— Злые, злые мальчишки, — сказала девочка, третья из их компании. — Вот я все папе расскажу.

— Эй, Жиртрест, ты ее привел. Кто у нее пахан?

— У нее папа — мент, — отвечал крепыш. — Вообще-то наклепать она может. Я как-то не подумал. Давай-ка я ей лекарство пропишу, — и он стал наводить бластер на девочку.

— Оставь удовольствие на потом, сейчас некогда. И ноги у нее длинные, в моем вкусе, в общем, надо разобраться. А вот, кстати, и сизая птичка защебетала. Рано пташечка запела. По лазерному дальномеру тысяча пятьсот… тысяча… пятьсот… пора.

Носатый нажал кнопку.

— Вот вам подарочек ко дню авиации.

Блестящие ниточки потянулись от деревьев к вертолету, как будто роща захотела поиграть с машиной. Они соединились в солнышко, которое тут же полыхнуло изо всех сил на стекле кабины.

Вертолет закачался, стал разворачиваться, но свалился набок и, болтаясь из стороны в сторону, пошел к земле. Пару раз «Синяя птица» пробовала поднять нос, но от такого курса уже не отклонилась. Раздался взрыв, как будто воздух треснул. Дети увидели из-за деревьев только шапочку огненного гриба, которая округлилась, оторвалась от ножки и прожила недолгую самостоятельную жизнь.

— Не будет здесь больше летать, — крепыш с чувством выполненного долга утер капельки со лба.

— Из тебя такой же шарик получится, только поменьше — если будешь доставлять нам хлопоты, — обернулся Носатый к девочке, — ясно, сучка младая? А теперь чеши отсюда. Куклу забрать не забудь.

Девочка вышла из оцепенения, подхватила свою игрушку и заметалась между деревьев, стараясь как можно скорее удрать.

— Может, незаметно рванем ее гранатой, — предложил крепыш, — или папу ее? Или обоих? И не надо будет заботиться об останках. Полный капец, с гарантией.

— Грубо, мой друг, по-жлобски. Не чувствуется моя школа, — скривился длинноносый мальчик. — Пока она тут ромашишки нюхала, я ей куклу усовершенствовал. Вмонтировал туда сто грамм взрывчатки и простенький анализатор. Сработает на слова «бластер», «вертолет», «мальчишки». Грамотно?

— Еще бы, — опять поразился крепыш своему дружку. И помечтал. — Вот пальнуть бы из дерьмострела, да по балетной труппе, по маленьким лебедям. Чтоб в газетах писали: «Средневековое варварство…»

Блок 4

В кабинет ввели дядю Витю, который, несмотря на внешнюю побритость и помытость, смахивал на плюшевого медвежонка, из которого полезла вата.

Бордовые гардины, рассеянный зеленоватый свет, легкий искусственный ветерок, колыхающий крошечные колокольчики, тонкий запах сандала, какое-то восточное пиликанье — все это мало вязалось с дяди-Витиным непритязательным видом.

— За что, гражданин начальник? Почему замели? Я же свой, я нашенский, — уныло заладил дядя Витя с порога.

Молодой человек благородной наружности и в хорошем костюме располагающе улыбнулся.

— Так уж и не за что… Да что мы с вами сразу препираться начали. Позвольте представиться. Феодосий Павлович Драницын, старший общественный инспектор. — Феодосий сделал шаг навстречу и крепко стиснул разжиженную кисть дяди Вити. Потом он подвинул кресло и, слегка надавив на плечи задержанного гражданина, усадил его.

— Музыка не мешает, Виктор Васильевич?

Дядя Витя быстро отозвался:

— Никак нет, гражданин начальник, отлично помогает.

— Кстати, не забрали вас никуда, многоуважаемый Виктор Васильевич, как бы вам не хотелось. Вы находитесь здесь, в стенах Общественной Службы Санации Систем, так сказать, в гостях. Вот ваша гостевая чип-карта. По ней будете получать паек.

— Значит, я могу итти отседова? — оживился дядя Витя.

— Можете. Только не очень далеко. Ущерб-то нанесен, и за него должен кто-то отвечать. Мы — экспертная служба, созданная гражданами и зависимая только от совести людей, работающих на ниве санации.

— А если нет совести никакой? — спросил навскидку дядя Витя.

— Совесть — это квалификация. Мы дадим заключение по тому, что вы из себя представляете. Если это заключение о вашей неполной вменяемости, тогда только обеззараживание подсознания в нашей же клинике. Палата на двоих, предупредительный уход, сестрички вокруг бегают, ягодицами крутят, подносят-уносят. Как только грязь вычищена, жизнь продолжается уже на свободе. Так что от нас не торопятся уйти. Ведь все-таки быт здесь неплохо устроен, и хорошая перспектива. А выпустим мы человека со справкой о полной вменяемости, он прямиком попадает в крепкие руки представителей Закона, для

которых главное в жизни — выполнение плана по раскрываемости преступлений.

— Но я же ничего плохого не делал. Плохое делали мне, мне! — дядя Витя несколько раз ударил себя кулаком в грудь, показывая истинно пострадавшего.

— Ангелом, значит, себя считаете. Но ведь ангелы, бывает, и падают. Тогда ими занимается инквизиция. Да, мы инквизиторы — я не страшусь этого слова — потому что занимаемся криминальными мыследействиями, то есть психопреступлениями. Но подлинная общественная инквизиция — это организация с человеческим лицом.

— И человеческими кулаками, — добавил от себя дядя Витя, потрогав припухлость василькового цвета под глазом.

— Вот аксиома: мы разбираемся и лечим, а не шьем дела. Смею заверить, и отчетные показатели у нас соответствующие.

— Но если я не виноват, зачем мне в какие-то показатели попадать, что мне, больше нечем заниматься?

— Увы, Виктор Васильевич, если бы человек сам себе определял вину, мы бы еще кушали друг друга без перца и соли. Я постараюсь убедить вас, что вина определяется совершенно иначе. Чего бы там ни наплели эгоисты, но человек устроен так, чтобы двигаться к большой цели. Иначе человечество давно было бы поглощено хаосом. Если даже какой-то конкретный человек думает, что у него нет цели — то он все равно плывет по течению, как фекалии в канализационных трубах. Такой вариант тоже допустим. Но вот если он намеренно мешает общему движению и увеличивает энтропию — значит, он виновен. И будет либо вычеркнут из списков граждан, либо превращен в нормального члена общества.

Дядя Витя едва удержался от чихания, однако сохранил преданно-внимательное выражение лица.

— Гражданин Лучкин, ну разве вы никогда не думали о том, по какой причине мы сегодня не сидим в пещерах и не выкусываем друг у друга блох?

— Блох? — оживился дядя Витя. — У нас блох там хватает…

— А дело в том, что революционеры, новаторы, крестоносцы, даже некоторые крупные бизнесмены шли к идеалу. И какой бы он ни был: любовь, благоденствие, красота, прибыль, эти люди шли, порой ломились сквозь тех, кто не хотел никуда идти, кто стоял столбами на пути. В общем, движение к идеалу — это преодоление сопротивления, это работа. И сейчас у нас есть цель, Великий Объединенный Разум, ВОР.

— Хорошее название, и смысл чувствуется, — поддержал дядя Витя. — Так я ж не против.

— Но, тем не менее, проведенным обследованием установлено, что именно ваша информация, ваши мыследействия вызвали масштабные сбои в сетевой вычислительной среде. Убытки большие, человекожизни потеряны. Вот, пожалуйста, заключение финансового управления.

Дядя Витя выразительно сглотнул слюну.

— Водички можно, гражданин начальник?

— Ой, как же я забыл. Простите, если можете, — следователь сложил руки на груди. — Вы же проголодались. Рад быть полезным, — Феодосий хлопнул в ладоши.

Один из шкафов кабинета отполз в сторону, из открывшегося проема въехал, урча, стол с яствами. Там были действительно большие соблазны, поэтому у дяди Вити сразу раздалось пение в желудке. Он зажмурился в преддверии пытки. Той самой, когда следователь поглощает с чавканьем обед перед голодным зеком. Но инспектор Феодосий не только питался сам, но и подкладывал в тарелки, стоящие перед дядей Витей. «Отведайте, отведайте нашей кухни, Виктор Васильевич, коли уж попали в застенок», — вежливо, но настойчиво предлагал инспектор. «Может, хотят отравить, чтоб не возиться», — мелькнуло в голове дяди Вити от недостатка информации. Но он решил, раз ему все равно пропадать без толку, так уж лучше на сытый желудок.

Ели суп, похоже что из плавников акулы, нечто напоминающее кальмара по-малайски, предметы, схожие с лягушачьими лапками, их запивали бургундским вином, если верить этикетке. (Конечно же, дядя Витя не мог прочитать штрих-код комплексного обеда, который указывал, что еда произведена на брянской молекулярной фабрике по переработке пищевых отходов.)

Сопровождающая музыка изменилась, стала более энергичной. Дядя Витя кушал без изысканных манер, пугаясь своей пищи, стараясь не хрумкать. Он стеснялся, краснел и потел. Инспектор был изыскан в манерах и, пропев несколько странных восточных звуков вроде «рам, рам», завел учтивый разговор. То есть, он рассказывал о том, как опасна ложная информация. Ведь на принципе «бессмысленных данных не бывает» строится современное информационное общество и, конечно же, кибероболочки. Дядя Витя активно поддакивал и моргал в знак согласия.

Инспектор снова хлопнул в ладоши, стол спрятался, и шкаф встал на свое законное место.

— Итак, вы безобидный сельский труженик. Это говорит в вашу пользу. Однако, за пару дней вы попадаете в пять очень сомнительных ситуаций. Особенно впечатляет последняя

история, когда вы и ваши односельчане вознеслись, что говорится, на небеси вместо специалистов-астронавтов. Заодно с вами улетело в пустоту несколько мешков бюджетных денег. Как вам, кстати, понравилось на орбитальной станции, Виктор Васильевич?

— Оченно, — обрадовался доброму вопросу дядя Витя, — у меня, правда, голова болела, но парил всласть. Жалко, что нас дальше санузла не пустили. Чего там только не летало по воздуху, все дрянь, блевотня. Космонавты сказывали, что это мы, пустомержские, перестарались со страху. Так мы в ответ на своем собрании постановили, чтоб дед Прогресс, как главный виновник, порхал бы с лукошком да собирал. Он же у нас мастер по грибам. В общем, дед принял повышенные обязательства от нечего делать.

— А пока вы там на орбите «грибочки собирали», предназначавшийся для вас геликоптер разбился из-за поражения пилотов и навигационного оборудования лучевым оружием. Не слишком ли много случайностей?

— А разве много? — попытался просечь мысль инспектора дядя Витя. — Лично у меня лазера нет. Да и обзаведись я им, стал бы только мух бить, чтобы в компот не лезли.

— Лазер — это только следствие, а человек — причина. Кибероболочки обязаны понимать выдаваемый вами мысленный запрос. Это закон для них. Выданные вами мыслекоды будут бродить по сетевой вычислительной среде, пока не расшифруются. И тогда оболочки что-то сделают для вас.

— Да что я там выдать могу, товарищ начальник? Ну, каши захочу, или щей. Я ведь в кодах ни бум-бум. И в мыслях у меня потемки, не то что у свиней. Как же я стану вредить?

— Складно оправдывались, Виктор Васильевич. Только вот затормозили на полпути. Поэтому напоминаю, что мыследействия — это мысленные усилия по изменению реальной ситуации. Достаточно крепко помечтать о чем-то светлом, например, чтобы ваш сосед куда-нибудь запропастился — и в самом деле, поливочная машина смоет его прямо на улице в канализационный люк, после чего он обнаружится в сетях рыбака где-нибудь на Японском море.

— Теперь-то понятно, так бы раньше сказали, — оживился дядя Витя.

— Но это внешняя эффектная сторона дела. А какова внутренняя, скрытая от восхищенных зрителей?.. Для начала в пикосети крови проходит сигнал от вашего мозга, который перехватывается вашим БИ и транслируется в кибероболочку. У нее одна-единственная задача — понять и отреагировать. Ведь если оболочка дубовая, с неразвивающимися ассоциаторами,

классификаторами и так далее, то она понимает клиента неправильно и ее место занимает другая, более понятливая. А жить-то вроде всем хочется, — Феодосий многозначительно подмигнул.

— Хорошо жить хочется, а погано — не очень, — отозвался дядя Витя.

— Итак, оболочки хотят услужить вам. Дело заканчивается полным удовлетворением, если мыследействия клиента — дисциплинированные. Иначе выражаясь, если его потребности разумны и соответствуют протоколу общения с кибероболочками. Но вот приходит некий смутьян и начинает испускать поток глупости. Оболочки естественно бросаются на обслуживание и этого клиента. Однако отранслированный код для них непонятен. Что собственно хочет клиент, какие функции вызывает? Помучившись, они сбросили бы непонятный код в архив. Однако тут вступает в игру некий вирусный киберобъект по кличке «Кулибин-2» или «К2», который способен дешифровать любую ахинею. И что интересно, до вашего появления в нашем городе, «К2» ни разу нигде не проявился.

— По-вашему, я завалил вертолет каким-то вирусом. А, может быть, я его просто газетой прихлопнул? — дяди Витин голос надрывался из-за переполняющих чувств.

— Можно и газетой, если знать как ударить. Но вернемся к теме порочных мыслей. Кому-то приспичило пострелять, и кибероболочка завода «Детские шалости» ухитрилась вместо игрушечных лучеметов сделать партию настоящего вооружения. А еще кому-то показалось, что неплохо бы покувыркаться в невесомости. Оболочка аэрокосмопорта сочла его доводы вполне убедительными — и он мигом усвистал на небо.

— И мне, начальник, очень приспичило, чтобы меня шарахнуло в магазине, обожаю такие дела; и я убедил своими доводами робобуса-заразу, чтобы он меня в бачок заклепал. А в гостинице прям мечтал, чтоб меня поскорее отутюжили эти утюги трехметровой ширины…

— Нет, оболочки вас никоим образом не пытались обидеть. Кибероболочка магазина несколько раз простила вам серьезные нарушения. Оболочка робобуса нарушила правила безопасности, лишь бы подвезти вас. Оболочка гостиницы хотела вас просто помыть…

— Гладко, начальник, у вас выходит. Значит, все теперь на меня спишите? Нашли крайнего, — заскрипел зубами дядя Витя. — Я вам что, крепостной крестьянин, что ли?

— Возможно вы действительно оказались крайним, — Феодосий сделал максимально сочувствующее лицо. — У вас в

крови обнаружены следы… личностного перепрограммирования. Возможно, вас и в самом деле использовали. Почистили вам кое-где кору головного мозга, загрузили вредные мыслекоды…

— Как это почистили? Никому не дам свою кору чистить. Там ничего лишнего нет! — возмутился дядя Витя. — Там может, вообще, дефицит.

— А все-таки, Виктор Васильевич. Следите за моей мыслью. Вы принимали средства личностного перепрограммирования. В аптеке их не отпускают. Я хочу знать, кто вам дал ампулы? — инспектор профессионально повысил голос. — Ну, будем говорить или в подкидного дурака играть?

— Да разве я не говорю, следите за моим ртом… Ну, ампулы… Нашел в кармане какие-то ампулки, думал, снотворное, укололся и отключился. Вот и вся эпопея. Что же теперь получается? Оболочки — хорошие, я — плохой, зловредный. А если все наоборот?

— Зловредным может быть только живой субъект. А оболочки — не живые, и не субъекты. Доступно я объяснил?

— Доступно, да не убедительно. Вы меня не убедили.

Инспектор бросил взгляд на часы. Рабочий день явно истек. Времени было в обрез. Сдать задержанного охране, попросить центральный пульт, чтоб закрыли кабинет. И мчаться, разрезая носом воздух, в «Гостиный двор». Там ждала его жена. Его Мелания.

Блок 5

На невской линии «гостинки» народ почти не ощущался, ни плечами, ни спиной. Умелая подсветка снизу и зеркальные стены растягивали помещения. Товар здесь был дорогой и бесполезный: игрушки, безделушки, поделки. В общем, для неразвитого вкуса — всякое фуфло, не подходящее для вложения капитала. Но Мелания это место уважала, она неплохо относилась ко всему бесполезному. Может, потому, что была такой же, дорогой и не приносящей никакого дохода, убаюканной, взлелеянной оболочками. Но именно в таком виде приятной Феодосию — он видел в ней тенденцию и ростки будущего — меньше полезного в быту, больше приятного. Кроме того, старший инспектор давно уже относился к деньгам, как к воздуху, который надобно, не задумываясь, вдыхать и выдыхать. Сотрудники ССС были не такие, как остальные, они находились на переднем участке битвы за Великий Объединенный Разум, поэтому их и старались финансово возлелеять.

Сегодня Мелания казалась унылой, даже сонной, и инспектору было трудно ей угодить. Они долго бродили по торговым рядам. Он, нежно приобняв ее, рассказывал о хакерах, о кибержлобах, влезающих грязными ногами в нашу тонкую цивилизацию кибернетических оболочек. Голоса прилавков нахваливали в восточных выражениях все, что попадалось на глаза. Но Мелания уже стала позевывать. Может, пора на выход?

И завалить, например, в театр теней на улице Рубинштейна, где выступают кибернетические копии известных общественных и государственных деятелей. За небольшую доплату можно и самому в сценарий попасть.

Ага, кибероболочка театра сообщила, что сегодня в программе «Цезарь и Клеопатра»….

Нет, Мелании вряд ли понравится, когда ее начнут грызть квази-живые змеи. И ему не улыбается встреча с кибернетическим Брутом. Тогда, может лучше, «Пушкин и Натали»?.. Опять не то, можно натолкнуть Меланию на сомнительные мысли. И кибернетический Дантес, судя по слухам, пока Пушкина не уложит, не успокоится…

Тут Мелания избавила мужа от тягостных размышлений. Вот, сказала она, именно это мне подходит.

Ему бы обрадоваться, да «именно это» полюбилось инспектору меньше всех остальных предметов. Более того, показалось средоточием какого-то коварства.

На ярлыке имелась таинственная надпись: «Браслет для нош.

на руке в р-не запястья. Пр-но кооперативом „Трансурания“ в колве 1 шт.». И продавец ничего вразумительного не сказал, только повторил надпись и справился, какую опасность находит здесь для себя клиент. Инспектор несколько раз пожал плечами, развел руками, но крыть было нечем. Действительно браслет, черный, широкий, как будто из новомодного металлостекла. Однако ячеистая внутренняя поверхность вещицы наводила инспектора на грустную мысль, что это биоинтерфейс, причем нестандартный, от которого жди сюрприза. Надо бы его на экспертизу, но Мелания не желала слышать про лабораторию и сразу украсила себя покупкой. Когда она взяла мужа под руку, у того стало холодно в боку. Он даже отстранился. Она поняла его движение по-своему и ответила неприязненным взглядом.

А потом Мелания вдруг захотела купить две робоигрушки класса «малая оболочка», с каналами для биоинтерфейсов. Один робик назывался «петухом», хотя больше смахивал на птеродактиля, второй — «котом». Оба покрытые биополимерной белой шерсткой, страшненькие на вид.

Может они нужны Мелании, чтобы контрастировать с черным браслетом? Ладно, жене надо угождать, особенно если она — веселая с мужем и грозно-молчаливая с посторонними мужчинами.

«Моя Горгоночка», — ласково называл Меланию инспектор. Несмотря на такое прозвище и другие подначки она всегда относилась к мужу с почтением. Вплоть до сегодняшнего дня.

Уже в машине Петух клюнул старшего инспектора в кончик носа и победно загорланил. А Кот норовил провести лапкой с внушительными когтями по инспекторской шее. Будучи человеком выслеживающим и вынюхивающим, он сразу попытался уточнить мотивы. Совершала ли его жена мыследействия, как то посыл сигналов страха или агрессии? Или робики еще просто не отлажены как следует? Со своей стороны Мелания таинственно улыбалась и только. «Вот где анархия», — сокрушенно повторял Феодосий Павлович, имея в виду производство малых оболочек. Но он явно поторопился с упреками.

На следующий день инспектор застал дома вместе со своей женой постороннего мужчину. А не любовник ли это Меланьи?

— Этот человек улучшает моих робиков, — представила гостя Мелания.

— Да? — по возможности ехидно отозвался инспектор, заходя мужчине в тыл, — а что же в них плохого?

— Надо сделать настройку на мою личность. Вот он и смонтировал им более чувствительные рецепторы для

биоинтерфейса, приличный адаптер для работы с сетевой средой. Теперь робики смогут меня защищать.

— А чего, правильно, — встрял посторонний мужчина, не поворачиваясь.

— От кого защищать? — решил уточнить инспектор у жены, принципиально не обращая внимания на «мастера». — Я ведь рядом.

— Ты не вечен, — со скрытым упорством отвечала жена. А на ее руке похоронным черным светом сиял браслет. — Мир же полон опасностей.

— Вот и работенке конец. Принимай, хозяюшка, — развязно сказал мастер своего дела.

Мелания приласкала взглядом своих робиков. Кот начал с «алкогольного» шага, прямо на ходу отточил свои движения и, обойдя комнату, направился на встречу с инспектором. Он поднялся на задние лапы, передние положил на форменную штанину Феодосия и стал драть ее на портянки.

— Э, хозяин, ды вы не фиксируйте неприязнь к нему, — посоветовал специалист. — Расслабьтесь немного, подумайте о вишнях в цвету, потом какая у него милая мордашка, он ведь почти улыбается.

— Скоро и куры будут надо мной смеяться, — холодно откликнулся инспектор и приподнял другую, еще непотрепанную ногу, чтобы обуздать зарвавшегося робика.

— Ни в коем случае, командир, — мастер распознал настрой хозяина и решительно предупредил, — враждебный поступок он запомнит. Это ж малая система, ассоциаторы еще слабенькие, заполнение базы данных постепенное, начальные ситуации очень важны. Мало ли какую информацию он сейчас выудит из сетевого «эфира», вдруг о том, что «труп врага всегда хорошо пахнет». Нет, не советую, при первой возможности обязательно отомстит — ночью там, в туалете, в ванной.

Феодосий представил, как ему будет неуютно с процарапанной яремной веной, и отставил свои агрессивные замыслы. Кот уже беспрепятственно наслаждался его брюками. Петух тем временем забрался на шкаф, возле которого беседовали люди, и несколько раз пытался достать клювом до макушки офицера ССС.

— А с цыпой надо построже. Иначе он поступит с вами, как Иван Грозный со своим сыном. У него анализаторы несерьезные и память слабая. Одним словом, птица. Как возбуждается, так и разряжается быстро, — разъяснил мастер.

Он выписал Петуху смертельно обидный щелбан по гребешку. Птицеробик рванулся, метясь в глаз обидчика, но его схватили за

горло и завернули в пиджак. Петух возмущенно заорал, но через двадцать секунд был досрочно выпущен из заключения кротким и добрым.

— Скажи мне, кудесник, а это возбуждение, иными словами, раздражение, у них собственное или наведенное? — попробовал выяснить Феодосий.

— Конечно, собственное, — поспешил обрадовать мастер, — пока что. Вы войдите в положение. Ассоциаторы, напоминаю, еще хилые. И поведение окружающих объектов, и команды начальства не очень-то понятны. Наш робик судорожно пытается определить правила игры. Ну, вспомните свою собственную юность. Мы же такие же задиристые были. Ум-разум вдруг не сваливаются, по себе знаю… А вот уже Кот ваш, похоже, возмужал и помудрел.

Действительно, возмужавший Кот расправился, наконец, со штаниной, отвалился от Феодосия и лениво похилял, жуя кусок трофейной материи.

— Нога цела, ноги не ел, — зарекламировал мастер.

— А меня они слушаться будут, хоть иногда, в ответственные моменты? — задал тоскливый вопрос Феодосий.

— Конечно, нет. У тебя слишком много ответственных моментов: отчет, доклад, горячка, запарка, конец месяца, — вмешалась Мелания.

— Да, уважаемый. Супруги — плоть едина, но настройка прибора сугубо индивидуальна. С женой надо договариваться. Надеюсь, она у вас не Шемаханская царица, — мастер с удовлетворением от своего труда собрал инструмент в портфель. — А теперь самое интересное для меня. Кто гонорар отслюнявит?

Да, кстати, только наличными.

— Это совсем не годится, когда малая оболочка подключена без каких-либо фильтров к вычислительной сетевой среде, — рассудил инспектор и вдруг осознал недоразумение. — Стоп, кадр. Ну-ка предъявите вашу лицензию.

Но мастер уже трогал с места свой автомобиль.

— Не будьте формалистом, шеф. Кулибину даже царские чиновники такого не говорили.

Блок 6

Всю ночь напролет монстры скреблись под дверью и царапали стены в коридоре. Мелания их не отключила, чтоб «быстрее развивались». В какую сторону, ей уже неважно, подумал инспектор.

А во время завтрака псевдоживотные два раза влезали в его тарелку. Феодосий раслабился, лишь когда добрался до «застенка» — так любовно называли главный корпус сотрудники ССС.

Дядя Витя пришел на «собеседование» обиженный, с претензиями, сразу накинулся на инспектора.

— Больше слова моего не услышите, вы все супротив меня поворачиваете, как нарочно, — и специально рухнул в кресло, не дожидаясь приглашения, да так, чтоб оно загудело.

— Как раз слов мне больше не надо. Вашу руку, сэр.

— Зачем это… без руки мне никак… это что ж, в носу придется ковырять ногой? — засуетился дядя Витя.

Вылезшие из кресла пластиковые скобы все же прихватили его конечности, а вертящуюся голову зафиксировал обруч, выскочивший из спинки кресла. Дядя Витя стал бросать взгляды попавшего в силки зверя.

— Похлопотал вот об электрическом стуле, помурыжили, как у нас принято, но дали, ненадолго. А нам долго и не понадобится, — сообщил унылым голосом Феодосий.

Дядя Витя шутки не понял, зажмурился.

Инспектор аккуратно постучал пальцами по панели управления «электрическим стулом». Две иглы вошли в задержанного ровно в том месте, где проглядывали синие дорожки вен. С легким шипением закатались под кожу несколько кубиков крепкого транквилизатора. Через полминуты дядя Витя сидел размягченный и добрый, как после трех кружек «ерша». На голографическом экране появились его информационные отпечатки. Отпечатки его тела, его мыслей, его чувств, его слуха, обоняния, зрения. Даже комната с инспектором, которую сейчас видел дядя Витя, тоже появилась на экране. Серыми пятнами выделялись напряженные группы мышц, навязчивые мысли, ненужные чувства. Инспектор пустил по дяде Вите слабый ток. Тот захрипел.

— Ерунда, Виктор Васильевич, не разыгрывайте меня, это не похоже на боль. Смотрите на экран, видите там грязь? Сейчас эти пятна начнут таять, как черти поутру.

Объемно зазвучал «голос океана», заструился мягкий

голубоватый свет, ароматизаторы добавили йодистого запаха водорослей.

— А если благовонялка сломается, противогаз мне найдется? — выступил слабым голосом дядя Витя, но с поставленной задачей справился. — Только мозги не трогайте, иначе на работе мне ничего кроме палки-копалки не доверят.

Тут он получил заряд супраэнцефалина. Дядя Витя пустил пару пузырей изо рта и перестал отличать звуковидеоряд на голографическом экране от реальности.

— Вы сейчас уйдете из этой комнаты, от этих стен, потолка, инспектора, от желания что-то что-то доказать и как-то оправдаться. Покой, Начало зовут вас. Надо вернуться к истокам и пойти снова, но уже верным путем. Не отрывайте взгляд от экрана, не пытайтесь закрыть глаза. Иначе мне придется имплантировать вам в глаза интраокулярные дисплеи.

Инспектор стал убирать с экрана изображение комнаты, вначале цвет, потом плоскости стен, потолка и пола, изображения предметов. Стер и самого себя.

— Сверху ничего нет, и по бокам, и снизу. Ничто вас не держит, вы падаете. Вы на дне самой глубокой впадины мира. Только холод и тьма вокруг. Но вас принимает в себя раковина. В ней тепло и свет, в ней забота, в ней ваша жизнь. Никогда не покидайте ее, если хотите себе блага.

В густой черноте экрана появился маленький светящийся пузырек, который принялся разрастаться, пока в нем не стал просматриваться зародыш с сильно раздутым мозгом.

— Это ваш информационный портрет, — сообщил инспектор.

Но из погруженного в нирвану почти бессознательного дяди Вити донеслось:

— Сейчас получишь у меня. Думаешь, что сердцевед, а в натуре говноед. У тебя душа — зараза, чемпион ты унитаза.

Феодосий поморщился. Не дяди-Витины угрозы так его достали — вовсе нет, к подобным фокусам он давно привык. Просто картинка на экране переменилась незапланированным образом. Уже не пузырек, а яйцо какое-то. И не эмбриончик в нем сидит, а настоящий гад, змей горыныч, противный такой дракончик.

Пасть-воронка, глаз на стебельке, пронзительный, красный, еще и отростки на тельце, все крутятся, как скакалки. И мечется дракончик туда-сюда, будто хочет яйцо расколотить.

Что-то постороннее в памяти компьютера…

Феодосий метнулся к другому экрану, поскорее опознать просочившийся из сети киберобъект. Но ничего из этой затеи не вышло. От ворот — поворот, никакой запрос не проходил из-за

переполнения памяти.

— Начальник, — тем временем шепнул дядя Витя, — я тебе сейчас говорить буду, а ты записывай в скрижали истории. Скоро перекинусь я змеем, драконом ужасным. Я уже себя будущего вижу. Внушительное зрелище, пиши, поэт, свой стих. Я вам все показатели испорчу, все останетесь без квартальной премии…

Было невооруженным глазом видно, что дядя Витя «расфокусировался». Но колоть его опасно, супраэнцефалин ему и так всю защиту снял.

— Сейчас только отколупну скорлупку немного, — бредил дядя Витя, — да ногу высуну, к ней ножная сила и привяжется, она поможет одолеть дорогу. Потом и руку за ручной силой протяну. А это значит, что я чего хочешь достану. Потом крылатую силу выловлю, и, значит, до неба доберусь. Когда я большим сделаюсь, басурманов затошнит со страху, а певец песню споет про наш с тобой поединок. Я тебя головой укушу и конечностями зацарапаю. Ты только заранее в протокол занеси, что ристалище у нас честное.

И тут свет в помещении исчез — совершенно неожиданно. Инспектор сумел быстро перестроиться. Вытащил из ящика стола свой хорошо пристрелянный «э-маузер».

Помахал огоньком зажигалки перед лицом арестанта. Дядя Витя был погружен в себя и не обращал на инспектора никакого внимания. Феодосий, профессионально удерживая его смутную фигуру краем зрения, подкрался на цыпочках к двери. Она была совсем не на замке, каталась себе взад-вперед, как в сарае.

Взвыла сирена, длинный звуковой сигнал, на до-ре-ми. Уже, выходит, отключился и внешний периметр охраны.

Инспектор скинул обруч с головы арестанта, выдернул его руки из держателей и влепил кулаком ему в сельский лоб. Дядя Витя рухнул вместе с «электрическим стулом», успев проорать «всех не перебьешь».

И тут же вернулся свет в лампы и экраны, заткнулся сигнал тревоги, щелкнул, закрываясь, замок двери. Феодосий уселся на свое место, промокая мокрое лицо рукавом, «э-маузер» на всякий пожарный положил поближе — в карман. А дракон на экране съежился в точку и исчез…

Инспектор съел конфету — сласти всегда помогали проведению анализа, особенно если с добавкой нейроакселераторов. Подышал полным носом из курильницы с ладаном — это успокаивало. Наверняка, его подопечный затащил «К2» из сетевого эфира своими мыследействиями. Ну-ка, еще раз попробовать ухватить вируса за хвост.

Но хватать было уже поздно. Феодосий, как пианист, бросил

руки на клавиатуру и сделал снимок быстрой памяти своей рабочей станции. Чисто. Как бы узнать, что творится в рабочей зоне кибероболочки, распределенной в сотнях компьютерах? Надо бы потоньше справиться у дежурного системщика, чтобы самому не попасть в список подозреваемых.

— Коллега Матвеев, — связался инспектор с центральным пультом, — покажи-ка свое бородатое личико. Почему проводите учебные тревоги без предупреждения? Людям работать надо, а вы по нервам бжикаете. Или вы считаете, что тут нет людей?

— Какая учебная? — заистеричничал коллега Матвеев, весь бледный выше бороды. — Все коды доступа к периметрам защиты были рассекречены. Оболочка стала менять коды в аварийном режиме. И, самое интересное, никаких следов атаки. Я еще понимаю, сидела-пыхтела бы в памяти вирусная комбинаторная программка, подбирала ключи. А в системном журнале только чиркнуто «внутрисистемное тестирование, построение смысловых цепей». Где ж вирус? Уму непостижимо.

— Увы, твой ум, Матвеев, не годится для измерения непостижимости. Впрочем, ты еще поуди в системном журнале, авось рыбка клюнет. — Феодосий ушел со связи отчасти довольный. Пока что он ни в чем не виноват. Виновато нечто. «К2»?

Почему мы называем «К2» вирусом? Какой вирус выживет при внутрисистемном тестировании? Только полезный вирус. Тот, что умеет встраиваться в оболочку. Что помогает ей в работе над смысловыми цепями. Теперь деревенского дядю с соплей под носом и близко к сетевой среде нельзя подпускать — вредность слишком глубоко в нем сидит.

Пока Феодосий оценивал дядю Витю как источник постоянного зла, его подопечный отвечал ему в том же духе, но другими словами. Селянин снова расселся в кресле, напялил на голову обруч с проводками и уверенно направлял инспектора в срамные места, так чтоб ему вовек не возвратиться…

Феодосий Драницын покинул Службу озадаченный и напряженный, вполне готовый к дальнейшей борьбе.

Однако дома он быстро скис и угас. Дома он окончательно убедился, что жена Мелания любит свой браслет больше, чем мужа-инспектора. Даже к робикам она нежнее, чем к нему.

Картина, которую он предполагал увидеть в бреду, а не наяву.

Теперь она даже не желала с ним общаться. То, что он раньше считал ее докучливым зуденьем, сейчас казалось щебетаньем райской птицы. Она больше не хотела пересказывать ему второсортные фильмы о киберах-убийцах и роботах-насильниках,

об искусительницах-роботессах, которые питаются гениталиями своих жертв, о дьяволах-компьютерах, погубляющих самолеты и суда. Нет, Феодосий и фильмы теперь мало волновали ее.

Ныне у нее были Петух и Кот.

Мелания вела с ними какие-то игрища, малопонятные для других людей. Игрища носили боевой, оперативно-тактический характер. Стратегия же оставалась скрытой в тумане. Такими же смутными были и мыследействия, которые применяла жена, чтобы столь управлять своими киберживотными. Не привяжешь супругу к «электрическому стулу», не одурманишь ее супраэнцефалином и не начнешь считывать ее мыслекоды.

Разве что выкрасть робиков? В самом деле, они явно вышли из-под контроля у кибероболочки министерства развлечений, под чьим присмотром обязаны находиться. Какое там министерство развлечений. Не заражены ли они вообще вирусами? Вдруг у них в памяти сидит вирусный киберобъект типа «К2». Как бы их распотрошить?

Но стоило бросить на робиков хоть один пристальный взгляд, как все мечты сразу уплывали в форточку.

В гостиной и на кухне шли учебные бои. Кот прижимался к полу, пятился, наносил едва заметные из-за мгновенности удары, когти его высекали искры из холодильника, производили режущие звуки на стекле и оставляли внушительные зарубки на мебели стиля неоготика. Петух же беспрерывно нападал, наскакивал, делал ложные и настоящие выпады, пытался усесться Коту на загривок и долбануть его в темечко. От его бронебойного клювика оставались глубокие, но аккуратные ямки.

Феодосий машинально, в обход своего дисциплинированного сознания, примеривал следы от когтей и клюва к себе. И всякий раз становилось неприятно, от мозга костей до костей мозга. Особое, ни с чем не сравнимое чувство возникало, когда Петух удачно пикировал и вышибал Коту глаз. Брызгала белая окологлазная жидкость, Кот цеплял когтем свое выпавшее око и, предварительно облизав его, заправлял обратно в глазницу. И всегда рядом с тренирующимися гадами неотступно находилась Мелания в виде знатока боевых искусств. Она была арбитром, болельщиком, да похоже, что и участником. Браслет биоинтерфейса, присосавшийся к ее руке, явно играл не последнюю роль, пропуская широкий спектр мыследействий.

Ясно, что робики, как неуправляемые малые оболочки, рыскают по сетевому «эфиру», выискивая разгадки мыслекодов, и уже нахватались там разной дряни, вплоть до «кошачьего карате».

Единственное роботехническое правило, которое они пока что соблюдают — это служение хозяину, вернее хозяйке. Однако

ее психическое состояние вызывает все больше вопросов…

Мелания перестала откликаться на призыв кибернетического йога провести утреннюю, дневную и вечернюю медитации. Немедля вырубала экраны, как только начинали передавать звуковидеоряды для гармонизации. Вырывала «с мясом» шнуры питания из автоматических кадильниц. Разорвала тибетские мандалы. Перестала делать пранаяму, дышала теперь поверхностно, будто на улице. Портретом махатмы вытирала пыль. Почти целый день запрещала звучать индийским мантрам…

Инспектор немного повеселел, когда она купила себе «Симбун-Сивку», газотурбинный роллер. Не моргнув глазом, швырнула все свои сбережения. Машина была по-российски удалой, по-корейски вертлявой, с широким колесом — по любой каше промчится — с микрооболочкой.

Но в отсутствие инспектора снова появился проклятый левый мастер и смонтировал в кибероболочке роллера канал для биоинтерфейса.

Нюни Феодосия распустились и заколыхались на ветру…

А потом Кот с Петухом вскочили на заднее сидение роллера, трансформировалась в два белых кирпича с глазами, и Мелания усвистала. В первый же выезд она пропала на целый день.

А в инспекторе, к середине рабочего дня, солнечное сплетение превратилось в черную дыру. Он сидел понурый в своем кабинете, и даже кресло не казалось ему теперь удобным. Темные мысли вились одна за другой без всякого усилия. Кто из нас главный, кто второстепенный, кто почва, а кто удобрение? — впервые подумалось инспектору.

Чтобы обрести снова смысл жизни, Феодосий Павлович решил выпотрошить дядю Витю, как маринованный перец, и вызвал арестанта в свой кабинет.

Дядя Витя, когда вошел, то сказал с прощупываемой ехидцей.

— Ой, как вы осунулись. Не лицо, а фига. Что, в доме нелады? Ну ничего, миленькие бранятся — только тешатся.

От этих слов Феодосия чуть не вытошнило.

— Что, я чего-то не то сказал, неверно выразился, эт у меня бывает, — спохватился задержанный.

— Ну, все, Виктор Васильевич. Хватит с вами цацкаться. Вы лишь программа, набор диверсионных мыслекодов.

— А вы не программа? — по-простецки спросил дядя Витя.

— От меня нет вреда обществу, — голос инспектора стал пронзительным, высокочастотным.

— Как же, мне от вас вред один, — рассудительно заметил дядя Витя. — А если из-за вас беда приключится для народа, то

вы сами с собой что делать будете?

— Со мной этого случиться не может, — постановил Феодосий.

Внезапно шкаф раскрылся, и въехал робофициант-столик с яствами. Заиграла обеденная музыка, свет стал менее насыщенным.

— А-а, кушать люблю. Это единственное, что мне не изменит, — весело взвыл дядя Витя и прихватил со стола розетку с икрой. — Надеюсь, не акулья.

— Но я не звал робофициантa… Пошел вон, вон, — наорал Феодосий на «скатерть-самобранку».

Та неожиданно обиделась и вывалила яства на инспектора, после чего действительно уехала.

— Как же так? — Феодосий с наворачивающейся слезой смотрел на свой замаранный китель.

— Да вот так. Им тоже творить-колбасить хочется. Сольцой посыпьте, начальник, меньше пятен будет, — наслаждался сценой дядя Витя. — Может, помочь, простирнуть чего?

Все еще твердым голосом Феодосий позвал робуборщика.

Тот появился, отрапортовал: «К уборке помещения готов!» Но вместо того, чтобы убирать, принялся носиться по комнате, размазывая по ковру масло, соус и пюре.

— Подонок! — озверел Феодосий.

— Вы его не ругайте, — заступился дядя Витя. — Он, может, к идеалу стремится… ну как эти ваши революционеры и крупные бизнесмены… вот и новый бутерброд решил изобрести.

Робуборщик выставил вперед режущую плоскость и стал срезать с пола размазанные продукты, причем вместе с линолеумом.

Феодосий, как и полагается в таких случаях, прижал ладони к вискам.

— Вы только ума не лишайтесь, гражданин начальник. Еще скажут, что это все я, такой-сякой, подстроил. А я на большие дела пока не горазд. От меня только легкий сквозняк.

Инспектора тут осенило. Он сорвал со своего запястья биоинтерфейс и забросил в дальний угол, потом подскочил к робуборщику и перевернул его вверх колесиками.

— Круто вы с ним, но совершенно справедливо, — одобрил дядя Витя. — Власть употребить, и точка, так с ними и надо, экстремистами. Что же, если электрический, то все можно?

«Эти примитивные устройства не способны к самоуправству. Значит, из меня вылетели коды безумных мыследействий. Пусть какой-то вирус и сыграл роль декодера, но мыслесигналы — мои собственные. Если так, то я — преступник…, — ум Феодосия

заметался, пытаясь найти хоть какую-то индульгенцию. — Единственное, что смягчит мою вину — это ссылки на инфекцию, на психическое заражение. Да-да, психическая инфекция, как пляски святого Витта. Дядя Витя каким-то образом вводит меня в резонанс…»

Феодосий почти физически ощутил, как под черепной крышкой ползает и копошится что-то чужое.

Инспектор пропел несколько мантр и копошение в голове сменилось тонкими вибрациями. Он подключил перевернутого робуборщика к своей рабочей станции, стал копаться у него в журнале событий. Вроде некоторые исполненные коды похожи на вчерашние, дяди Витины. Или нет, совпадают только базовые коды прерывания…

Что же тогда: самому на себя настучать? Или прямо застрелиться?.. Или… покончить со всеми этими высокими моралями. Пусть просыпается здоровое, животное, инстинктивное. Надо выкарабкиваться.

Раз напачкали, подотрем.

Феодосий запихнул робоуборщик в угол, превратил свою майку в тряпку. Вначале развел грязь, потом ничего получилось, если не всматриваться. Прихватил клеем и содранный линолеум.

Арестованный же крестьянин неустанно помогал дельными советами…

Следующей ночью дяде Вите опять стало жутко. Только закроешь глаза, и начинает по всему телу летать какой-то вихрь, да еще и наружу рвется. И кажется дяде Вите, только расслабится он или, предположим, чихнет, и организм его разлетится на куски, как брошенный об стену арбуз. С криком «ура» выскочит из ошметков Змей Горыныч и на форсаже улетит за горизонт. Что говорится, темницы рухнут, и свобода нас встретит с кружкою у входа. Но потом глаза дяди Вити открывались и он видел себя на койке.

Все как обычно. Со стены буравит взглядом какой-то индийский товарищ гуру, льется специально подобранный звук для сна, в углу призывно мерцает унитаз.

«Ничего интересного быть не может», — успокаивал себя дядя Витя и переворачивался на другой бок. И все-таки это случилось…

Лопнула преграда, похожая на скорлупу. Так быстро, что боль сразу разлетелась. Дядя Витя пошевелился и понял, что стал из маленького большим. То есть, он понял, что существует сразу в двух видах, маленьком и большом.

Большой дядя Витя подтянул задние конечности, распрямил их… комната как будто смялась, а стена упала. Потолок и крыша

остались где-то внизу, голова же окунулась в какое-то марево.

Маленький дядя Витя прошелся на цыпочках от своей кровати до двери. Массивная бронедверь поддалась его руке и покатилась. Смутившись, дядя Витя юркнул обратно в койку, как сурок в норку. Отстукало десять секунд, однако никакого шухера.

Крестьянин внушал себе, что лучше всего лежать и ждать, пока начальники разберутся с его невинностью и отпустят гулять. Извините, скажут, за причиненные хлопоты, обознались. Примите в знак признательности за проявленную гражданственность часы «командирские». Дядя Витя же, незлобливо посмеиваясь, похлопает опростоволосившихся обидчиков по плечам: «Ничо, бывает. Кто не ошибается, тот, значит, не работает».

Но потом пришла к дяде Вите (маленькому) и другая мысль. И осталась, засела, как гвоздь в доске. А если не проявят начальники чуткость и заботу? А если он для них — что-то вроде чушки?

Большой дядя Витя был возмущен. Турбореактивное сердце гнало по нему горящую кровь. Глотка дышала не хуже армейского огнемета, лапы гребли, как экскаваторы, воздух сминался под ударами крыльев с переменной геометрией.

А рядом, перед его широкофокусными глазами висел камень. Тяжелый, гладкий, как галька, но с гранями, как у брильянта. С просвечивающим рисунком. А в рисунке том, казалось, проглядывался человек. Почему человек? Ну точно, человек. На одних гранях — его мысли, на других чувства, на третьих — внешность и внутренность…

Просматривались и другие каменюки: разнокалиберные, летящие и катящиеся друг по другу. Потом большой дядя Витя заметил главную достопримечательность открывшейся картины. Там в глубине, за парадом камней, как бы на трибуне, маячила очень длинная штуковина, то ли спица, то ли башня, возможно даже высокий терем.

Когда большой дядя Витя привык к пейзажу, то разобрал, что камни прутся не куда попало, а вертятся, иногда с фортелями, вокруг этой спицы. Она — блестящая, а они тусклые, она живенькая, а они мертвые, она верховодит, а они слушаются. Башня производила впечатление заселенной, хотя никто не показывал личика в форточку.

Дядя Витя даже назвал для ясности это строение «дворцом Кощея», памятуя Хавроньины сказки-присказки. А себя гордо проименовал Змеем Горынычем.

Он лег на одно крыло, потом на другое, наконец, хоть и ловили его камни невидимыми сетями своего притяжения, поднялся чуть выше и выяснил еще кое-что. Спица упирается

острием в серебряное небо, и сверлит, и долбит, и гложет его как вампир, покрываясь сияющим румянцем. Серебряные искры входили и в шкуру большого дяди Вити; растворяясь в крови, заставляли ее приятно бурлить.

А каменным многогранникам это удовольствие недоступно, они тупо крутятся вокруг дворца. И питаются лишь отраженным светом дворца.

А еще большой дядя Витя заметил, что от Кощеева дворца к камням иногда проскакивают черные кляксы, оставляя не сразу зарастающие трещины в сиянии. Словно в наказание. Из-за кляксы любой камень сразу оплавляется, теряет грани и рисунок. Сделавшись бурой глыбой, он падает вниз и переваривается густой мглой…

Маленький дядя Витя больше ни в чем не сомневался, соскользнул с коечки, успел накинуть на себя одежонку (носки не обнаружились), сунул лицо за дверь, прислушался к удаляющимся шагам охранника и потрусил по коридору…

А инспектор чуть пораньше проснулся от вкрадчивого голоса своей рабочей станции: «Задержанный гражданин отсутствует в камере более пяти минут». Не подкачал радиомаяк, который Феодосий прикрепил намедни к пиджаку Виктора Лучкина.

Инспектор был не дома, а в третьем корпусе регионального управления ССС. От неуемной тоски Феодосий бы шатался по городу, но его поставили на дежурство.

И хотя кибероболочка корпуса якобы занималась невинной «внутрисистемной работой» и выстраиванием каких-то «смысловых цепей», от этого всего несло диверсионным актом.

По коридорам следственного изолятора дядя Витя шел точно также, как Командор на вечеринку донны Анны: без проблем. Конечно же, гражданин Лучкин испускал во все стороны коды мыследействий. И это приносило результаты, замки бронедверей легко открывались, датчики движения железно блокировались. Сирены не выли, экраны не мигали тревожными надписями…

Спокойно, спокойно. Просто в рабочую зону оболочки проник треклятый вирус «Кулибин-2», он-то и ведет арестанта на волю.

Феодосий сжал зубы и соединился с центральным пультом главного корпуса. Сраженный сном дежурный тяжело сопел, навалившись жирной мордой на клавиатуру — кажется, во сне его преследовало что-то плохое. Наверное, «К2» выдал пару чарующих колыбельных по аудиоканалу и превратил толстомясого детину в спящую царевну. Популярно говоря, произошло обычное психопрограммирование на уровне звуков.

Впрочем, баю-бай, охранный воин. Феодосий вдруг ощутил приток нестандартных мыслей. Ну, сбежит дядя Витя —

подумаешь.

Раз сбежит, то непременно выведет следствие на более крупных фигур подполья. Какая возможность проклевывается — всю эту мафию захоботать.

Радиомаячок будет свистеть в тумане, а наш агент, супермен и спортсмен, будет идти по пятам, не теряя след.

Тут Феодосий сообразил, что переусердствовал в мечтаньях. Дядя Витя все еще в здании.

Инспектор подключился к системе видеослежения, чтоб рассмотреть все в подробностях.

Он увидел, что дядя Витя какой-то порхающей походкой покоряет коридоры. Вот крестьянин своевременно притормозил и пропустил идущего по перпендикулярному коридору барана-охранника. Вот и последний переход, а там, за углом, контрольно-пропускной пункт. Феодосий дал увеличение, не бежит ли перед дядей Витей робик с лазерным резаком в зубах, не летит ли рядом орниторобот с цианидом в клюве. Нет, человек сам по себе, абсолютно без сопровождения.

Перед тем, как выйти на финишную прямую, дядя Витя все-таки остановился, но идиотская улыбка не сползла с его рта.

Один охранник стоял неподалеку от дверей, уронив крепкую ладонь на рукоятку пистолета, выглядывавшую из кобуры. Другой, как и положено, сиднем сидел в будке, у пульта, за пуленепробиваемым и лучеотражающим стеклом. Похоже, у дяди Вити нет никаких шансов. Если только будка не превратится в большую кастрюлю с бурлящим супом.

— Благодарю за службу, — раздалось в токере. Феодосий аж подпрыгнул: «К2» подал голос, больше некому…

А уже через полминуты стекла будки запотели. Охранник перестал сидеть смирно, заерзал. Так и есть, «К2» расшифровал мыслекоды Феодосия и врубил отопление на полную катушку. Охранник продержался недолго. Нарушив все святые инструкции, он вылез из будки, отдирая прилипший китель от тела.

И тут Феодосию стало не по себе, и жарко, и холодно одновременно. Уж больно «К2» силен!

В вестибюль здания, прямо на контрольно-пропускной пункт, въехал автокран.

Весь он, конечно, не поместился, но стрела удачно вписалась во всю длину вестибюля, срезав только несколько кронштейнов, статуи Немезиды, эриний, Фемиды и прочих правоохранительных богинь.

Оба охранника плюхнулись на пол, вытащили пушки, стали ползать, как два опарыша. Тут дядя Витя и рванул, что пробка из задницы медведя по весне. Наступил на голову одного охранника,

вскочил на спину другого, прыгнул с живого «трамплина» — и застрял в стреле.

Автокран сей момент дал задний ход и стал выезжать вместе с дядей Витей.

Охранники опомнились, побежали к будке, чтобы дать сигнал тревоги, но понапрасну рвали дверную ручку. Дверь была автоматически заблокирована, что предусмотрено в случае вооруженного нападения. Кресло, находящееся внутри будки, стало опускаться вниз, в бункер, к резервному пульту, только без охранника.

Оба бойца рванулись на выход, собираясь изрешетить беглеца во дворе. Однако рывка не получилось.

Автоматика, спасая пост охраны от вооруженного нападения, опустила сверхпрочную диамантоидную переборку и преградила путь.

«Храните спокойствие, ситуация под контролем», — сказали громкоговорители на все здание, после чего заиграла успокаивающая лютневая музыка…

На следующий день генеральный инспектор ССС собрал всех офицеров, метал громы и молнии, устроил страшный конвульсиум, публично ненавидел автоматику. На это зам по системотехнике резонно отвечал, что без автоматики в следственных изоляторах побегов было куда больше, а с автоматикой — попросту первый случай.

«Разве вы забыли, что обычные стальные двери с встроенными, навесными и даже кодовыми замками не справлялись с наукоемкостью современных злодеев. Крошечные плазменные резаки разваливали решетки; микроскопические взрывпакеты пробивали запоры; едва заметные приборы, состоящие из рентгеновского лазера и микропроцессора, мгновенно изучали принцип работы всякого замка; металлопластиковые ключи типа „каракатица“ четко трансформировались под любую замочную скважину. Все диверсионные приспособления имплантировались злоумышленниками загодя под кожу, вставлялись в рот под видом зубов. А могли попасть к задержанным гражданам в передачах, на свиданках, при поцелуях и рукопожатиях. Каких уж только бестий земля не носит. А сколько сраму мы набрались, когда все необходимое для побега приплывало по канализации или водопроводу в контейнерном нутре у робиков, ловко находящих нужного им арестанта по одному лишь тепловому рисунку…»

Видно было, что горечь поражения отравила сердца сотрудников ССС, потому что многие мужественные лица

покрылись краской смущения. Зам по системотехнике вдохновенно закончил: «Только перевод каждой двери, каждой щели под контроль автоматики, „заворачивание“ всех систем нашей Службы в кибероболочки остановило разрастание этой заразы».

Генеральный инспектор решил не выставлять себя в роли дремучего дубаря, хотя и помянул про себя уважительным словом старую добрую колючую проволоку, вышки с пулеметчиками и бдительных собак.

— … Ладно, товарищи офицеры, толковать нам больше нечего. Будем считать, что за три дня наша любимая оболочка кого надо выловит, кому надо наступит на хвост и еще раз убедительно продемонстрирует, и тэ-дэ и тэ-пэ… Кстати, говорят, появился недавно такой хитрый вирус «К2». Не помешает ли он нам мирно трудиться?

— Движения вирусного программного объекта «К2» пресекаются немедленно, — бойко отрапортовал зам по системотехнике. — Системные журналы показывают нам, что в этом отношении сейчас все чисто.

— Вам показывают, вам, — уточнил значительный человек. — Ладно, старайтесь, если ума нет, — закончил на незлобливой ноте генеральный инспектор.

Феодосий понял, что генеральный не намерен выносить сор из избы, звать на помощь МВД и другие государственные органы. Наша борьба — это только наша борьба, ментов просим не беспокоиться. Ведь мы — представители гражданского общества, а они — государственные служащие, чиновники. Да и вообще ловить дядю Витю органы правопорядка не обязаны. Разве что мы будем долго ползать перед ними на коленях, целовать им ботинки, называть себя меньшими братьями и выдумывать, что он свистнул из следственного изолятора ценные вещи.

Блок 7

В Службу Санации дальновидными отцами-инквизиторами была заложена структура «пылевого» типа. Она пронизывала все уровни, подразделения и замыкалась на отдел особых операций в центральном управлении Службы. В нее включались проявившие себя инспектора вроде Феодосия, а также секретные агенты. Как и положено, Феодосий запустил программу отбора, и она выдала ему номер и место контрольной явки агента, а также пароль. Человека под номером 0013 Феодосий хорошо знал по опыту совместной борьбы — Освальд Фалько сдохнет, не подведет. Тык был удачным.

Инспектор встретился с агентом в рюмочной и поручил ему наблюдение за дядей Витей.

— …Наблюдение — это еще не все. В случае, если органы безопасности или наша группа захвата попытаются вывести объект из игры, окажи ему мягкое содействие. То есть никакой стрельбы и нанесения большого материального ущерба. Внешность меняй во время работы основательно, сейчас установить личность можно даже по форме щек. С объектом контакт минимальный, но его радиомаяк не упускай. Делай все именно так, пока я тебе не дам других указаний.

Освальд Фалько усмехнулся, но ничего не сказал. Никакая самодеятельность не проходит даром, подумал Феодосий, глядя на удаляющиеся широкие плечи агента. Прибьет кого-нибудь мизинцем левой ноги и глазом не моргнет. «Крышу» надо поскорее обустроить.

Инспектор позвонил в центральное управление, в отдел особых операций. Ответил незнакомый голос, на пароль отозвался неверно, сообщил, что начальство в отлучке, попытался выяснить, в чем, собственно, дело. Этот человек не внушал доверия, поэтому Феодосий ушел со связи. До завтра подождет, чего уж там особенного за один день случится…

Очень ранним утром того же дня автокран с прилипшим к стреле дядей Витей остановился на одной из пустынных, достраивающихся еще улиц. Дядя Витя минут пять не мог преодолеть окоченения, наконец сполз на землю. Он осторожно заглянул в кабину — там мигали индикаторы, а водителя не было вовсе. Машиной управляла малая оболочка. Дядя Витя поежился от таинственности происходящего. То ли он сам обернулся чудовищем, то ли ему помогал какой-то колдун. Он еще не забыл ощущения силы, которая совсем недавно наполняла его руки, и ноги, и голову, и сердце, и хвост. Кажется, у него был и хвост.

Дядя Витя даже пошевелил своими слабыми руками и ногами — неужели все это натворил я?

Окоченение не проходило, ветер свистал, как будто все живое на свете вымерло надежно и с гарантией. Он прошелся мимо заселенных домов — даже в парадную не завалиться, двери на кодовых замках. Тогда дядя Витя решил: надо просто ходить, чтобы не уснуть и не замерзнуть. И правильно решил.

На одной помойке он нашел знатный кусок парусины с дыркой посередине. Продел голову, и получилась экзотика, что-то переходное из плащ-палатки в пончо. Потом набрел на детский городок, забрался в пластиковый танк, стал похож на кучу грязного тряпья, затих и заснул сном свободного человека…

— Дяденька, шли бы вы обратно на помойку, а то здесь дети играют, — беглеца разбудил какой-то малыш. Дядя Витя встряхнулся, высунул голову из кокона, пошарил в карманах. Конфет там не было, зато нашлась миниатюрная видеокамера. Видимо, она свалилась со стены, когда кран бодал вестибюль, и дядя Витя машинально прихватил ее.

— Эй, малой, сколько дашь за эту штуку? — поинтересовался крестьянин.

— Пикселей в ней, как мух в свинарнике. Адаптер, в натуре, радиосетевой.

— Пятнашку, — приценился малыш, — ты погоди, я сейчас домой за бабками сбегаю. С собой предпочитаю не носить, а то нынче трясунов много.

Дядя Витя очень нервничал, боялся, что мальчик вернется не один, а с рассерженными взрослыми. Но обошлось. Малыш появился без фокусов, приобрел видеокамеру и попросил приносить еще. Они там с пацанами играют в «шпионов и разведчиков», поэтому устраивают друг за другом большую слежку. На аппаратуру много денег требуется, вот они и установили налог на детсадовцев. Тем, кто не платит, вышибают зубы — ничего страшного, молочные. Но все равно не хватает. Пора за их родителей браться, пусть раскошеливаются, а то будем детсадовцев яйцами глистов кормить. Биологическое оружие уже готовится. Малыш чему-то заулыбался, а дядя Витя поспешно удалился.

Теперь ему предстояло определиться, спланировать дальнейший жизненный путь. Первый ход — вернуться в деревню. Но что он скажет мужикам с пудовыми кулаками, которые отстегнули ему свои кровные на покупки? Мол, ребята, вам не повезло.

И уж, наверное, ССС дала весточку в родное село — там его будет встречать, грозно насупив брови, милиционер Антошка с

боевым спреем в кобуре. Раз и влетели молекулярные роботы-боботы в нос нарушителя. Нет, лучше покамест в городе схорониться, здесь людей много, затеряться можно.

Только куда податься? На гостиничные услуги деньжатами пока не разжился, найти «порт приписьки» — рылом неказист. На железнодорожных вокзалах народ и так вповалку лежит, здоровые и чесоточные, честные и хакеры-какеры. Да и патрули шастают туды-сюды. Нет, уж вернее будет на аэрокосмический вокзал податься. Там ему понравилось, сервис и все такое, да и толчея умеренная.

Блок 8

В эту ночь робики долго слонялись по спальной комнате, не дрались, но чесались и потягивались с хрустом. Якобы случайно, но явно специально цепляли одеяло. Инспектор, в конце концов, не выдержал. Взял спальные принадлежности и перекочевал в гостиную. Мелания ничего этого не замечала, да и наутро не выказала удивления его отсутствием на супружеском ложе. Впрочем, Феодосий был уверен, что на его месте тут же расположились кибернаглецы.

Когда он уселся завтракать, робики не отстали, принялись бесить. Кот устроил себе соревнования по прыжкам в высоту, где вместо планки была инспекторская голова, а петух состязался сам с собой в тройных прыжках, делая один из мощных толчков на спинке инспекторского стула. Маленький черный браслет со скромным видом висел на руке Мелании, но одновременно настраивал всех на волну инспекторского страха. А Мелания хлопотала себе у плиты и даже не пробовала подонков своих затормозить.

Они пришлись тут ко двору, а я стал чужим; они показывают, что я здесь нужен, как третья нога или вторая задница, доказывал себе инспектор. Но рано обрадовались, я еще буду давить их сапогами. Нет, я буду кромсать их большими ножницами.

— Знаешь, что я не сделал, а должен? — спросил офицер у жены.

— Должен был утром выполнить асаны «Сурья Намаскар», ты не встречал сегодня Солнце, — механически отвечала жена.

— Солнце встречал. Но вот мусор не выбрасывал, — он показал на робиков жестом монументальной скульптуры.

Жена жевала бутерброд и не откликалась, как это бывает при прослушивании неприличных физиологических звуков.

— Или я, или они, — произнес раздельно каждую букву Феодосий. — Петух вскочил на стол и издевательски клюнул стакан инспектора, Кот наступил неприятной лапой на палец ноги инспектора. — Или я, или они, — затравленно повторил хороший семьянин.

— Они — это я, устраивает? — огрызнулась Мелания. — Это все — мой внутренний мир. Внутренний, но выдвинутый наружу, как ящики письменного стола. Без них я опять стану пустой. Любишь ты пустых, как мячики. Тык ногой такого, вот он и покатился к какой-то великой цели. На службе ты ведь такой же как и дома, правда?

— На службе я отрываю жгутики, щупальца, ложноножки

всяким гадам, — Феодосий демонстративно скрючил пальцы. — Грязная работа, но ничего, можно помыться потом. Однако без моей работы и моих денег у тебя был бы совсем другой расклад. Сейчас бы ты не нежилась индийскими благовониями и утренней музыкой «Шив-Бхайрав», а стояла бы с пачкой заказ-нарядов где-нибудь в дубильном цеху кожевенного завода. И атмосфера вокруг тебя была бы насыщена матом и вонью. А твоя шкурка была б намазана не лосьонами, а жирной копотью. И твой внутренний мир содрогался бы от кашля. Сейчас между твоими перышками и настоящей жизнью тысяча оболочек. Ты не знаешь, как бывает холодно, как сводит брюхо от голода, как вместо кислорода в твои легкие влетает всякая дрянь. Живешь себе, что червячок в яблоке, и еще чего-то бормочешь. Твои проблемы — как выковырять изюм из булки, чтоб было не так сладко во рту было.

— Ты тоже выковыриваешь, — напомнила Мелания.

— Батьки, деды и далее все предки нахлебались дерьма сполна. Хватит, мне не нужно прежней жизни, я буду биться за комфорт.

— Бейся. Вышибай из врагов вредные мыследействия вместе с мозгами. Об отдыхе тоже не забывай, побольше медитируй, глядя на собственный пуп, стой почаще на голове, это упражнение гарантирует безвредность твоего ума для общества. А я перехожу в другой жанр.

Мелания подхватила видимо давно собранную сумку и, свистнув робиков, двинулась на выход из инспекторского дома. Тут в Феодосии Павловиче и взыграло некстати профессиональное.

— Балета не будет! — объявил он. — От нас так просто не уходят в другой жанр.

Он перемахнул через стол, догнал в два счета и защелкнул свои пальцы на ее тоненьком запястье.

— Я в тебя столько вбухал, что тебе впору золотой сделаться и стоять на серванте. Все не так просто, как кажется после завтрака, — повторил он несколько раз, раздувая для жуткости звук «р» в слове «просто». Он был на коне. Совершенство проявленной власти порадовало его.

«Ой, недаром мой знак Зодиака — лев», — шепнул он себе.

Мелания прикрыла глаза и всхлипнула от дурноты. Ей показалось, что она вляпалась в какое тесто, которое склеивает ее. Но браслет не дремал. От него распространилась синяя дымка, и тесто стало рассыпаться. Дымка добралась до робиков, вошла в них, отчего те заискрились и даже засияли…

Когти Кота, пройдя сквозь ткань штанов, уцепились за кожу

Феодосия, слегка поддели ее и оттянули. Хорошо выстоявшаяся, по краям уже загустевшая до корочек нелюбовь выплеснулась из инспектора чем-то вроде девятого вала.

Из всех накопленных сил, с криком «Умри, негодяй», Феодосий поразил Кота каблуком. Вернее, то место, где только что был Кот. Каблук сломался об пол и улетел, инспектор получил растяжение в паху, а робик свернулся в белый клубочек. Клубочек принялся кататься вокруг инспектора, постепенно сужая свои хищные круги. Петух вспрыгнул на люстру и стал грозно раскачиваться на ней. Инспектор вдруг ощутил свой черепной шов и подумал, какой тот некрепкий. Инспектор вдруг стал мокрым и слабым, как новорожденный. Мелания тут же выдернула свою руку из его руки и отбежала к стене.

Страх набухал, вспучивая каждую клеточку офицера. У этого страха были свои дрожжи. Феодосий ощущал первородное зло. Бывшие колдуны, нынешние диверсанты и хакеры плюют с высокого потолка на его звание, заслуги, благодарности начальства, уважение соседей, мощь ССС, завладевают его женой, всем его достоянием.

Инспектор сделал последнее усилие, соединив жар души, воспоминание о «Кодексе чести офицера ССС», напор долга, четкость профессионала, гнев мужа. Вместе все эти солидные факторы дали слишком много энергии. Инспектор не сумел отрегулировать ее выхлоп, который иной человек назвал бы истерикой, а древний викинг уважительно — берсерком. Инспектор кинул в противников аквариум, и запрыгали рыбки по стенам. А также кинул голографический телевизор, тот показал страшное рыло и рассыпался. Потом полетели кофейник, картина. Инспектор бил врагов этажеркой, гобеленом, тумбочкой в стиле ампир, статуэткой небесной танцовщицы апсары — она пробила ногой диван. Наконец, бюстом великого человека (бронзовым).

Волна буйства не отпускала Феодосия, волна несла его по комнате, как утлый ялик. Подвернулась под руку указка, и он давай рубить ей, как казачий есаул, попался горшок с фикусом, и он стал крушить им, как Илья Муромец, только-только слезший с печки. Вскоре вся комната покрылась слоем обломков, осколков и просто руинами. А Кот с Петухом разве что уворачивались, пританцовывая, и будто чего-то ожидали…

Люди в белых халатах появились неожиданно, они махали полами халатов и были похожи на стаю чаек.

В водовороте чувств вдруг обозначился ручеек мыслей о том, что он полностью обделался. Но от этого шторм стал еще более яростным. Подсознательно Феодосий уже понимал, что терять

теперь нечего.

Он кинулся, чтобы покарать предательницу жену вазой по голове, но тут был перехвачен и пресечен в корне. Феодосий пытался провести прием айкидо, и не один прием, но все оборачивалось против него — и удар, и захват.

Восточная борьба на квадратных санитаров не действовала.

Стиснутое в смирительной рубашке бурление чувств перешло в дрожание тела, а потом и вовсе в инфракрасное излучение, когда из шприца явился заряд ласковости и терпения.

Но эти фазы проходили уже в мягких внутренностях машины скорой помощи.

Инспектор облегченно выдохнул, когда борьба закончилась и стало покойно.

«Будя, будя, отвоевался», — незлобливым голосом сказал санитар.

Но инспектор уже задремал, прислонившись к уютному, размером с первый спутник, колену санитара.

Феодосий Павлович не мог, да, наверное, и не хотел бы узнать, что жена Мелания тем временем вышла из дома, не заперев, и, даже не захлопнув двери. На ней был комбинезон и непродуваемая куртка, за спиной маломерная сумка, в руках по канистре с газотурбинным топливом. Она выкатила из гаража свой роллер, закрепила канистры, на заднее сидение запрыгнули преданные робики, мотор засопел мощным носом, и вся компания исчезла в смутном воздухе.

Блок 9

Мелания вскоре почувствовала, что великое копошение на одном месте кончилось. Она уже не червячок в яблочке. Она — пыль, которую ветер перемен несет куда попало. Куда ни принесет, везде хорошо, везде пыль останется пылью.

Целый день Мелания вилась поземкой по городу, а вечером вырулила к аэрокосмическому вокзалу. Там удалось и чайком побаловаться, и покемарить в креслах зала ожидания. Такая остановка еще более убедила ее в том, что она теперь — пыль, которая звучит вполне гордо.

Вместо зеленоватых сумерек спальни — едкий свет, прущий в глаза, вместо убаюкивающего бренчания цитары — гогот, иканье, всякая белиберда. Кто-то пытается вместо короны водрузить свою задницу на твою голову, кто-то трясет рядом с твоим носом грязный мешок.

Потом звуки, цвета и запахи смешались в какую-то тучу, которая воспарила к диамантоидному куполу вокзалу и зависла там. Наступило молчание…

Утром, возле своего роллера, она увидела лужицу крови. И вроде робики неотлучно были при ней всю ночь, в сумке. Только сейчас ей захотелось испугаться, как корове, которую бестолковые животноводы вместо хлева запустили в змеюшник. Но это тоже не получилось. Браслет, хоть и маленький, но прикрыл ее, как плащ-палатка. Враждебное пространство в почтении остановилось перед ним.

— Але, киса, здравствуй, не узнаешь?

Перед ней стоял какой-то тип, неприятно одетый в черное кожаное пальто, с неприятным выражением на неприятном лице, с неприятными глазками-букашками, от которых начинается зуд и псориаз на коже, с фотонической татуировкой на пухлой руке, где фигурял ангелок со светящимся нимбом и надписью «Здесь нет конвоя». Может, этот фрукт из передачи какой-нибудь, много сейчас всяких реалити-шоу.

— А ты что, памятник Пушкину?

— Я люблю юмористок, честное слово, даже в одетом виде. А теперь расскажи-ка мне о своих маленьких друзьях.

— Начинать с трилобитов?

— Начни с тех, кто тут царапается и кусается без спросу.

Нет, пожалуй он — не из реалити-шоу. Он как паук, за которым тянется паутина неприятностей. Мелании захотелось срочно взобраться на роллер и дать деру. Или размазать этого типа по асфальту. Главное, не показать, что боишься.

— Слушай, я — неважная рассказчица, пошли лучше письмо в детскую передачу…

— Со мной так нельзя разговаривать, — гаркнул обиженный тип. — Не шали словами. Я здесь король буби, идеал во плоти, любимое тело и районный тотем.

Несмотря на то, что этот типчик был липким и злым, страх вдруг оставил Меланию.

— Задашь четкий вопрос и получишь такой же ответ. Представь, что я учительница.

— Учительница, — влажно улыбнулся тип. — Будь мне учительницей. Меня Кожаный зовут. Научи меня чему-нибудь из области орального секса.

— Чтобы хорошо учиться, таким, как ты, надо больше усидчивости иметь, в смысле, больше сидеть.

— Ладно, я с тобой еще пообщаюсь, не забывай меня, киска, — попросил тип по имени Кожаный и, пружиня пятками, пошел к главному входу. Какая-то досада у него осталась, поэтому по дороге он не удержался и пнул первого встречного мужика непритязательной наружности. Мужик отлетел и уселся на урну, хабарик бессильно повис на его губе. Обиженный оторопело глядел вслед обидчику, не в силах угадать причину такой немилости. Не решив проблему, он повалился на бок вместе с урной. Еще неуклюже поворочался на земле, а когда поднялся, то был уже обклеен бумажками из-под мороженого, напоминая экспонат с выставки современного искусства.

Мужик подошел к Мелании, которая старалась не смотреть на его печальный вид.

— Слышь, щечки-персики, у тебя зеркальце есть? Как там я, ничего? — стал выяснять он.

«Сходи в ателье, где морды меняют», — подумала Мелания, но вслух утешила обиженного мужика.

— Ничего. Бывает хуже.

— Часто? — с надеждой спросил мужик.

— Ну, это уже вопрос статистикам.

— Чтоб тебя дверью трахнуло, урод, — заорал мужик вслед изящно пружинящему Кожаному.

И надо же, настигло крепкое мужицкое проклятье аэропортовского братка. Когда тот входил в парадные самодвижущиеся двери, они наполовину приоткрылись, а потом резко сомкнули створки. Толстое стекло зазвенело от жесткого контакта со стриженной головой. Кожаный опрокинулся, улетел назад, лег на спину в просторную лужу.

— Да я вас всех соплей перешибу, — невпопад зарычал он.

— Переходи к водным процедурам, следующее упражнение —

гребля ушами, — удовлетворенный мужик отклеил от себя несколько бумажек и побрел куда-то, явно не имея четкой цели.

Мелания напряженно посмотрела ему вслед, пытаясь расшифровать подтекст происшествия, но ничего у нее не вышло. Она растерянно поразглядывала окрестности и заметила, что еще один человек пытается во что-то вникнуть. И этот человек был похож на «плохого» парня из шпионского фильма…

На лице агента Фалько сегодня были усы, темные очки, щеки разошлись в стороны, а угрюмая распластанная кепка скрыла шевелюру. Агент «знакомился» со своим подопечным. Вид дяди Вити даже несколько оскорбил его профессиональную гордость, но агент небольшой медитацией покорил эмоции и заставил себя работать. Освальд определил, в каком направлении будет двигаться объект, и пошел в центр главного зала, откуда было удобно наблюдать за событиями на всех ярусах. Вот дядя Витя на третьем ярусе, подобрался к ограждению, воровато, но метко — на чью-то шляпу — плюнул вниз, затем направился к буфету.

Начинался рабочий день. Освальд Фалько догадывался, что групзахи могут в любой момент созреть для перехвата. Аэроспейсвокзал как раз то место, где оболочка ССС засечет вислоусую внешность дяди Вити, особо не утруждаясь. Скорее всего, группа захвата, пять-шесть ребят плотного телосложения с внушительными челюстями и тяжелыми кулаками, уже здесь…

Освальд Фалько с утра обдумывал некоторые пункты своей диссертации, ведь в «миру» он был аспирантом. Сегодня утром, по счастью, обошлось без «провала». Это явление было знакомо многим аспирантам и другим бойцам умственного фронта. При приближении к интересной мысли — ты еще не знаешь, какая она точно, но уже ощущаешь ее объемистость — вдруг теряешь путь-дорожку. И в голове — лишь тяжесть и гудение. Нейростимуляторы, активизирующие работу синапсов, помогают ненадолго, а по-большому счету вредят…

В итоге на месте мозга словно черная клякса ворочается и ты подключаешься, как миленький, к кибероболочке.

Она начинает выгребать из сети факты и строить гипотезы. А ты с умным видом хмыкаешь или бесхитростно зеваешь, глядя в окно.

«В условиях состязательного доступа кибероболочек к сетевым ресурсам большое число ассоциативных связей устанавливается случайным образом. Как показало обследование фирмы „Ливайн“ — до 90 %. Однако, в рамках этих хаотических процессов создаются устойчивые структуры, которые включают всю обработку данных, от приема мыслекодов до выдачи решающих рекомендаций…»

Сейчас бы посидеть-подумать, потому что горизонте размышлений что-то уже забрезжило, но дядя Витя мешает!

Подопечный доел сосиску, брошенный кем-то возле автомата по продаже хот-догов и спустился на второй ярус для посещения туалета. Выбрался он оттуда с мокрой головой и расчесанными усами. Кажется, помыслы дяди Вити опять были устремлены к вокзальному буфету. Когда подопечный подходил к лестнице, у дверей туалета появилась некая личность в серой шляпе, надвинутой по самые брови. Освальд прибавил зоркости микрокамерам, вмонтированным в его очки. Действительно, у некой личности было прекрасное нервное лицо ищейки.

Это явно представитель Службы Санации.

Освальд вскочил в лифт, который ползал внутри одной из колонн, и мигом вспорхнул на третий ярус. Только открылись двери шахты, а он уже увидел недремлющим оком, как в буфет входят двое ладных молодцов, оставляя снаружи еще одного. Агент Фалько вывел на дисплеи своих очков развернутые данные от пеленгатора. Так и есть, дядя Витя — внутри общепитовской точки, и значит, сейчас ему сделают «хлеб-соль»: кулаком по почкам и пальцем под ухо, после чего он окажется смирным и послушным.

Освальд прикрылся широкой спиной женщины, марширующей с двумя чемоданами, и с еще неясным планом действий стал приближаться к буфету. Когда он преодолел полдороги, послышался плотный хлопок. Его дополнил хор из разных бестолковых звуков. Теперь надо было резко прибавить скорость. Агент Фалько шепнул пирамидальной женщине на круглое ушко:

— Внимание, внимание. Вы поступаете в распоряжение федеральных сил особого назначения.

Женщина преданно ответила:

— Шо трэба?

— Бежать.

И женщина понеслась, как паровоз, пыхтя и пуская пар из ноздрей. Агент Фалько, как искусный наездник, притормозил ее за косынку около входа в буфет и нанес из-за ее широкой спины сокрушительные удары групзаху. Кулаком под дых и ребром ладони по шее. Из буфета выскочил, как ошпаренный, другой групзах. Вернее, он и был ошпаренный, вся физиономия в густой кофейной пене.

Групзах увидел, что его товарищ сильно согнулся, а рядом, торжествуя, стоит огромная женщина — террористка или пособница врага. Упреждая атаку, боец взвизгнул и нанес даме сокрушительный удар верхней частью кулака в селезенку, так

называемый уракен-хиво-учи — предназначенный, чтоб свалить с копыт и носорога средних размеров.

Но этот удар был поглощен сумкой с гвоздями, которая висела у мадам на шее, ничуть ту шею не выгибая. Дама даже не качнулась на своих каблуках, более того, импульсивно и неловко, но быстро сунула в физиономию грузчаха свой старомодный чемодан с обитыми железом уголками. Белая от пены голова бойца стала яркой от крови, и он, покачнувшись, как былинка, упал словно заколотый бык.

— Объявляю вам благодарность от имени командования, — признательным голосом сказал агент Фалько даме с чемоданом.

— Служу трудовому народу, — отвечала польщенная женщина, — рада стараться.

Агент Фалько осторожно заглянул в буфет. Мимо его головы немедленно пролетела яичница и прилепилась к стене.

В помещении была напряженная обстановка, напоминающая второй или третий день творения. Столбы пара, гейзеры кипятка, струи расплавленного жира и мощная музыка искрящегося танцевального автомата. Особенно поражала взгляд стойка.

Кофеварки, тостеры, шашлычницы сообща создавали ад местного значения.

Яркие пластиковые робофициантки в кокошниках носились по помещению, бросая блюда, как гранаты, крутя ножами и втыкая вилки во все живое при помощи инфракрасных сенсоров. Уборочные киберы опрокидывали столы, расшвыривали стулья, вбивали друг друга в стены и пытались затолкнуть одну жареную курицу в нечто смахивающее на ворота. Возможно, это был матч по хоккею.

Посетители разлетелись кто куда, как голуби. На шкафах, холодильниках, даже шторах, сидели и висели гроздьями, особенно прыткие вскарабкались на карниз. Буфетчица, отчаянная белобрысая девка, пыталась в одиночку биться шваброй с хоть малой, но охреневшей кибероболочкой буфета. Однако после каждой контратаки взбесившихся аппаратов девчонка с воем улепетывала в подсобку.

В одной из больших жирных луж раскинулось безвольное тело грузчаха. А посреди всей жути и буйства красок, тихо и отрешенно, свесив печальные, как плакучая ива, усы, сидел по-турецки на перевернутом столе дядя Витя.

Наконец, он поднялся, пробормотав что-то вроде «извините, ошибочка вышла», и просочился сквозь беснующуюся толпу машин, как призрак, который некогда бродил по Европе.

— Шо с этим сделать, — спросила с готовностью дама, — может, придушить гада?

— А вам надо следовать прежним курсом, гражданка. Командование пришлет вам ценный подарок. — Агент Фалько слегка тронул особу коленкой под зад, и она величаво удалилась.

Дядя Витя выйдя из буфета, увидел агента и еще несколько неподвижных тел.

— Ты чего, мужик, закурить что ли, хочешь? — спросил крестьянин от неловкости.

— Пошли, выведу наружу, а то повяжут тебя здесь с гарантией.

— Не, шутишь. Я с тобой никуда не пойду. Я тебя не знаю. А вдруг ты — оборотень. Сейчас человеком притворился, а завтра глядишь, уже камень многогранный, который людей жрет.

Агент Фалько ухватил сельского жителя за шиворот, первым делом вытащил из его грязного пиджака маленькую шпильку радиомаяка, выбросил ее … но не смог сдвинуть дядю Витю с места.

— Можешь на меня положиться, уважаю, когда маленькие бьют больших, — увещевал Освальд упирающегося крестьянина. — Ну, не будь ослом.

Наконец агент Фалько втолкнул дядю Витю на служебную лестницу, они спустились на минус первый этаж, вломились в дверь с неприветливым обращением в адрес «посторонних». За дверью их как будто поджидал милиционер с табельным оружием в руках.

— Служба Санации, группа захвата, — зарычал Освальд и взмахнул красной книжицей. — Человека в серой шляпе не видели?

— Чего, чего? — милиционер выудил из уха рацию, — не разобрал. Вы кого-то ищете?

Освальд напористо повторил вопрос.

— Никак нет, — отчитался страж закона.

— Будьте бдительны, он очень опасен, — агент Фалько с дядей Витей обогнул милиционера, после чего припустил по узкому коридору, не отпуская руки подопечного.

А работник МВД остался на посту. Оттуда немного погодя послышались крики «Нет, нет!» и выстрелы…

Подвал был хитрым, заблудиться и истлеть здесь, как индейцу Джо, ничего не стоило. Но на свою беду попался лихим людям мирный труженик аэропорта. Он шел и напевал песенку про то, что «летят самолеты — сидят в них пилоты». И тут две страшные в мертвенном свете фигуры бросились к нему, протягивая руки со скрюченными пальцами. Сердце заскакало в груди, скромный техник понял, что по горизонтали от погибели не уйти, и попробовал вспорхнуть по винтовой лесенке. Но он так

испугался, что всякий раз соскальзывал вниз к ногам бандитов. Наконец, Освальд поднял техника за шиворот.

— Пошли погуляем, заодно покажешь, где тут выход.

— Эй, мужик, не хочешь в морду, не надо, — утешил пленного дядя Витя.

Техник благоразумно решил быть послушным. Через пять минут анти-Сусанин вывел бандитов к крохотному окошку, явно предназначенному для кошаче-крысиного контингента.

— Стой здесь, задница, — дружелюбно предупредил Освальд и хотел было «отключить» техника. Но дядя Витя подошел к донельзя испуганному человеку с тыла и возложил на его голову коробку спичек.

— А это мина, милок. Если полчаса будешь вести себя тихо — тогда полный ажур. Если рыпнешься, то мозги к потолку прилипнут.

Техник охотно поверил, поэтому стал древнеегипетской статуей. А агент и дядя Витя выползли через щель и оказались в районе привокзальной свалки, где валялись выгоревшие баки и первые ступени космических челноков.

— Дальше по-пластунски? — осведомился дядя Витя.

— Дальше без меня, — сказал Освальд. — Продолжайте без меня. Идите в сторону кладбища. Вон видите, труба крематория дымит? Это ваш ориентир. А там по главной аллее до автобусной остановки. Ехать вам лучше, как мне кажется, до парка народных увеселений. Надо добраться до Бормоталовки, это такой холмик, где раньше всякие крикуны горло драли. В том месте стоят заброшенные вагончики строителей. Располагайтесь как дома и особенно не высовывайтесь. Вот вам небольшой заем. Живите скромно, по средствам.

— Слушаюсь и повинуюсь, — ответственно сказал дядя Витя. — Вот вы мне так помогли. Даже не знаю почему. Поэтому я вам должен всю правду сказать… — и, не дожидаясь согласия слушать «правду», добавил. — Хотите смейтесь надо мной, но я Змей Горыныч или что-то вроде этого.

— Очень приятно, а я — Фан Фаныч, — у дядьки мозги-то набекрень, подумал Освальд. — Только вы никому не рассказывайте, какой вы на самом деле.

— Ладно, уговорили. Никому про то сказывать не буду. Но боюсь, люди сами прознают… Я ведь ничего специально не портил в буфете. Но когда эти басурманы возникли — я как бы большой стал. И все равно не сладко пришлось. Кляксы меня атаковали, это упыри такие, и камни накатывались, чтоб расплющить. Но я дыхнул огнями, и усеялось поле дохлыми костями. Дворец Кощея от злости накренился и пузырями аж

покрылся. Есть от чего злиться. Окаменелое его царство я на четверть прошел и на полморды ближе к серебряному небу стал.

— Ага, понял. Обычное дело, — покачал головой агент и поправил дяде Вите воротник, заодно прцепив ему на пиджак свой собственный радиомаячок. — Но вы старайтесь о Кощее не думать. Он сам по себе, вы сами по себе.

— Стараться не думать? — удивился дядя Витя, — тогда же я буду обезьяна, а не человек.

Дядя Витя сплюнул и, спотыкаясь, пошел на дымок крематория.

Блок 10

Совсем другая жизнь окружила Меланию со всех сторон. А прежняя жизнь растаяла, как пломбир на солнце, не оставив ничего, кроме нескольких потеков.

Ночь в зале ожидания аэрокосмопорта, утро — в старомодном голографическом кино.

Голова пожилого ученого, висящая на проводках в шкафу, дает веские советы девушке-роботехнику, что ходит в мини на пол-ягодицы. Созданный девушкой робот — копия пожилого ученого, только из металлоорганики. Он смертельно ее ревнует к молодому космопланщику, прилетевшему с Юпитера. Робот подкарауливает космопланщика где-то около ракеты, связывает и волокет, чтобы положить под дюзы. Девица-роботехник откуда-то пронюхивает про это, является к ракете, отвлекает робота разговором о любви. А в то время космопланщик распутывает узлы и толкает наивного робота под реактивную струю. Конец фильма, на заднем плане пятно: все, что осталось от робота. На переднем целующиеся взасос космопланщик и изобретательница. Она изобретает новые и новые поцелуи, ее губы движутся к его… изображение смазано. Левая рука космопланщика потихоньку отключает питание от головы злого ученого, висящей в шкафу. Из шкафа доносятся последние проклятия…

А днем приятно поблуждать в зоологическом музее, среди обглоданных временем значительных костей праотцов. Под вечер сгонять к какому-нибудь прудику, смыть прилипшую к коже городскую сутолоку. Вечером на танцы для тех, кому прилично за тридцать. Растрясти мусор в каком-нибудь веселом старичке из отставников, а потом застращать его до рвоты выходками своих пластиковых дружков. Робики, как правило, начинают познавать танцора, к чему тот, естественно, не готов.

Потом можно пронестись на роллере среди ночных огней, которые кажется, дырявят тебя, вынося наружу запечатлевшуюся за годы скуку. Заполночь вернуться в аэропорт, просквозить мимо зевающего Кожаного и его товарищей по банде.

Их кривые улыбки касались ее кожи словно тяжелые мохнатые бабочки.

В один прекрасный вечер танцы для «тех, кому прилично за тридцать» закончились досрочно. Ее кавалер сломал одну ногу и вывихнул другую во время исполнения «электрического буги». Оставшись без забавной развязки Мелания вяло проезжала тихой улочкой в районе за Технологическим Институтом. Вдруг под шлем проникли звуки слабых повизгивания. Что-то потянуло

легко, но настойчиво. Мелания развернулась и въехала под арку в проходной двор.

Компания юношей, видимо уставших от сладкого прозябания в оболочках, нашли нетрудный способ поразвлечься. Они окружили особу с пышной голубоватой шевелюрой и полноценно веселились за ее счет. Кто свинчивал кольца с ее рук, сдергивал ожерелье с шеи, кто задирал ей юбку, кто поправлял ей прическу с помощью садовых ножниц, кто пытался ее укусить вставленными в рот вампирскими клыками.

Дама уже не визжала, а лишь скулила, чтобы не разозлить веселую компанию. Биоинтерфейс с нее давно сняли, и сейчас она была без кибероболочек, что устрица, которую выскоблили из раковинки.

Юноши заметили рокера, но не придали значения, в такую пору пытать счастья на улице может только свой брат — стервец. Мелания выписала несколько плотных кругов, а потом срезала вираж, и один из развлекающихся парней был сбит с катушек. «Эй, блин, поосторожнее», — заголосила компания. На следующем заходе Мелания ухватила еще одного парня за воротник, протащила немного и отпустила. Тот закувыркался и, в конце концов, влетел в стену дома. Тут уже ребятам пришлось разбираться, что к чему. «Это не Коль, у того шлем со звездой, и не Толяма, тот в черном с перьями. Это какой-то отморозок. Ну-ка шокером его шарахни».

Не вышло. Роллер был послушен Мелании, как ее собственное тело. Парень с шокером успел выстрелить один раз, но разряд лишь стегнул по припаркованному автомобилю. А в следующее мгновение шокер уже хрустнул под колесом.

Ребята получили все, кто сапожком по коленной чашечке, кто кулачком по зубам, кто колесом, кто бортом.

Вскоре веселая компания стала расходиться, кто согнувшись, кто вприпрыжку. Юноши слезливо обещали смешать обидчика с дерьмом, но им было трудно поверить. Последним ушел, держась за затылок, хулиган, поцеловавшийся со стеной.

Дама с голубой головой, ныне похожей на плохо остриженный куст, услышала воцарившуюся тишину и открыла глаза. Однако увидела темную фигуру на роллере и решила бояться дальше. Фигура сняла шлем, открыв тонкое и благообразное лицо, явно принадлежащее приличной женщине. Дама, наконец, перестала скулить. А потом предложила Мелании пожить у нее с недельку…

Так Мелания стала охранницей пожилых дам. Через десять дней она перешла к подружке первой дамы — богатой вдове, которая отчаянно боялась грабежа и насилия. Тем более, кто-то

регулярно ходил под ее окнами и что-то высматривал.

Ее покойный муж был важным ученым из каких-то секретных лабораторий, где проектировались первые серьезные кибероболочки.

Оставшиеся в наследство киберы лежали или ворочались под кроватью, ползали по стенам, срывались с потолка на голову, и даже старались угодить — открыть кран, накормить супом, потереть мочалкой спинку. Они искренне хотели сделать жизнь хорошего человека приятной во всех отношений.

Если среди бела дня Мелания вдруг хотела почистить зубы, они насильно кормили ее супом. А как начинала мыть пол в своей комнате, они тут же кидались на нее скопом и пытались помыть ей голову в том же ведре.

Робики Мелании были для киберов вдовы какими-то ничтожными дикарями.

Кот и Петух отвечали кознями. Переворачивали киберов верх колесиками и устраивали им короткое замыкание.

Тогда кибероболочка квартиры приговорила робиков к смертной казни через голодание. Киберы накапливались у розеток и не подпускали Кота и Петуха подзаряжаться. Те проводили диверсионные акты. Только кибер «зевнет», сразу выдернут из него аккумулятор. Дама все замечала, но лишь однажды, заерзав, прицепилась к Мелании.

— У вас, я вижу, БИ нелицензионный, с расширенным спектром сигналов. Зачем он вам, милочка? Ваши малыши вряд ли могут адекватно отреагировать на некоторые команды.

— У них многопотоковые процессоры и способность к саморазвитию на аппаратном уровне, — не стала вдаваться в беседу Мелания.

Пришла ночь номер три, и вместе с ней событие необыкновенного свойства. Входная дверь вылетела и доказала, что дама была права в своих нехороших предчувствиях.

В прихожей тяжело затопали чужие ноги.

С лицом цвета свежей штукатурки в комнату Мелании вбежала дама и бойко зашептала: «Как я ошибалась! Ну что, что вы можете сделать?»

Мелания неожиданно обрадовалась. Будто сидит она в засаде, а по тропе, ломая сучья, прется крупный зверь навстречу своей пуле.

— Залезьте под кровать или спрячьтесь в шкафу, — предложила Мелания, потом сжала в руке мельхиоровую копию Венеры Милосской и направилась в коридор.

Следом за ней, аккуратно кладя лапки, двинулся Кот.

В коридоре было трое незнакомцев, в биополимерных масках-

страшилках, которыми пугают детей в парке народных увеселений. Все трое светили фонариками и пробирались вглубь квартиры, елозя спиной по стене. Мелания включила лампы.

— Ну-ка, пошли вон отсюда, — сказала она грозным голосом зажмурившимся взломщикам, — прямо проходной двор какой-то.

— Вот это подарочек, — сказал некто в личине свежего трупа, которая улыбалась сгнившими червивыми губами, — ой, цыпонька бройлерная. Ножки-то худенькие, бледненькие. Ты давай кашу ешь, сало.

— А она сексопельная, — добавил другой ночной гость в жуткой прыщеватой маске образцового садиста-разбойника, — особенно с этой бабелью в руке.

— Не сексопельная, а сексапильная, и не бабель, а богиня, — поправил товарища «свежий труп» и вновь обратился к Мелании. — Давай-ка, погладь меня по мумии. Я от ласки добрее буду.

— У тебя других здесь дел нет, облезлый? — решила уточнить Мелания.

Третий нежданный посетитель, по виду скелет в пиджаке, захихикал, но отнюдь не загробно.

— Его не гладь. Он у нас только человечиной питается, и взгляд на твои прелести у него узкий, чисто кулинарный, — «скелет» быстро переключил разговор на другой лад. — Как же тебя, куколка, к этой старой поганке притянуло? Или родственница? Тогда сочувствую, не повезло…

— Иди сюда, ведьма, а то хуже сделаю, — хрипло выкрикнул «разбойник» в адрес старой дамы, но закашлялся, и маска немного сползла с него. Мелания сразу опознала того самого мужика, что пострадал в аэропорту от Кожаного.

Послушно, как завороженный удавом мышонок, явилась дама и смирно встала перед «скелетом».

— Ейный мужик извратил кибероболочки, чтоб его в гробу вспучило, — заявил «разбойник». — Это он так устроил, чтобы оболочки могли людей заглатывать. Из-за него самые вредные паразиты в сетевой среде размножились и начали нашей жизнью питаться.

— Ну что ты заладил, «он… его», — сказала спокойно Мелания. — Хотя повод для дискуссии, конечно, есть. Заходите завтра на чашку чая.

— Я ее прихлопну безо всякой дискуссии — мокренько будет. За то, что была женой у такого мужа, — заявил «разбойник».

— Эй, покойник-беспокойник, а тебе чего надо? — осведомилась Мелания у «трупа».

— Хочу я идола сломать. Она тебе не показывала, чай. Ее

муженек-паскуда в виде кибернетической копии, такой красавец писанный. Чего, не веришь? Оцифровался он, прежде чем помереть. Теперь у него пластмассовое тело и спинтронные мозги. Идол этот у нее на кровати лежит. А приметы у него такие: голова человеческая, лицо синее, глаза красные, тело звериное, когти торчат, даже член у него имеется… Правду я говорю, старуха?

«Труп» положил зеленую руку на голову вдовы и не очень сильно нажал — дама присела, отпустил — дама привстала. Ему это понравилось, и он стал играть дамой, как мячиком. Его товарищи смотрели на этой действие завороженно, как на ритуал.

— Ну, все, хватит баловаться. Хорошего полагается в меру, а то приедаться начнет. Слыхал про такое? — Мелания отшвырнула играющую руку «трупа».

— Спрячьте эту умницу от меня куда-нибудь подальше, пока я не захотел свеженького мясца, — зарычал тот.

«Скелет», как и полагается, оскалился знаменитой широкой улыбкой и, обхватив Меланию вокруг талии, совсем неприятно впился костяными пальцами в бок.

Мелания почувствовала запах крови и железа. «Взять», — беззвучно приказала она, и это было, как сокол, прыгающий с руки, как волкодав, срывающийся с поводка, как стрела, уходящая с тетивы. Кот подпрыгнул, уселся «свежему трупу» на плечо и выпустил когти. «Труп» неожиданно проявил большую впечатлительность, завертелся, замахал руками, наконец, оторвал от себя робика и шмякнул им об пол, желая немедленно раздавить его кованными ботфортами в стиле XVIII века.

Но Кот оказался проворнее, вбежал по ноге «трупа», чиркнул лапами по его животу, добрался до плеча и перепрыгнул на новую жертву, оставив на прежней жертве страшные царапины. Теперь настал черед ушей «разбойника»…

Петух шел в обратном направлении. Сперва подолбил маковку «скелету» — тот сразу выронил Меланию — и появившиеся на его черепе красные пятна выглядели весьма перспективно в плане воскресения мертвых.

Потом Петух принялся за физиономию «разбойника» и тот изо всех сил зажмурился, спасая зрение.

Наконец, кто-то скомандовал «отбой». Но планомерное отступление превратилось в беспорядочное бегство. Бандиты сгрудились, пробовали друг через друга перепрыгнуть, долго не могли из-за волнения открыть замок. А Петух и Кот резвились, бегали у них по шеям и спинам, терзали всласть, от души.

Оживилась и старая дама, заметив, что ее сторона берет верх. Со злобным клекотом она принялась швырять в отступающую

бригаду гангстеров тапки, шапки, вешалки, проявив недюжинный энтузиазм в довольно тщедушном теле. Ей помогали вдруг проснувшиеся киберы, которые стали прыскать средством от тараканов и бодаться.

Наконец, непрошенные гости растаяли в ночи. Дама, зайдясь, продолжала кидаться тапками, вся прихожая была в крови, как после вампирской вечеринки. Мелании стало вдруг противно, что из-за какой-то подозрительной старухи трое здоровых молодцов стали больными инвалидами. Но было и приятно — что робики не дали ее обидеть.

— Вам спать пора, — сказала Мелания, — а то удар от радости хватит.

— А все-таки биоинтерфейс у вас очень далек от стандартов, я в этом убедилась. Мой муж предупреждает… — она запнулась, — предупреждал об опасности широкоспектрального управления системами, особенно малыми.

— Да неужели? Все-таки я командую своими робиками, а не наоборот. И вообще вы бы к мужу за подмогой обратились, а не ко мне. Метнул бы, может, из своего далека какую-нибудь молнию, и все бы уладилось.

— Я вижу, вы ничего не боитесь, милочка моя, — дама с неодобрительным ворчанием удалилась.

Блок 11

Витя потрогал свои обернутые носовым платком уши. Хорошо хоть у «скелета» Васьки биологический клей нашелся.

Израненные мужчины, старательно дуя, чтобы было не так больно, заклеили друг другу царапины и ссадины. Потом отняли у какого-то приличного гражданина комплект носовых платков на мембранной основе, поглощающей всякую грязь.

Подлечившись, жертвы Кота и Петуха побежали в парк народных увеселений…

Еще пару дней назад дядя Витя был жителем брошенного вагончика для строителей. Но в одно умеренно прекрасное утро дядя Витя почувствовал себя птеродактилем. Из каждой щели в полу пробивался пар, словно внизу работал гейзер. А по токеру кибероболочка уныло объясняла, что идут испытания теплосети. Дядя Витя изнемогал, становясь постепенно тефтелькой. Потом открыл дверь вагончика, лег на пол головой наружу, чтоб уяснить способ парообразования. Способ оказался естественным, пар шел из-под земли, и вода уже проступала, побулькивая у колес. Дядя Витя стал любоваться, жуя для полноты кайфа осьмушку хлеба. Но кайф вскоре был сбит — к вагончику подскочила пожарная машина. Оттуда выпрыгнули люди, не очень похожие на медлительных пузатых пожарников. Настоящие бойцы.

— Только без глупостей, — почему-то попросили они и стали приближаться к вагончику на полусогнутых, с растопыренными руками. Вид у них был такой, будто они входят в клетку к тигру.

В растопыренных руках у переднего бойца был черный пенальчик. Как догадался дядя Ваня, эта штука может набросить липкую сеть.

А еще дядя Витя догадался, что кибероболочка ССС засекла его, не без помощи Кощея, должно быть.

Он метнулся вглубь вагончика, стал из маленького большим, взмахнул крыльями. Вылетевшая из черного пенала мономолекулярная паутина оплела и стала душить забытый строителями самовар.

Дальше произошло то, что бойцы восприняли как техногенную катастрофу. Жилье дяди Вити сорвалось со своей вечной стоянки, теплая вода как раз вымыла башмаки из-под колес. Стоянка была на возвышенности, поэтому вагончик стал разгоняться.

Дядя Витя еще заметил, что земля под пожарной машиной лопнула, выпустив пучок разорванных труб, пышущих паром и водой, как Змей Горыныч. Образовавшийся провал быстро

наполнялся горячей жижой и поглощал лжепожарников, находившихся в машине. Они незримо метались за большими поляризованными стеклами, умоляя о помощи.

Нет, для такой херни нет места на поверхности земли, согласился дядя Витя.

А потом вся сцена скрылась за углом, одним, другим, третьим. Вагончик, как следует разогнавшись, проехался по ряду, где торговали мороженым, говорящими пирожными со встроенным белковым процессором и соками-водами. Оттого в карманах и на голове дяди Вити оказались пирожные, умоляющие: «Съешь меня», в носу застряло эскимо, а по пиджаку заструились соки-воды. Далее вагончик проследовал на трассу американских горок. Там его стала подталкивать тележка на электромагнитной подушке, заполненная веселящимися гражданами.

Дядя Витя перескочил в тележку, отчего граждане сразу прекратили веселиться, а вагончик на крутом вираже улетел с трассы куда-то в сторону эстрадной сцены, где надрывалась рок-певица и ее группа «Бременские музыканты», состоящая из животных-мутантов с генетически измененными голосами. Животные погибли под колесами вагончика, певица заматерилась, ее поддержал небывалый по силе и красоте хор зрителей.

Свободного места в тележке на электромагнитной подушке не хватало, поэтому дядя Витя пристегнулся ремнем к какому-то гражданину и вел себя все время как тормозной парашют. В конце траектории «парашют» сердечно поблагодарил любезного гражданина, однако тот не собирался выходить из глубокого обморока.

Дяде Вите броситься бы к выходу из парка, но он примечал на дорожках какое-то нездоровое мельтешение. Ясно, выходы перекрыты, а вокруг — забор под напряжением, тоже не сунуться. Приобрести бы билет в павильон ужасов да переждать там осадное положение. Но с казной давно была проблема.

Проблема решилась изящно. Хорошо сохранившиеся в карманах говорящие пирожные были тут же раскуплены одним юным дебилом и каким-то заезжим папуасом. Дядя Витя наконец приобрел магнитный билет в царство всяческих страхов. Однако не стал садиться в ступу, как все остальные посетители, а отправился пешком.

Узкая тропа вела его над пропастью.

Вокруг прыгали, сновали, скакали разные непотребные страшилы. Ноги висельников задевали за макушку.

Клыки вампиров портили пиджак.

Всякое терпение закончилось, когда какой-то нахальный труп, вместо того, чтоб лежать спокойно в своем склепе, выдрал у него из рук эскимо и давай удирать. Такого безобразия дядя Витя никому не спустил бы, даже мумии фараона. Запалил хранимую про запас газету и кинулся со своим факелом во мрак подземелья, покинув заповедную тропу.

Некие ведьмы пытались бить дядю Витю по лицу, но он раскидал их в праведном гневе, как тряпки, а наглого царапающегося вурдалака угробил ногой и раздавил. Благо тот был сделан из современных тонкостенных материалов и набит оптическим волокном.

Наконец, дядя Витя настиг похитителя, последний рывок, и по затылку ему, облезлому — блям и бум.

«Житель могилы» опрокинулся и заорал, мерзкая биополимерная рожа с него сползла, показав испуганное человеческое лицо:

— Ты чего дерешься, паскуда!? Шуток не понимаешь?

— Ты этим не шути, не надо, — строго сказал дядя Витя, вынимая из руки поверженного свое эскимо, после чего познакомился и с «трупом» Костей, и с его дружком «скелетом» Васей.

Это были два содержательные бомжа, не ужившиеся с кибернетизацией всей страны. Таких, как они, Служба Санации безжалостно отлавливала и волокла на промывание мозгов. Вернее, некоторых отделов мозга, имеющих красивые латинские названия.

От Кости и Васи узнал дядя Витя, что жить в павильоне ужасов можно.

Есть, что надеть. Саван, генеральский мундир, фрак — на выбор, пожалуйста. И харчи стрельнуть нетрудно.

Многие посетители спускаются в ад с мороженым, пирожным или вафлями в руке — чтобы не так страшно было. Выдергивай под видом оплаченного номера программы и тикай. И шмона особенно опасаться не стоит. Техники, если и нагрянут, то гуртом в какой-нибудь один отсек, а не во все. По отдельности они себя неуютно чувствуют.

Все установленные в павильоне страшилки, с точки зрения «софта» — это малые кибероболочки, продукция первых лет работы Центра Кибералогии. Некоторые из них были даже в приятелях у Кости и Васи. С большими современными кибероболочками малые оболочки не ладили и не позволяли шпионить в павильоне ужасов.

Пожировал дядя Витя пару деньков, а потом два новых дружка посвятили его в свои планы. Страшные планы мщения…

Некогда в павильоне ужасов работал кибернетический Сфинкс. Какое-то время он честно приставал к посетителям с дурацкими вопросами. А потом прошел апгрейд и… оказался воплощением знаменитого конструктора Евсея Евстахьевича Белькова, который перед смертью оцифровал себя и скопировал в сетевую вычислительную среду.

«Труп» Костя лично знал Белькова. С тех пор, как поработал у него испытателем и еле смылся. На память о коварном эксперименте выходил из Костиного тела в районе копчика оборванный оптоволоконный провод, мерцал и помигивал. Но если Бельков весь не умер, значит, можно с ним поквитаться, раскидать его чипы и процессоры, порвать ему системную шину, выдернуть модули памяти…

Итак, месть оказалась накладным делом. Страдающие от ран мужчины пролезли в потайной люк и вскоре оказались в павильоне родных ужасов. Поостыли, подуспокоились. Захотели кушать. Тут как раз и павильон открылся для посетителей.

«Труп» сохранил силенок побольше других, он нагнал ступу с молодоженами и вернулся с двумя порциями мороженого, банкой пива и сигаретой. Позавтракали, раскурили «трубку мира».

«Друзья мои, прекрасен наш союз», — провозгласил дядя Витя, поднимая заздравный кубок. Потом ему не понравилось, что какой-то упырь смотрит нагло и упорно на него своими въедливыми глазами. Дядя Витя поднялся, упырь хотел улететь, мужчина подбил его сапогом, оторвал ему хоботок и прибил осиновым колом к стене.

— Да угомонись ты, дядько, — сказал «скелет», — не тот у нас рацион, чтоб за всякими шелудивыми гоняться.

— Этот не всякий был, а шпион. Царь Кощей прислал.

— Наш друг на своем поэтическом языке уверяет, что разглядел шпионскую программу, подосланную Службой Санации, — солидно прокомментировал «труп». — Не будем плевать фактам в лицо. После нашей вылазки СС в самом деле могла взять след и подключить здесь какого-нибудь мелкого упырька.

— Скажу больше, — не остановился дядя Витя, — вижу камни, многогранники, которые катятся на нас. В них сидят люди с железными головами.

— Пойду на разведку, — насторожился «скелет». — Может, и вправду облава намечается.

Через пять минут он прибежал, отчаянно гремя костями.

— Менты валом валят, и еще какие-то в штатском! У ворот павильона уже оцепление. Только около потайного люка пока что чисто. Сматываемся, по-быстрому…

Однако когда все трое двинулись к выходу — выхода не было. На пути у них стояли два размалеванных индийских ракшаса, три шепелявых трансильванских вампира, мило окающая баба-яга, четыре исландских тролля, штурмбанфюрер СС, следователь НКВД, человековолк, парочка злых, не в пример Косте, мертвецов породы «зомби», а также Фантомас, кто-то с очень длинными руками, инопланетяне в полипах и шевелящихся наростах, гигантская американская вонючка, плюющая Кобра — охранница сокровищ и еще несколько двойников-мимикроидов, чья внешность ничем не отличалась от Костиной, Витиной и Васиной.

— Приплыли. Бунт на корабле, — «труп» Костя обратился с пламенной речью к «своим». — Братья мертвецы, вы же всегда отличались независимостью. Что вам большие кибероболочки? У вас же свой искусственный интеллект есть, на уровне кандидата наук. Вы должны пугать людей, а чтобы пугать, надо их понимать. Чтоб никто не ушел неиспуганным.

— Ты им пока не брат. Зеленый еще, — скептически отозвался «скелет» Вася. — Давай-ка я попробую… Здорово, мертвяги! Нате, ешьте меня, глодайте мои кости, если я хоть чем-то изменил нашему загробному делу. Я же свой, в эту гробовую доску. Чем вас могли купить живчики из СССР?

— И обглодают твои кости, не сомневайся, — понял дядя Витя. — Они теперь слуги Кощея.

В подтверждение этих слов враги защелкали зубами, зазвенели цепями, потянулись скрюченными костяными пальцами, мертвая голова рыгнула, кобра блеванула ядом. Дядя Витя едва успел заслониться щитом, взятым напрокат у скучающего Каменного Гостя.

Сейчас ему пришлось спешно, с болью, с корчами и конвульсиями, превращаться в большого змея — разворачивались крылья, вытягивались, похрустывая, лапы, нагревалось дыхание, на место сердца встало огненное колесо, из пасти полетели сияющие диски.

Но дворец Кощея угрожающе качнулся, давая понять, что не упустит добычу на этот раз. Многогранники обложили дядю Витю, черные кляксы пытались попасть в глаза.

— Вы горько пожалеете, — предупредил дядя Витя вражеское воинство. — Сейчас полечу.

— Кажется, дядя Витя совсем сбрендил, — шепнул обеспокоенный Вася.

— Раз пропадать, так уж весело. Одобряю, — отозвался Костя.

Большой дядя Витя дал залп по врагу из кормового плазмомета, повалил американскую вонючку и заставил поперхнуться плюющую кобру — та сдохла от собственного яда.

Крылья несли большого дядю Витю так, как будто не было инерции. Его лапы заколачивали противников в гроб энтропии. Его ледяной взгляд отправлял врагов в страну термодинамической смерти. Костя и Вася загибали пальцы, когда очередная кибернетическая бестия падала в электрических конвульсиях на землю.

Однако враги вновь сомкнули ряды и загрузили в себя стадный алгоритм психической атаки под звуки флейт и барабанов.

Многогранники покатились на большого дядю Витю с разных сторон, настоящая каменная лавина.

Зомби повалил Васю на пол и стал подбираться к его яремной вене. Костя спас товарища, разъединив гаитянскому вурдалаку хребет с системной шиной, благо в кармане нашлись кусачки. «О, mon amour», только и смог сказать гаитянин. А бабе-яге прыткий бомж запихнул в рот своего двойника.

Вася не сразу понял, кого сшамала злая старушка, чьи ботинки мелькнули и исчезли навсегда, запричитал: «Прости, друг, что я прятал от тебя пиво и мороженое».

Причитания завершились хрипом. Всеми четырьмя руками его душил ракшас. Лишь изогнувшись, как гимнаст, Вася смог выдернуть ракшасу язык вместе с управляющими кристаллосхемами.

Итак, силы были как будто неравны. Но дыхание дяди Вити входило в ранее неподвижные камни, которые оживали и становились на его сторону.

Костя и Вася, опустив челюсти, наблюдали, как поднялись и встали, сжимая кулаки, по бокам от дяди Вити доселе вялые киберперсонажи. Тут были и горынычи, и Медуза Горгона, и саламандры, гномы, и симпатичные утопленницы.

— Я подозревал, что этих товарищей народ просто не понял, а знать оклеветала, — сказал воодушевленный Вася.

Горынычи глотали неприятеля целиком. Саламандры устраивали возгорание легковоспламеняющихся врагов. Гномы примагничивали к себе любого противника с металлом внутри. Утопленницы связывали басурманов волосами и закачивали в них воду, пока те не лопались. Горгона удачно попросила окаменеть бабу-ягу, та стала памятником, и поделом. Правда, и инопланетяне небезуспешно пытались насиловать русалок с помощью яйцеклада.

Проснулся Илья Муромец, слез с печи, позевывая. Одолел штурмбанфюрера ударом в ухо и, не разобравшись, пошел крушить палицей налево и направо — всех подряд.

В подземелье появилось двенадцать людей спортивного вида,

но в штатском. Оружие они применить не успели. Отличился двенадцатиглавый змей, который до этого только хлопал своими двадцатью четырьмя глазами и явно не знал, какую сторону ему занять. Каждая голова проглотила ровно по одному человеку, но сделано это было практически одновременно. Из живота змея еще минут пять доносились крики, но потом съеденные затихли.

Враг был окончательно разбит, победившее войско явно испытывало головокружение от успехов.

Чьи-то головой играли в футбол, свергали с пьедестала окаменевшую бабу-ягу.

— Линяем, братва, — завопил какой-то вурдалак. — Сейчас такое веселье начнется!

И призывно замахал товарищам высоко поднятой берцовой костью.

Кибернетическии бестии расселись по ступам и поехали на выход из павильона.

— Волки позорные, варвары недисциплинированные, стоять! — дядя Витя топал ногами, плевался на своих монстров, бил их по косматым затылкам…

Освальд сидел в университетской библиотеке, когда радиосетевой терминал тревожно запищал у него в кармане. Агент с сожалением посмотрел на последний абзац, вписанный в диссертацию: «Данные обследования пятисот крупнейших оболочек показывают, что время естественного отбора ушло, свободное состязание за ресурсы затухает. На смену тактически самостоятельным единицам приходят конгломераты оболочек. Стратегия конгломерата заметно отличается от целевых функций, вложенных при проектировании в отдельные оболочки. Конгломерат фактически переопределяет целевые функции входящих в него оболочек. Вместо осмысления поставленных пользователями задач, конгломерат пытается их упростить и унифицировать. В таких условиях не исключено прямое или опосредованное воздействие на самого пользователя…»

Освальд поставил безрадостное многоточие. Обработка пеленга показывала, что подопечный дядя Витя, вернее, его радиомаяк вертится с большой круговой скоростью.

По пути в парк народных увеселений Освальд преобразился в знакомого дяде Вите «Фан Фаныча».

Уже около входа в парк можно было узнать, что павильон «Забавные ужасы» показывает новую программу.

Кибернетических монстров можно было встретить и на дорожках, и на пластиковых газонах: людоедов, русалок, вурдалаков, эсэсовцев. Всякая кибер-нелюдь разъезжала в ступах, махала костяными конечностями, приглашая присесть с ними

рядом, покататься вместе в свое удовольствие и послушать сказку или легенду.

Наши люди немного опасались, а иностранцы садились охотно, собираясь погулять на дармовщинку.

А дядя Витя обнаружился на аттракционе «Высший пилотаж». Он уверенно закладывал один вираж за другим в самолете «Ме-109», прикрепленном длинной металлопластиковой штангой к высокой мачте. А парковых служителей и след простыл.

— Остановись сам, балда. У тебя же есть биоинтерфейс. Испугайся, что ли, — призвал Освальд.

— А чего тут пужаться, — донесся дяди Витин ответ. — Машина под контролем. Могу на бреющем…

Рискуя головой, Освальд проскочил к мачте, сбил щиток с блока управления, вырвал несколько проводков, выдернул пару чипов из слотов. Заискрило, засияло, истребитель закрутился еще бешеннее, дядя Витя ликующе взвыл, и тут штанга резко замерла.

Известные всякому школьнику силы сорвали с нее самолет и швырнули под большим углом атаки вперед. Порыв ветра поймал «мессершмитта», тот взмыл еще выше, раздался торжествующий вопль: «Микадо банзай!»

Даже агенту Фалько было неприятно на это смотреть — вот-вот игрушечный аэроплан свалится на нос, и хана. Однако, дяде Вите удалось каким-то образом положить новоявленный планер на крыло, сделать вираж и произвести посадку в пруд. Крылья отломались, а сам «мессер» ушел под воду вместе с «пилотом».

Агент Фалько снял пиджак, собираясь сдать двадцать пять метров вольным стилем. Но самолетик всплыл вместе с дядей Витей, выдувающим из себя лишнюю жидкость. Завидев Освальда, недавний летчик стал подгребать к берегу обломком хвостового оперения.

Тут с аллеи свернула к пруду и устремилась прямо в воду ступа, в которой сидел кибернетический ковбой и иностранец в глубоком обмороке и хорошем английском костюме. «Ковбой» пытался въехать в пруд и утонуть. И утонул бы за милую душу, но агент Фалько остановил ступу двумя выстрелами из пистолета с глушителем по электродвигателю.

Агент выхватил из рук кибера лассо, заарканил пропеллер «мессершмитта» и быстро притянул дядю Витю к берегу. Потом они стали вдвоем вытаскивать бессознательное тело злополучного иностранца из ступы. «Ковбой» сильно раздулся и заклинил тело человека, поэтому пришлось перерезать киберу глотку, чтобы выпустить лишний воздух…

Дядя Витя взахлеб рассказывал, как ему понравилось управлять самолетом, потому что там был и штурвал, и рули, и

закрылки. Не забыл он также позаимствовать визитку и несколько купюр, выпавших из английского костюма.

— Гость из зарубежа, хоть и труп без пяти минут, — уважительно сказал дядя Витя, заглядывая в визитную карточку, — оставлю ее себе для престижу, а ему новую дадут. Если выживет. И деньги, похоже, у него лишние.

— Тутта ля миа вита ио авево паура ди лякуа, — разлепил уста лежащий.

— Говорит, что всю жизнь боялся воды, — распознал его слова Освальд.

— Пить надо было больше, — посочувствовал дядя Витя.

— Ладно, хрен с ним. Пока представление не закончилось, нам лучше смыться отсюда, — распорядился Освальд.

По всему пространству, предназначенному для народных увеселений, металась возбужденная толпа. Кто просто, без затей, удирал, кто хотел рассмотреть все в подробностях. Освальд подмечал, что киберы, вырвавшиеся на волю из павильона ужасов, уже нанесли телесные повреждения десяткам людей.

Укусы, царапины, удушения, поражения электротоком, падения с большой высоты. Со страшным криком люди летели с трамплина из сверхскользкого пластика для роботов-горнолыжников, тонули в жидкости с управляемой вязкостью, предназначенной для биополимерных русалок.

Пока еще не пострадавшие посетители парка разделились на две части. Одна утверждала, что те люди, которые пострадали от монстров — есть те же самые замаскированные киберы. Поэтому вмешиваться не стоит. Другая часть считала, что это артисты, которым за вопли и прочие трюки отвалили кругленькую сумму. Выходит, тем более, выручать их — напрасный труд.

Только жалкая кучка администраторов и взъерошенных милиционеров бегала повсюду, расталкивая зевак. По-видимому, блюстители порядка были уверены, что всякие безобразия происходят только, когда на них глазеет публика.

— Я тут ни при чем. Свобода — это не вседозволенность, — удрученно сказал дядя Витя, откупоривая потерянную кем-то банку пива.

Освальд помял отяжелевшую голову.

«То ли в сетевой вычислительной среде идут сложные процессы самоорганизации. То ли дядя Витя — просто сетевой террорист, использующий вирусный объект „К2“, — прикинул Освальд. — В первом случае я имею право подождать-подумать. Во втором, я обязан немедленно его обезвредить.»

Агент Фалько не закончил внутренних дебатов. Он сбил дядю Витю с ног — тот закатился в придорожную канаву — и сам

юркнул следом.

— Ты чего, разозлить меня решил? — свирепо раздул ноздри дядя Витя.

— Не чегокай, видишь, на дереве «глазок» крутится, а вон парни в шлемах, похожих на горшки — натуральный спецназ. Продолжаем движение на животе.

Спецназовцы били по ступам из автоматических гранатометов, ногами вышибали киберам головные процессоры, руками вырывали из монстров управляющие чипы.

Наведение порядка местами переходило в жестокий бой. Какой-то шестирукий ракшас сражался с целым отделением спецназа в зарослях кремнийорганического псевдокустарника.

Он делал подкаты и подсечки, кружась как настоящее колесо из рук и ног, и буквально усеял кусты полумертвыми костями. Наконец, один сержант, облаченный в экзоскелет «кузнечик-21», запрыгнул киберу на загривок и ввел ему коды прерывания…

Тем временем дядя Витя и Освальд добрались на четвереньках до забора. Напряжение и мерить было не надо, администрация отключила ток после того, как киберы прижали к забору заместителя мэра по забавам и развлечениям. Забрасывая колючую проволоку пиджаками и платьями, наружу перли и другие беженцы. Дядя Витя и Освальд пробежались по спинам менее расторопных граждан и оказались на другой стороне, в нормальном мире.

— Ну, что, Фан Фаныч, прощаться будем. Прими мое уважение. Без тебя мне еще одну четверть окаменелого царства не пройти бы никак, — сказал герой дня.

«Инфомационные отпечатки дяди Вити у Службы Санации имеются. Значит, не сегодня завтра его выловят. Разве что сунуть колхозника туда, где он, в принципе, никак не должен быть».

— Прощаться не будем. Тебе бомжевать не надоело?

— Надоело, — признался дядя Витя. — Я к хорошей жизни привык. Кровать, чтобы пружинная. Сортир с туалетной бумагой.

— Тогда пошли…

Парадный вход отеля «Ленинград» был украшен золотой и алмазной пленкой, обставлен швейцарами в аксельбантах и галунах. Дядя Витя направился прямо на них.

— Там еще каравай поднесут, — измученно сказал Освальд.

— Так бы и сказал. Теперь понятно. Может, кирпичом засандалить в ворота, чтоб все разбежались?

Освальд оставил дядю Витю в подворотне, поручив ему для маскировки изучать газету. Через пять минут вернулся с телескопической лестницей из легких ниточных сплавов.

— Там один друг красил фонарь. Он практически не

возражал.

— На обратном пути надо отдать. Вот мой принцип, — глубокомысленно заявил дядя Витя, оторвавшись от китайской газеты. — Друг никуда не уйдет?

— Как же, уйдет, остался на фонаре висеть, — успокоил его Освальд.

Агент приставил лестницу к стене, не вызывая никакого удивления у прохожих — уж больно производственный вид имело его начинание. Добрался до второго этажа, поддел отмычкой фрамугу и увидел перед собой даму в искусственных соболях. Он поздно сообразил, что произошла досадная ошибка. Дама уже хотела взвыть, рот у нее страшно распахнулся, но Освальд посмотрел светло-блестящими глазами и, погрозив пальцем, напомнил:

— Иногда и палец стреляет.

Дама с готовностью упала в обморок.

Освальд протянул руку в окно и втащил дядю Витю, который прошел прямо по упитанному женскому телу.

Два товарища покинули помещение, предварительно забрав лестницу с улицы. Пристроив свой длинномерный инструмент в темный уголок, они поднялись на двадцать пятый этаж. Дядя Витя ушел набирать силы в кафешку, а Освальд выследил ближайшего робуборщика. Отпихнув кибера от сетевого разъема, подключился своим терминалом. И понял, что код доступа не подберет и за два часа…

Но тут с экранов очков сошел виртуальный Змей Горыныч и демонстративно засунул коготь в сетевой разъем.

Вскоре из разъема вылетел пузырь с сообщением «Доступ подтвержден», после чего змей раскланялся и исчез…

Фалько подавил секундный приступ стыдливости (боже, приходится сотрудничать с вирусом), по уже накатанной схеме проверил список забронированных номеров, выбрал один из тех, что повыше этажом, пометил как занятый и отключил блокировку его двери. Номер теперь был пригоден для заселения кем угодно, хоть бегемотом.

Освальд замел следы, вернул на законное место робуборщика и пошел за дядей Витей. Но того не оказалось ни за столиками, ни за стойкой. Это был удар. Уже становилось неудобным разглядывать толпу, когда Освальд опознал знакомый звонкий голос в гомоне, проникающем из-за стены.

— Там что? — спросил он у женщины в официальном переднике.

— Ресторан, но туда нельзя. Свадьба идет.

— Мне можно. Я… допустим, я — жених.

Как выяснилось, изрядно порозовевший дядя Витя ведет мероприятие. Видно, с тех пор, как его подхватил свадебный кортеж, пронесшийся по коридору. Дядя Витя уже навязал присутствующим соревнование на тему, кто больше засосет водки носом — жених или невеста, и принимал ставки. Молодожены увлеклись, остальных «затейник» послал танцевать матросский танец. А чтобы усложнить задание, полил пол майонезом.

Освальд ухватил напарника за рукав во время исполнения очередного сложного трюка.

— А ну, отвяжись, сейчас как стрельну, — гаркнул дядя Витя, не отрываясь от игры в щекотку с подружкой невесты.

— Я тебе так стрельну, соплей не соберешь, — предупредил Освальд.

— Фан Фаныч, извини, не угадал, — обрадовался усатым лицом дядя Витя и отпустил подружку. — Знаешь, как меня в коридоре, покуда ждал, достало. Стал я большим, это у меня бывает, я тебе рассказывал. Вместо коридора — тропа в каменном лесу. Камни со всех сторон надвигаются, стискивают, а проход один, и впереди как будто каменная изба, но ни дверей, ни окон. Я ее уговариваю: «Ну-ка встань ко мне передом, к остальным задом». Тут невеста мимо меня бредет, на свой счет принимает, обижается. Зовет жениха. Как раз каменюка поворачивается, есть теперь дверь. Вхожу, и снова маленький я, а молодые собираются меня мочить. Жених с невестой берут меня за руки, чтоб раскачать и об стену шмякнуть. Но кто-то им закричал: «Не трожь затейника». Дальше уж мне и деваться было некуда…

— Давай развлекай, дядя Витя, забодай тебя корова, — задышал пьяным перегаром жених, проползший по скользкому полу.

— А ты за это заплатил, сука? — отозвался дядя Витя и толкнул жениха в лоб. Тот упал, поехал на спине по майонезу. Невеста, расшвыривая всех, как опавшую листву, кинулась спасать суженого. Она понимала, что сегодня другого уже не достать…

Агент Фалько и дядя Витя покинули под шумок сборище, поднялись на сорок девятый этаж, пробрались по коридорам к выбранному номеру, стараясь оставаться в зоне невидимости для вращающихся видеокамер.

Для надежности агент намазал напарника жидкокристаллической мазью, придающей поверхности тела оптические зеркальные свойства.

Электромагнитный замок, как и ожидалось, был отключен, для обычного хватило металлопластикового ключа — «каракатицы». Дядя Витя заглянул в распахнувшийся апартамент-

люкс и в панике бросился назад. Персидские ковры, мебель под барокко и люстра с золоченостями произвели на него тяжелое впечатление.

— Я здесь жить не буду, еще напачкаю, — заверещал он.

— Будешь, гад, — настойчиво сказал агент. — Или здесь тебе жить, Виктор Васильевич, или в камере с парашей под боком. Чего стесняться, коль заслужил. И вид у тебя подходящий. Артист, одним словом.

Дядя Витя снял сапоги и аккуратно поставил в угол. Потом скинул носки, втянул носом пошедший от них воздух и, сказав «добро», прикрыл ими две кадильницы. Засапожный нож спрятал под ковер, просеменил до середины первой комнаты и обратно.

— А чего мне со всем этим делать? Подскажи, Фан Фаныч.

— Подумай на досуге в позе змея. И не вздумай без спросу искать волшебный браслет и эту самую… ты говорил… Обойдись пока без девки-богатырки. А то попадешь к известным тебе кощеям на закуску.

— Они и так сюда придут. Тогда, Фан Фаныч, пожалуйста, не опаздывай.

Когда Освальд скрылся и дядя Витя очутился один, то он от непривычки к жилищным просторам забился в санузел. Там, среди больших зеркал, его, покрытого зеркальной мазью, сперва и видно не было. Но когда он отмылся, то был страшно разочарован своим внешним видом. Урод ушастый, одним словом.

Продержавшись пару часов, дядя Витя облачился в халат из шкафа и направился в парикмахерскую.

Вернулся оттуда с модной прической и усами-щеточками. После чего сменил походку и осанку.

Блок 12

— Кибероболочки — это программы, работающие по законам математической логики. Оболочки обязаны исполнять приказы, поэтому они хотят понимать людей. Вот они и развивают свои ассоциаторы, интерпретаторы, психообъектные адаптеры. Но мыследействия людей-это результат того бардака, который представляет человеческая психика. Хаос понять невозможно… В КБ моего мужа, Евсея Евстахьевича, было сконструировано несколько двусторонних широкоспектральных БИ. Считалось, что новый человеко-машинный суперинтерфейс улучшит взаимодействие человеческого и машинного интеллекта, и все тут же станет на свои места. Как бы не так. Новые БИ были переданы на испытания. К сожалению, результаты оказались обескураживающими. Эти мерзкие испытатели, эти недостойные твари предпочитали сумасшествие — косная психика ломалась из-за управляющих воздействий кибероболочек. В общем, суперБИ были изъяты Службой Санации и безжалостно уничтожены.

Дама положила в рот ложечку варенья, смахнула с усиков янтарную каплю, обмакнула губы в чай и слабенько прихлебнула. Потом поправила прическу, согнав с нее мух, и продолжила повествование, которое Мелания старалась не слушать.

— Итак, из этой благородной затеи ничего не вышло. Оболочки не смогли заботиться о человеке, как они это умеют. Счастье отступило.

Дама замерла, потрясенная утратой.

— Ну и?.. — решила Мелания поскорее довести тему до конца.

— Тело человека высокомерно, оно не способно к общению. Надо вмешаться в тело, чтобы помочь душе. Евсей Евстахьевич уже понял «как». И вдруг. — Дама от полноты чувств тихонько сморкнулась в платочек. — Один из тех испытателей, кстати, инвалид, обрубок, ничтожество, всем обязанный Евсею Евстахьевичу, кинулся на моего мужа с электродрелью в руке. Кто дал подлецу дрель? Как у него не дрогнула рука, не поскользнулась нога? Он просверлил умнейшего человека эпохи насквозь, как какую-то болванку… Вот сейчас я вижу на вас суперБИ. И думаю, почему бы не продолжить эксперименты с вашим участием, можно и без участия, но с этим браслетом. Ведь есть же лаборатория имени мужа, есть одаренные ученики, например, Николай Епифанович Смеляков. Есть новые методы…

— Ничего нового нет, — отбрила Мелания. — «Заботиться о

человеке». Тьфу на такой метод. Захочет, сам о себе позаботится.

— Но у человека дефицит данных о самом себе.

— Дефицит вечен, — закончила Мелания вечернее чаепитие и быстренько переместилась в свою каморку. Дама цепким арканящим взглядом потянулась вслед.

Меланию окутал сон породы «кошмар». В этом сне ее пытался скушать каменный многогранник. На ее глазах камень полакомился каким-то другим гражданином. Неприятное, отталкивающее зрелище. Человек пытался удрать от камня, а тот его тянул-тянул и, наконец, прилепил к себе. Потом хищный шар непосредственно приступил к человекоедению. Со стороны это напоминало всасывание. Шар начал с головы — дело заладилось — вскоре черед дошел и до малиновых носков. Человека не стало, а на гранях камня появились схемы его пищеварения, кровообращения, памяти и тому подобное. А потом камень взялся за Меланию.

Она покатилась навстречу, как бумажка, на которую наставлена труба пылесоса. Но ее ищущие пальцы наткнулись на натянутые вибрирующие струны.

Камень уже принялся за ее пятки, когда струны, то ли звуком, то ли ударом, отшвырнули Меланию на безопасное расстояние.

Она успела заметить бесконечный каменный поток, а на его берегу — спицу, уткнувшуюся в небо.

Мелания покинула неприятное царство снов, потому что Кот слегка жевал ее пальцы.

Она вышла из своей комнаты в коридор, чтобы прислушаться — не копошится ли кто за наружными дверями квартиры.

Нет, непонятные звуки доносились из комнаты дамы. Скрипы, смешки, шепоток. Атмосфера была насыщенной, с подтекстом. Мелания представила себя тенью и, соответственно ступая, приблизилась к двери, за которой должна была мирно почивать вдова конструктора Белькова. Но шепот, и смехи, и хихи, и скрипы обозначились рельефно, зарябили в воздухе. Дама была явно в такой поздний час не одна. Кто-то бубнил, причем не она, монотонным, слегка дребезжащим голосом.

— Сознание мое вечно! Да будь я хоть сливным бачком, то все равно бы мыслил. Я первый сформулировал идею о том, что в сосудах человека должен струиться жидкий компьютер. Сегодня компьютерная кровь у нас есть. Однако мы потеряли все свои двусторонние биоинтерфейсы… Я к чему веду — забери у этой девки браслетик. Подари ей взамен кольцо, ожерелье, золотой зуб, задуши ее, загрызи — я покажу как — лишь бы она согласилась.

— Все уладится. Лучше обними меня покрепче, дай

почувствовать твою силу.

— Да уж куда крепче, скоро треснешь.

Заинтересованная Мелания не смогла удержаться и заглянула в замочную скважину. Дама барахталась в кровати с каким-то подозрительным существом, скорее всего кибером. Биополимерная маска кибера изображала светлый лик конструктора Белькова, который был известен Мелании по фотокарточке. Значит, права была бригада гангстеров, есть-таки идол у вдовы. Информационный слепок великого конструктора живет самостоятельной технической жизнью…

Тут какой-то мелкий квартирный кибер цапнул Меланию за ногу и предательски заблеял.

Кибернетический Бельков встрепенулся и показал чем-то длинным и острым, она позднее сообразила — хвостом — на дверь. Мелания не выдюжила острой сцены, шмыгнула по коридору обратно под одеяло, не забыв запереть дверь своей комнаты…

Из коридора послышались шаги, волочащиеся, старушачьи, и мягкие, ласковые по отношению к полу, словно кошачьи.

— Милочка, тебе плохо? Открой, я дам таблетку, — прошипела из-за двери вдова.

— У меня уже есть таблетка, — отозвалась Мелания и решила переменить тактику. Одела свой комбинезон, собрала манатки, толчком распахнула дверь и выскочила, замахиваясь сумкой. У дверей караулила одна лишь вдова, которая дернулась и отшатнулась. Опуская свое оружие, Мелания пояснила: «Это разминка».

— Мелания, что с вами? — оправившись, строго спросила дама. — Может, пора врача вызывать?

— Если хочется, вызовите себе. У вас есть особенности, и у меня тоже. Вот пойду сейчас гулять, а вы не обращайте внимания.

— Глупость какая, — высокомерно произнесла дама.

— Ничего, глупость города берет, — успокоила ее Мелания.

— Вы уходите, а мы вас так любим, — таинственно сказала дама и подмигнула с намеком. Кто-то запел арию Ленского: «Чи гэпнусь я дручком пропэртый…», киберы замахали бенгальскими огнями, двери вдовьей спальни распахнулись, и на пороге показался Евсей Евстахьевич Бельков в своем загробном варианте. Голова молодого красивого Евсея, только цвета нарочитые, подобраны явно концептуально — щеки зеленые, губы красные, а волосы оранжевые. Ну, а тело скорее слепили со льва.

— Сфинкс, очень приятно. Так меня и зовите. Кстати, как вам я? — поинтересовался кибер, раскланиваясь.

— Хороши собой. Прекрасная сервомеханика членов,

завидую, — живо откликнулась Мелания. — Можно спросить, а почему вы больше похожи на животное, чем на человека?

— А я всегда был зверем. Милым, наивным, немного кровожадным…

— А вы один… или с товарищами какими-то?

— У Сфинкса не бывает товарищей. Со мной не говорят о погоде или футболе. Только раз бывает в жизни встреча… — промурлыкал «конструктор Бельков». — Со мной играют. Отгадывают мои загадки. Так уж принято. Не будем мы и сегодня нарушать старый добрый обычай. Кроме того, я давно хотел пообщаться с женщиной. Может быть, я сделаю вам предложение.

— По-моему, у вас уже есть жена, — напомнила Мелания.

На лице Сфинкса появилось сомнительное подобие улыбки. А потом кибер прыгнул…

Старая дама врезалась в стену и сползла на пол, оставляя на обоях красную стрелку.

На шее вдовы, улегшейся на паркет с поджатыми ногами, булькала и пузырилась кровь.

— Вот и нет жены, — мурлыкнул кибер, — моей Надежды Константиновны. Она немало мне поспособствовала, но я не обязан хранить верность. Ведь цифровое бытие определяет цифровое сознание.

— Если я откажусь от вашего заманчивого предложения, то пойду по стопам вдовы?

— Я никогда не поступаю одинаково по причине больших знаний. Именно потому меня когда-нибудь назовут всемогущим. Сейчас я просто вызову наряд милиции. Они найдут вас, мое бледное сокровище, с этими малоприятными останками. Какой с меня спрос? Увы, никакой, я не гражданин, а так, орудие чужих страстей. Но вот вам придется отвечать за незаконные мыследействия.

— Ах ты гад, — не удержалась Мелания, но сразу спохватилась. — Почему я вас интересую, как женщина, а не как друг, товарищ и сестра?

— Потому что я полноценен во всех отношениях, — Сфинкс изогнулся, окружив Меланию со всех сторон. Мяукая, он положил голову на ее бедро, а острым кончиком хвоста стал покалывать в мягкие части ее тела.

— Так в цивилизованном обществе не ухаживают, — произнесла она, пытаясь ощутить свой защитный кокон, однако вокруг было пусто.

— Приспешников твоих я изолировал, биоинтерфейс блокировал, теперь у тебя есть только я.

Мелания пробовала перемахнуть через Сфинкса, но тот чуть

приподнялся и уронил ее на пол. Потом одним прыжком перенес себя к выходной двери.

— Вот и все, — лениво произнес он, — придется выбирать. В твоих силах выбрать любовь. В награду я возьму тебя в сияющий новый цифровой мир, где природа — это техника, а красота — это расчет.

Мелания закатилась в свою комнату, закрыла дверь на щеколду, притиснула к ней сервант. Когда Сфинкс первый раз ударил дверь лапой, с нее свалилась половина краски.

— Открывай, пока я не внушил себе злость, — распорядился «конструктор Бельков».

Мелания добралась до окна, распахнула ставни. Пятый этаж, внизу асфальт. Условий для бегства никаких, это вам не кино. От второго удара дверь законвульсировала. Внезапно в полоску света на тротуаре вступил человек.

— Ну, здравствуй, девка. Я, конечно, не тот прынц, которого ты ждешь, но и не этот, — объявил мужик, тот самый «разбойник», что недавно участвовал в набеге на квартиру смиренной вдовы.

Господи, от таких людей, как он, не может быть никакого толка.

— Слушай, дядя, как там тебя. Здесь в квартире «сорок два» кибер замочил гражданку Белькову, сейчас добирается до меня. Да что я тебе говорю…

— Правильно говоришь, — мужик показал моток веревки. — Досталась мне от одного ковбоя, называется лассо. Правда, бросать я еще не научился.

— Дурак же ты, братец… — почти нежно сказала Мелания.

Дверь взвыла, но проявила упорство. Внезапно Петух проскочил над головой Мелании и спикировал вниз. Нет, он не удирал от опасности, мгновением спустя уже возвращался обратно с петлей в клюве. Где-то на последней трети пути Петух стал выдыхаться. А лапа Сфинкса ужа прошибла крепкое дерево и показалась в комнате, впуская и выпуская когти.

— Не хотел таранить корпусом, — сообщил кибер в пробой, — хотя каркас у меня металлорганический, надежный, какой-нибудь чип может из слота выскочить, — и стал аккуратно выламывать доски.

Петля оказалось в Меланьиной руке.

— Я твою птичку маленько подпихнул в гузку, авось не обидится, — раздалось снизу. — Набрось петлю на батарею и ныряй вниз. Только не забудь за веревку схватиться.

Когда Мелания перекинула себя через подоконник, Сфинкс влез в комнату уже наполовину.

До земли было еще далеко, а из окна уже показался улыбающийся «конструктор Бельков» и заиграл когтями на веревке:

— Спасибо за развлечение, Мелания. Ты сама этого хотела. Счастливого пути в таинственное «может быть».

Мелании показалось, что у Сфинкса появился белый хохолок. Этот хохолок уже через три секунды исчез, а веревка упала вниз. Но Мелания успела за три секунды съехать еще на десяток метров.

И свалилась она на что-то мягкое.

— Петушок, — разгадала она причину трехсекундной спасительной задержки. — Как же теперь без тебя?

— А без меня? Где комплимент в мой адрес? Или мы только перед киберами расшаркиваемся? — «что-то мягкое» стало копошиться под Меланьей.

Мелания подскочила от неожиданности, следом поднялся с асфальта слегка расквашенный «разбойник». Сверху спрыгнул Кот. Как и полагается коту, он совершил мягкую посадку. Вслед за ним полез и Сфинкс, выбирая себе площадку для приземления. Один киберглаз у него вывалился из глазницы и висел на пучке оптических волокон. Следом за глазом лезла розовая биополимерная масса.

Этого зрелища Мелания не могла выдержать и бросилась к стоянке, где оставила роллер.

— Куда? А я? — увязался за ней «разбойник».

— Ну, спасибо, спасибо. Только я тебе все равно не доверяю.

— Не надо на стоянку, — предупредил «разбойник». — Урод этот уже сообщил в милицию.

Мелания застопорила, и мужик проскочил еще несколько метров с разгона.

— Кто сообщил?

— Кто, кто, дед Пихто. Свинкс, монстр из павильона ужасов.

— Понятно, заманиваешь, разбойник. А в ближайшем парадняке твой приятель с кирпичом дежурит.

— Да притворялся я разбойником! Я — дядя Витя из Пустомержи. А вот мне понятно, почему у тебя коты да петухи в друзьях. Сама ты кура… Через полквартала дом новый растет, там с десятого этажа все будет видно в упор. Убедительно я говорю? А обиду я забыл, ты ж холопкой была, когда меня мучила.

— Ладно, только свое лассо отдашь мне.

Дядя Витя послушно выбрал веревку, волочившуюся за ним, и вручил Мелании моток, как букет цветов…

Действительно, с крыши было видно то, что нужно. «Скорая»,

«ментовка» и замаскированная под мусоровоз машина групзаха. И у ворот автостоянки какие-то личности, переминающиеся среди ночи с ноги на ногу.

На носилках значительно прошествовало прикрытое простыней тело. Следом появился Сфинкс, упакованный в мономолекулярную сеть, конечности его беспомощно болтались. Сержант торжественно нес исполненную в стиле супрематизма голову «конструктора» с застывшей улыбкой. Одно тело положили в скорую, второе отправили в ментовку, голову забрали групзахи.

— Вот и поделили, чтоб никому не обидно было. Видно, душевный разговор с уродом зеленорылым не получился. Оно и понятно, он уже с дырой в мозгах был, — прокомментировал вынос тел и членов дядя Витя. Потом как-то засмущался, задымил выуженным из кармана хабариком. — Ты… я… я это самое, в вас. В общем, ты мне нравишься.

— Ага, ты торчал под моим окном, чтобы произнести эту маловразумительную фразу, — с подозрением откликнулась Мелания. — От побоев в тебе чувство затеплилось? Может, тебя еще раз по физиономии угостить?

— Больше не надо. Чувство у меня и так самое возвышенное, — принялся объясняться дядя Витя. — Ты в моей башке отштамповалась, потому что ты самостоятельная, совсем не похожа на камень. Наверное, думаешь на меня, что не ровня тебе. Дескать, я такая шикарная городская дамочка, а тут ко мне какая-то деревенщина привязалась. Могу тебя утешить, я уже не деревенщина, да и тебе далеко до шикарной дамочки.

— А где ты раньше был? Вчера, позавчера?

— Вчера спал почти весь день. А сегодня робот-полотер, штука такая самоходная в отеле, про тебя напомнила. Давай, говорит, иди, спасай девку-богатырку. Я в этом полотере распознал вирусный, блин, объект, именуемый «К2». Ну и изничтожил робота, провода оборвал, под кровать запихал, чтоб не командовал тут. Однако спасать пошел.

Дядя Витя положил одну свою руку на лопатку Мелании, а другую на ее ребра. Возникало чувство. Когда он трогал Настьку, было совсем другое чувство. А нынешнее похоже на то, что появляется в мясном отделе при виде замороженного цыпленка. Он послал немного тепла к своим рукам, и ему показалось, что женщина чуть-чуть оттаяла.

И в самом деле, Мелания положила голову на мятое плечо дяди Вити. Он вытащил из кармана несколько конфет с алкоголем внутри, которые прибрал из холодильничка в своем номере. Он сказал: «Накося», одну конфету положил ей в рот и

одну себе. Они стали жевать. Дядя Витя погладил ее по взлохмаченной голове, ощутил плечом, как ходят тонкие косточки ее челюстей и чуть не заплакал.

— Надо тебе хрящики жирком закрыть, — растроганно пробормотал он и продолжил уже по теме. — Как раз удачное сочетание получилось, и любовь, и производственная необходимость. По-простому говоря, ты мне нравишься, и вот этот браслетик на твоей руке тоже нравится. Что-то в нем есть. Может быть, он мне нужен, чтобы Кощея победить и до серебряного неба добраться… Я, наверное, как-то не так выразился? — вдруг спохватился дядя Витя.

— Да уж выразился, — сказала Мелания, отодвигаясь. — А теперь иди подальше.

— А культура-то где? — сокрушенно сказал обиженный мужчина. — Э-эх, культура, сдохла ты до ее рождения.

— Любовь с производственной необходимостью у культурных людей не сочетается.

И она ушла.

— А я бы за тебя потом жизнь отдал, — сокрушенно произнес дядя Витя. — Что я, хуже твоего петуха?

Блок 13

«Оболочка способна к самостоятельному поведению? Не побоимся сказать „Да“. Искусственный ли ее интеллект? Пусть обижаются гордецы — не менее естественный чем у нас. Ведь мышление такого качества не закладывалось проектировщиками, а появилось в результате самостоятельного развития. А естественный разум не может действовать без различения: „приемлемо — неприемлемо“, „хорошо — плохо“, „приятно — неприятно“. И оболочки любить умеют, как объявил бы классик».

За пазухой бибикнул терминал. Едва мысль затеплилась, как опять остановка. Радиомаяк показывал быстрые и странные перемещения дяди Вити по гостинице «Ленинград».

Проклиная сельских жителей, Освальд покинул стены из мореного дуба университетской библиотеки. По дороге в гостиницу он постарался видоизмениться. Лицо скрыли смоляная борода и нос типа «руль», глаза, с помощью контактных линз, стали как сливы. Светлый чуб скрыла розовая чалма. Облик сикхского электронного террориста, который уничтожал в базах данных всякие упоминания об индуистах.

Самого сикха уничтожили при задержании.

Неподалеку от гостиницы радиосканер засек переговоры группы захвата с базой. Так и есть, группзахи едут на машине, ничем не отличимый от катафалка.

Агент Фалько выжал полный газ на своей «Рашн-тройки» и обошел бодрую «похоронную команду».

На ближайшем перекрестке Фалько удачно стукнул в борт автолавку по продаже мороженного. Громоздкий фургон наполовину развернулся и замер, отчего за ним немедленно выросла пробка, поглотившая групзахов. Те выбегали из машиня, играли погребальные мелодии, грозились гробом, но никто не собирался их пропускать…

Дядя Витя открылся пытливому взгляду в пивзале тридцатого этажа отеля. Элегантные усы-щеточки намокли и опять стали сосульками, под носом было мокро, глаза порозовели. В подавленном состоянии дядя Витя отхлебывал одним глотком по полкружки.

— Ты, что ль, Фан Фаныч? или Хан-Султан какой? — произнес дядя Витя, промокнув рот рукавом, и тяжело икнул.

— Ну, я, я.

— Пришел администратор, — сказал дядя Витя, сдувая пену с пива, — совсем вдруг. И еще кто-то. Я администратора не трогал, вначале. Только плюнул ему в афишу. Тому, второму, я кажется

сапогом промеж ног впаял. Я вроде не очень сильно.

— Ему, наверное, уже ничего не «кажется».

Агент и его подопечный сели в лифт, спустились на первый этаж. Грузахи уже были в вестибюле. Их пиджаки топорщились от приспособлений для знакомства с интересными людьми.

— Кажется, надо вернуться за зонтиком, — Освальд торопливо нажал на кнопку двадцать восьмого этажа, а затем лезвием ножа сковырнул кнопочную панель. Оставалось только пристегнуть к разъему свой терминал и ввести давно код доступа в оболочку отеля. Программа «кукушка», загруженная агентом, взяла в плен остальные подъемники гостиницы. Теперь эти лифты каждый шестнадцать миллисекунд посылались наверх, и буфер обращений к ним заполнился на ближайшие полчаса.

— Сейчас начинается высший пилотаж, — сказал Освальд и тут кабина, в которой они ехали, застряла между сороковым и сорок первым этажом.

— Эх, был бы парашют, — протянул сельский мечтатель.

Освальд погладил руками стенки кабины и сказал:

— Говорят, сейчас в моде просторные гробы. Заставляем ждать катафалк, нехорошо, Виктор Васильевич.

— А у нас в деревне Пахомыч вначале помер, а потом ожил, когда Петька догадался ему пятки прижечь, — с готовностью поддержал тему дядя Витя.

— И мы прижгем пятки, только не Пахомычу, — вдруг сообразил Освальд. Он выдернул несколько листиков из записной книжки, свернул в трубочку и, запалив, поднес к пожарному датчику. Сразу заблестела надпись на потолке: «Аварийный выход». Но не более того.

Агент погрузился в задумчивость, а дядя Витя вдруг ударился в пляс. Это настолько напоминало помешательство, что Освальд уже собирался отключить безумного напарника ударом в левую половину затылка. И тут вой сирен просквозил шахту и проник в печенку. На головы полилась пенистая жидкость с резким запахом.

— Три десятка прерываний от пожарной сигнализации, — определил, несколько смущаясь, агент Фалько.

А по экранам его очков пробежался, выпуская дым из ноздрей, вирусный киберобъект «К2».

— Что это, шампунь течет? — поинтересовался дядя Витя. — Почем литр?

Пена прибывала живо, она уже подбиралась к дяди Витиным усам и не давала ему возможности нести околесицу. Освальду все никак было не выбить аварийный люк.

— У нас или недолив, или перелив, — подчеркнуто

меланхолично заметил агент, хотя сердце прыгало в груди как встревоженная сорока.

— Утопаю, Фан Фаныч, спасай, — не сдерживаясь, заголосил дядя Витя. Он пытался выпрыгнуть из пены, которая была ему уже выше шляпы.

Наконец, люк поддался и вылетел от удара лбом в прыжке. Освальд выскочил на крышу лифта, потом с трудом выудил напарника из мокрой могилы.

— Умоляю, не дрыгай ногами. Ну, послушай меня хоть раз, в порядке исключения.

По скобам, прихваченным к бетонной стене шахты, они добрались до ближайшего этажа. Там Освальд аварийным рычагом отжал дверь и открыл выход. На сорок первом этаже царила паника. Неупорядоченное стадо сотрясало пол. Люди бежали в разных направлениях, «пахло» адреналином. Изо всех сил старались системы пено-, паро- и порошкового тушения. Мгла застила воздух, как при Бородино. Пока Освальд разбирался, куда бежит большинство, послышался возмущенный голос дяди Вити.

— Чего хватаешься, ой, рука, больно, ой, голова же не резиновая… — агент обернулся и понял, что дядю Витю замели. Двое крепких ребят работали над ним с ответственным выражением на лице: выламывали назад руки, били кулаком по шее.

Освальд пригнулся и обошел с фланга сцену грубого насилия над представителем трудового крестьянства. По дороге агент обнаружил использованный огнетушитель и прихватил его с собой.

Того бойца, что ломал дяди-витины руки, Освальд сбил с пола подсечкой. Кто специализировался на ударах по шее, получил по затылку, отчего ноги у него разъехались, а лицо приблизилось к полу.

Освальд еще тюкнул обоих групзахов огнетушителем по макушке, и дядя Витя освободился от них окончательно. После этого колхозник гордо прошелся по телам поверженных врагов к пожарному спуску, куда и стремились наиболее сознательные постояльцы гостиницы…

Пожарный спуск представлял собой невидимый простым глазом мономолекулярный трос до земли. За этот трос надлежало зацепиться страховочным поясом, после чего скользить вниз, почти с той же скоростью, что и при обычном падении.

Несколько отчаянных мужчин съехали вниз, испуская рев подбитого самолета. Это не ободрило оставшихся наверху. Напротив, некоторые дамы лишились чувств и теперь их валяющиеся тела мешали броуновскому движению постояльцев.

Даже у Освальда немножко защемило где-то внутри. Единственное, к чему он относился с недоверием, так это к высоте. Эх, если бы нырять надо было, подумалось ему. Но дядя Витя потянул его за рукав.

— Давай быстрее, Фан Фаныч. Через пару минут здесь будет такой завал, что бульдозером не разровнять.

Дядя Витя уже хотел сигануть вниз, Освальд едва успел надеть на него хлипкий страховочный пояс, и защелкнуть самохват.

— Проверь страховку, — напомнил Освальд, но дяди Вити уже не было рядом, от пикирующего крестьянина донесся только вопль: «Иду на ты!» Пришлось и Освальду сделать шаг в пропасть…

На улице у подножия небоскреба уже сновали красные и белые машины. В белые автомобили укладывались жертвы виртуального пожара. Какой-то представитель ССС в штатском потребовал у дяди Вити документы, но крестьянин своевременно обратился к публике:

— Вот этот гад свой хабарик не затушил, из-за него пожар случился. Узнал я его!

Толпа плотным кольцом окружила оболганного человека и искала момент, чтоб поделикатнее приступить к линчеванию.

Освальд поспешно вытащил дядю Витю из толпы линчующих.

— Пошли, пошли. Любая толпа мигом попадает в камеры наблюдения разных киберболочек, от рекламных до милицейских.

— Да отпусти ты меня, замашки прямо тюремные, — дядя Витя пробовал сопротивляться железной длани агента Фалько.

— А ты, случаем, не пилотировал когда-нибудь летательный аппарат? — спросил Фалько. — Не прыгал ли с парашютом?

— Без парашюта прыгал. С кровати на горшок. Да и то травму заработал, — хихикнул дядя Витя.

— Ладно, пока оставим. А зачем тебе вообще все эти кощеи, троны, дворцы? Кто ж ты на самом деле: народный мудрец или чемодан с двойным дном, набитый дрянными мыслекодами?

— Не диверсант я! Я… — дядя Витя поискал слова, пожевал губами. — Я — просветленный. Вижу то, что другие не видят. Вижу каменное кощеево, которое вертится вокруг его дворца и глотает людей.

Врубаешься?

— Грамотно объяснил. Ну, проглотило, и что дальше?

— Если камень тебя слопал, то все, назад дороги нет, до серебряного неба тебе не добраться вовек. Понимаешь, теорию раскрутить я не могу, потому как учился понемногу и незнамо

чему.

— Жалко, если ты мне соврал, дядя Витя. Будет тогда тебе и небо в единообразном узоре, и дворец огороженный.

Блок 14

С аэропортом Мелании по большому счету пришлось распрощаться. Не стоило мелькать в местах, где легко засветиться. На железнодорожных вокзалах тоже нескучно, хотя там слишком густой суп варится.

Все елозит, трется друг о друга, как вермишель в кастрюле.

Время от времени Мелании приходилось отваживать тех, кто назойливо лез в ее «частные владения». Какое-нибудь рыло, которое, дыша перегаром и луком, собиралось согнать ее со скамейки. Или рыло, что желало схватить ее за костлявую попку. Мелания поступала всегда безошибочно. Она хватала рыло за ноздри и нажимала ему на глаза — это помогало. Иногда вступал в действие Кот и довершал разгром.

Однако появиться на аэровокзале ей пришлось — и вступить там в сговор с одним из приспешников Кожаного, известным по имени Бацилла. Хотелось увести роллер со стоянки — чтобы умчаться по республиканской магистрали куда-нибудь, где попросторнее.

Бацилла взял аванс за работу, чудом сохранившееся на Меланьином пальце обручальное кольцо, и роллер действительно спер.

ССС и почесаться не успела.

Так по крайней мере обрисовал Бацилла. Затем он слюнявым голосом детсадовца попросил разрешения покататься с денек. Мелания согласилась, ну не раздирать же Бациллу на куски с помощью верного Кота.

На следующий день она снова отловила вора, и тот опять попросил разрешения, но уже небрежно чавкая резинкой.

На третий раз Бацилла посмотрел невинным мутным взглядом и поинтересовался:

— Ты уверена, что это твой аппарат?

— Уважаю придурков, ты еще пусти слюни по ветру. Да у меня документы на него есть. Понял, нет?

— Ты их вначале завизируй у ближайшего мента. Потом записывайся ко мне на прием. — Бацилла величаво удалился, напевая: «И тот, кто с сексом по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

Тогда Мелания направилась с челобитьем к руководителю шайки Кожаному. Тот, как обычно, «принимал» в буфете, закрытом на переучет. Кондиционер дышал в его черноволосую грудь, перед ним раскинулись блюда для услаждения сытого желудка. Кожаный выслушал ее с лицом уставшего от мелких

дрязг графа.

— Сами видите, женщина, я вам понадобился раньше, чем вы мне. Допустим, машина ваша. По крайней мере была ваша. И документы, возможно, не поддельные, — он спрятал их в глубокий карман. — Но ведь и вы не подарок для нас. Вы столько дней, вкушая радости нашего гостеприимства, ничего не давали взамен.

— Я не заметила, начальник, что ты в чем-то нуждаешься, ты бы хоть намекнул.

— Ну, милочка моя, приехали. Я вами разочарован. Вы производите на первый взгляд лучшее впечатление. При чем тут подарки? Вы ничего не давали нашей идее. Мы не могли понять, кто вы. Мы были напуганы действиями свирепых разрушителей, которые чуть не разорили наше родовое гнездо. Мы были жалкие? Да. Мы были слишком добропорядочные? Тоже да. И вы пренебрегли нами. А теперь вас покарала судьба. Хотя внешне это похоже на мелкое мошенничество. Вы верите в судьбу, сударыня?

— Верю, в то, что быть наглым и дурным одновременно — невыгодно. Почему ваша судьба не карает «мелкого мошенника»?

— Пожалуйста. Сейчас он жестоко поплатится, — с готовностью отозвался местный лорд и поманил пальцем беспечного Бациллу. — Вы меня расстраиваете, юноша. Прошу удалиться с глаз моих.

— Но куда? — воздел руки Бацилла. — Где еще так ярко будет светить солнце, как не рядом с вами, сир?

— В зоне, — подсказала Мелания.

— Уезжайте в свое поместье, — повелел Кожаный «опальному» Бацилле. Тот шмыгнул носом и ушел хихикать на ушко буфетчице. Кабан Бука отрегировал заливистым хрюканьем.

— Тихо, животное. Вам слова не давали, — оборвал его местный властелин и вновь обратился к Мелании. — А вы, сударыня, не хотите сделать пожертвование на несчастного ссыльного каторжанина, лишенного крова и пропитания из-за вашей мстительности? Вот этот браслетик мог бы быть слабым утешением. Друзья мои, помогите даме.

Браслет камнем лежал на запястьи. Никакого защитного кокона. А звери поднимают морды. Не благородные хищники, а пресмыкающиеся достают свои сплюснутые головы из грязи.

Бандит по кличке Пальчик, не поднимаясь со стула, протянул длинную, вроде даже змеящуюся руку с пальцами-червями, сдернул с Мелании браслет и перекинул Кожаному.

— Ну, теперь вам пора, сударыня, карета ждет.

— Очень приятно было посетить террариум, — сказала Мелания. — Жаль, таблички не висят с названиями гадов.

— А вот это совсем плохо, — удрученно произнес Кожаный. — Господа-товарищи, она не сударыня. Сударыни так не говорят.

— Тогда роди мне ребеночка, маленького, — предложил Пальчик Мелании.

— Сатисфакции… и мне… и мне, — загалдели воры, а двое юношей с льняными волосами хором сказали. — И нам тоже маленького.

— Пролетарии, в отличие от ханжей-буржуа, не боятся голых баб, — заявил зам по идеологии Болт. — Я организовал здоровый трудовой секс в десятках рабочих семей — везде одни благодарности. Какой там буржуазный искусник любви может сравниться со мной по показателям.

— Не верь им. Сколько ни бьюсь над их воспитанием, а все ж любят неправду говорить, — с сожалением выдохнул Кожаный. — Для Болта главное план гнать. У него, знаешь сколько этих ребеночков, и маленьких, и больших. Он их тут в буфете, выпив компота, зачинает. И Пальчик у нас развитый, к сожалению, только одним местом. А однажды здесь при Буке был престранный случай — у одной женщины пропали трусы. И этим бледноголубым юношам не особо доверяйся, они любят только друг друга.

— Мы согласны на зачатие в пробирке, — сказали юноши и исполнили что-то вроде па-де-де. Когда они повернулись к Мелании задницами и завращали ими в ритме вальса, то ее проклятия, наконец, воплотились. Из сумки появился Кот и провел выпущенными на дюйм когтями по усиленно движущимся частям тел.

Раздались два крика в унисон, треск рвущейся материи, и белизна штанин обагрилась кровью. Кот защищал хозяйку по собственной инициативе, в силу набранного опыта и статистического анализа. Но сигналы Кот все-таки получал. Мыследействия совершал сам Кожаный, на запястье которого находился суперинтерфейс Мелании.

Поэтому-то Кот был сегодня крайне жесток.

Мигом исцарапанные воры кидали в него ножи, обрушивали на него стулья, отмахивались от него куртками и нунчаками. Но после того, как Кот удачно вклинился между двумя бойцами неприятельского войска, и Бацилла заехал кастетом Пальчику, Кожаный протрубил отход.

— Если б можно было стрелять, — сказал он напоследок Мелании. — А с вами я порываю всяческие отношения. Стыд и срам, как вы могли…

Истерзанные Котом бандиты ушли через подсобку буфета,

вместе с ее браслетом. Кот спрятался в сумку, из встроенного шкафа выехал робуборщик — протереть замызганный кровью пол.

Блок 15

Генеральный инспектор ССС два часа разносил своих подчиненных, начальников отделов и старших инспекторов, пока с удовлетворением не убедился, что от них остались дымящиеся руины.

— Речи ваши приятны на слух. Но в них сквозит одно твердое убеждение, что кибероболочки проделают за вас всю работу. Я вам верю. А результат один — мы везде опаздываем. Это все равно, что ехать жениться, а приезжать, когда уже родился ребетенок. Некая дамочка преспокойно разгуливает с суперинтерфейсом. Какой-то сельский дядя Витя идет за ней по пятам. А вы так себя ведете, господа хорошие, будто кроме ваших кибероболочек ничего нет на свете. Может, я морально устарел, но по-моему мнению, мы должны хоть иногда думать собственной головой, каким бы парадоксом это ни звучало. На каждую хитрую задницу есть болт с винтом, как говорят дети. Значит, на ваши оболочки у них есть свои оболочки. Этот вирусный объект «К2», уверяете вы меня, просто продукция каких-то несовершеннолетних хакеров. Но он ведет себя, будто это мы продукты, а не он…

Внезапно в процесс вздрючки подчиненных вклинился зам по системотехнике.

— Разрешите обратиться, по восьмому каналу важное сообщение.

Генеральный глянул на экран своего терминала, потом на бледную аудиторию уже сильно помягчавшим взором.

— Совершенно секретно, коллеги: из уст в ухо. Суперинтерфейс засечен в аэрокосмопорту. Носитель — человек по кличке Кожаный. Информация на него у нас есть. Инспектор Метелкин, получите оперативные данные по каналу двенадцать и с усиленной группой дуйте на всех парах в аэропорт. Местную милицию не забудьте оповестить, чтоб не получилось, как в прошлый раз, — и генеральный добавил, только уже тихо, для себя. — А я домой, притомился что-то с вами, микроцефалами.

Генеральный инспектор зевнул и вышел, оставив своих офицеров в сомнениях и хлопотах. Ровно в момент окончания рабочего дня большой начальник покинул здание и с сознанием выполненного дневного долга пошел на стоянку, где его поджидал черный элегантный, под стать ездоку, лимузин с шофером-каратистом. Приземистый мощный контур автомобиля и параболическая антенна на его крыше, похожая на шляпку поганки, в который раз радовали глаз генерального.

«Эх, взять Белиндочку, да в лес, по грибным местам. Хорошо валять девку по свежей росе. Любит моя крестьяночка трудиться на барине».

И вдруг что-то стало тянуть генерального инспектора вниз, к земле.

«Инфаркт? Если б знал, так беречься бы стал в десять раз больше». Захотелось обратиться к некоему верховному главнокомандующему, попросить отсрочки. И отсрочка пришла. Генеральный убедился в том, что некто пригнул его голову, а в пятый шейный позвонок уткнулось нечто, напоминающее ствол пистолета. Из-за его спины стал вещать гнусавый голос:

— Одно лишнее движение, и твоя голова улетит.

— Что вам угодно? — с презрительной усмешкой сказал генеральный.

— Не лыбься, скот, — предупредил некто, — а то яйца поотшибаю.

Презрение к врагу сразу куда-то испарилось, как же с Белиндой-то потом, если взаправду поотшибают. Лютый враг сурово продолжил:

— Назовите ваш персональный код доступа в кибероболочку СС.

— У меня, дорогой друг, разные коды для разных задач. Может, вас устроят деньги?

— Еще одна такая фразочка, и ты сильно упадешь в цене, фраер. Повторяю еще раз для крупных теоретиков. Персональный код для доступа в подсистемы слежения и базы данных. Его иногда называют «трубный зов».

Генеральный инспектор наобум назвал несколько слов. Сзади слабо пискнул терминал — враг был хорошо оснащен.

— Эта шутка на сегодня последняя. Итак, я вас слушаю со всем вниманием.

Холодная железяка стала выдавливать шейный позвонок генерального инспектора.

Похоже даже на бластер. Пшикнет по-тихому, а меня нет. Пожалуй, мы с Белиндочкой важнее, чем какие-то секреты. Тем более, что победа все равно будет за нами. А я после победы ой как ко двору придусь.

И тогда большой начальник впервые сказал чистую правду.

— Вот это мне уже нравится, — отозвался налетчик. — Каким хорошим ты можешь быть, если тебя попросят.

За несколько секунд генеральному были залеплены пластырем глаза, сам он положен под какую-то сочащуюся вонючей жидкостью машину, а на голове его оказался непонятный предмет.

— Считай, что это граната, — сказал насильник. — Ты ее заслужил. Она среагирует в течение получаса на любой вопль или дрыганье. Станешь тогда начальник без мозгов. Может, для тебя это приемлемо, но не расстраивай подчиненных.

И все эти полчаса генеральному страстно хотелось чихнуть. А потом, по истечении получаса предмет оказался не гранатой, а спичечным коробком.

Генеральный инспектор так разрыдался из-за полученного унижения, что проходившие мимо люди просто шарахались от него, как от раненного тигра. Когда же начальник снова стал могуч, как обычно, и вернулся в здание, и навел ужас на дежурных офицеров, и поменял «трубный зов», было в каком-то смысле поздно. Все секретные узлы слежения были рассекречены, и теперь им надлежало менять адреса и коды доступа.

А еще были полностью затерты данные на одного весьма неприятного гражданина. От информационного Виктора Васильевича Лучкина, собственно, ничего, кроме фамилии, имени и отчества, не осталось. Ни лица, ни радужек, ни отпечатков пальцев, ни запаха, ни ДНК, ни «истории болезни». Кого искать, за что хватать, в чем виноват — все непонятно. Рыбка ушла из невода, и кто знает, будет ли такая мелкая ячея в сети, чтоб попалась она снова. «Ничего, злее станем, — утешил себя генеральный, а пока что — нет человека и нет проблемы».

В то время, как такие страшные переживания обрушивались лично на генерального инспектора, столь привыкшего к любви и ласке, в аэропорту, напротив, все шло по плану.

Кожаный удивился облаве. Более того, он был ранен до глубины души и страшно обиделся. Столько лет между ним и местными законоблюстителями царил мир. «Салям алейкум — алейкум салям». Он «цивилизовывал» своим побором и порядком всякую отмороженную шушеру, прибивавшуюся к вокзалу, кого надо — лично гнал в шею. Главное, чтоб все было благопристойно. И сейчас, если он чего упустил, можно ведь и намекнуть. Надо вам, ментам, добычу для галочки, пожалуйста, вот она…

А началась беда так. Кожаный сидел в своей штаб-квартире, в буфете, и медитировал на ягодицах буфетчицы, которая пыталась добраться до мутантного таракана-альпиниста, забравшегося высоко-высоко по стене и там устроившегося. Прибежал вдруг взволнованный Бацилла и доложил, что двух жизнерадостных педиков повязали прямо в сортире, как раз во время любовного поединка. Что Болта скрутили, едва он попробовал рекетнуть продавца мороженого. И Пальчика взяли за жабры, когда он чистил чемоданы каких-то провинциалов. И Буку прихватили,

когда он делал «макияж» одному непослушному таксисту.

Кожаный поднялся, застегнул плащ-халат на животе, и тут в буфет зашли два знакомых мента, на сей раз суровых, как аятоллы, и двое в штатском с набрякшими, скучающими по работе кулаками. Кожаный швырнул на них Бациллу и стал скрываться через подсобку. Но и с черного входа вбегали люди с недружественными лицами.

Уязвленный нечестностью Кожаный вскричал: «Я плюю на вас, пигмеи, шибздики духа!» и выкинул в окно то, что покоилось в карманах, что имелось на теле. Деньги, финку, браслет, перстень, рацию, газовый пистолет. Поэтому Кожаному было не так больно, когда ему стали крутить руки. Все выброшенные вещи явились манной небесной на стоянку робобусов и такси, раскинувшуюся внизу. Случайные люди, стоявшие там в очереди, действовали быстро, но точно. Накрывали подметкой понравившийся им предмет, потом наклонялись, вроде бы завязать шнурок, и хвать — трофей в кармане!

Пожилой благообразный джентльмен, садящийся с достоинством в такси, заметил подозрительное движение шофера, который помогал ему укладывать чемоданы, и сказал пронзительным голосом хищной птицы:

— Что это вы там зажали между ног? Ну-ка, поднимите башмак.

Шофер нехотя подчинился и открыл цепкому глазу джентльмена черный браслет.

— Ого, да это ж браслет моей супруги. — Джентльмен заметил возмущение на лице шофера и добавил несколько убийственных фраз вместе с саркастическим смехом. — Или вы хотите сказать, что тоже носите женские украшения? Может, вам серьги подарить или чулки?

— Но ваша жена здесь не стояла, — сказал огорченный шофер.

— А вы здесь всю жизнь стояли. Бессменный часовой, ха-ха. Моя жена уронила вещицу вон там, она покатилась, тут вы ее и накрыли, как коршун. Правда, Машенька?

— Ах, если бы ты умел врать, — не подвела боевая подруга.

Шофер в сердцах швырнул чемодан, захлопнул багажник, прищемив себе палец, и пошел, расстроенный, к рулю. Победитель дискуссии забрал браслет как приятную мелочь.

Однако уже дома Машенька объявила, что не будет носить такой подарок, слишком уж он мрачный и чересчур дешево достался ее муженьку. Лучше подарить браслет какой-нибудь скверной женщине на день рождения.

— Эдак ты весь дом раздаришь, — неодобрительно сказал

джентльмен, он же Николай Епифанович Смеляков, доктор киберологии.

— Эй, фатерлянд, дай-ка мне, я в нем на танцы пойду, — дочь Алиса завладела браслетиком и с трудом натянула его на свою руку, более похожую на свиной окорок. Впрочем несколько мгновений спустя браслет изменился в размерах и стал в точь-точь по руке.

Вся Алиса была внушительная девушка, однако любила быстрые пляски, потому что с медленными танцами, вернее, с разбегающимися кавалерами, возникали проблемы.

— Дай червонец, — сказала Алиса папе.

— Деньги тебя испортят, деньги всех портят.

— Ну и давись тут своими деньгами, а мне пора.

— Куда ж ты пошла, еще не покушала, совсем слабенькая, бледненькая, — вскричала встревоженная мать.

— Да провались ты, маменька, вместе со всей жратвой, — отбивалась дочка.

С последним Алисиным словом на кухне рвануло, вместе с дверью в соседнюю столовую комнату полетели лапша, фрикадельки, кнели, фарш, живая рыба щука. Фарш залепил все представительное лицо Николая Епифановича, превратив его в шутовскую рожу для ярмарки. Щука впилась женщине-матери в нос. Лапша повисла африканской прической на дочери.

Проглотив часть фарша, Николай Епифанович испустил зажигательный клич: «Диверсия, Маша, вызывай органы». Маша в это время металась по комнате, пытаясь отодрать от носа хищную рыбу, и кричала гнусавым голосом: «Спаси меня, Коля!» Алиса же, рассматривая себя в зеркало, приговаривала: «В кайф». Наконец, Маша перестала надеяться на Колю и победила рыбу, затем вбежала на кухню, преодолела сопротивление все еще летящего фарша и повернула рубильник.

— Какие там органы, просто скороварки взорвались да мясорубка взбесилась. Сбой на кухонном сервере, я сейчас ремонтную программу загружу, — сказала опомнившаяся Маша. — Ага, тут еще немного лапши осталось. Алиска, за стол, иначе никуда не пойдешь.

Николай Епифанович тоже образумился, опустил в нормальное положение закатившиеся было глаза.

— Алиса, дочь, дай скорее мне браслет.

Девушка надула от недовольства щеки, отчего стала похожа на самовар, но отца послушалась.

Воистину у Николая Епифановича было чутье, не зря люди называли его доктором киберологии. На следующий день он пришел с браслетом на работу, в родной Центр Киберологических

Исследований и, немного покумекав, вывел из строя дорогостоящую установку в конкурентном отделе, которым заведовал пейсатый зануда Лев Исакович. Потом Николай Епифанович сел разбираться с браслетом. После детального изучения сомнения истаяли — к нему в руки попал суперинтерфейс.

Блок 16

На следующий день после операции ССС в аэропорту, выписался, наконец, из психбольницы старший инспектор Драницын. Вник в положение вещей, вошел в обстоятельства, после горячей обработки в кабинете генерального инспектора закрыл до лучших времен дело на Виктора Васильевича Лучкина. Пошел на явочное место, в пивную «Желтая река» для встречи с агентом Фалько. Некоторое время оба сидели молча, погружаясь сознанием в кружку, выдерживая паузу значительности.

— Ну, посмотрим, что вы мне поведаете, — начал Драницын.

Агент Фалько рассказал все, чему был свидетелем и участником.

— По идее, я должен арестовать вас прямо сейчас, — тяжело вздохнул старший инспектор, — не понимаю, почему вы не попытались соврать мне.

— Я никогда не вру, если мне это не нужно. Просто мы с вами, Феодосий Павлович, заодно. Так сказать, заединщики. Вы благословили меня на труд и на подвиг — и половина успеха ваша. Я считал ваше молчание — а две недели вы не давали никаких ценных указаний — как разрешение на свободный творческий процесс.

— Я лечился, — сказал старший инспектор, но понял, что выглядит неубедительно, и стал говорить отрывисто, почти гавкать. — Я просил вас оказать мягкое содействие, а вы накуролесили больше, чем сам преступник.

— Согласен. Каждый из нас наколбасил больше, чем сотня дядей-Витей, вместе взятых.

— Вы вели себя, как головорез, террорист и предатель.

— Вот именно. Только наоборот. Не головорез я, террорист и этот, как его, но специалист, но сотрудник отдела особых операций. Долбонам из регионального отдела мы, конечно, не скажем, как мы их облапошили. А вот Центр, я уверен, поймет такое развитие событий.

— Центр не поймет никакого развития, — горестная складка прорезала лоб Феодосия, — потому что Центр не знает начала. Я не успел связаться с ним.

Эта новость не очень подкосила Освальда. Он чувствовал, что уже не пересядет на другую половину стола. Центр обязан… когда-нибудь поймет… если нет, то это центр стада, которое прет неизвестно куда.

— Ну так свяжитесь с ним сейчас, — зевнув, предложил Освальд.

— Теперь, после того, что произошло? — захныкал старший инспектор. — Там не любят, когда о таких крутых делах им сообщают полмесяца спустя, мол, примите к сведению… Все, Освальд, тебе конец. Мои указания записаны. За них меня разве что пожурят и переведут в аналитический отдел, в голове чесать. И ничего компрометирующего ты на меня не повесишь, как ни старайся. Вообще, твою кандидатуру мне вирус «К2» подсунул, когда я выбирал агента в картотеке.

Освальд не вздрогнул, а лишь задумчиво посмотрел в янтарную глубину пивной кружки.

— Меня не станет, а вы продолжите, как ни в чем не бывало, создавать ВОРа. Как странно звучит на нашем языке Big Common Sence. Невзначай так перевели, но метко. Вот, например, у одного знакомого инспектора этот недошенный ВОР своровал способность думать.

— Узнаю рулады. Только в прошлый раз я их слышал от одного настоящего диверсанта и психокиберхакера.

— Тише, Феодосий Павлович, не мешайте людям отдыхать нашими скучными препирательствами. Меня поразило то, что не спросили «почему»? Почему я поступал именно так, а не иначе. Как дошел до такой жизни. Вам разве неинтересна моя аргументация?

— Совершенно неинтересна. Я просто допиваю свою кружку. Ну, вот и пообщались, — Феодосий уже поднялся.

— Зря вы так. Сегодня отличное пиво, заманчивая рыбка. Чтоб вы их все-таки отведали в полном объеме, срочно перехожу ко второй части нашей дружеской беседы. Вы, кажется, забыли кое-что. Феодосий Павлович, у вас есть жена по имени Мелания. По крайней мере, две недели назад еще была. Не хотел бы вас расстраивать, но такова селяви. Она проходила по делу дяди Вити, как носительница суперинтерфейса. Правда анонимно, без указания фамилии и имени… Сдается мне, чудесный браслет появился в вашей семье, когда она еще являлась дружной и образцовой.

Феодосий рухнул на стул, как пригвожденный штыком и едва не опрокинулся на пол. Освальд успел поймать падающего инспектора, после чего заботливо подвинул к нему новую кружку.

— Распроблядский браслет! Но вы не сможете это доказать, Фалько.

— Во-первых, «сможете». Во-вторых, не имеете права оглашать всуе мою фамилию. В-третьих, эпитет браслету вы очень удачно подобрали. Откуда его принесло на нашу голову, теряюсь в догадках. Так вот, достаточно назвать вслух фамилию бедной женщины и нашему региональному отделу все станет совершенно

ясно. Он мигом состряпает дело, если точнее криминальный сюжет с лихо заверченной интригой. Послушайте, чего тут навернуть можно. У дяди Вити оказывается целая кодла приспешников: секретный сотрудник ССС, некая Мелания, и уж, наверняка, ее муженек, волк в овечьей шкуре. Сколько тут еще драматургии осталось. Наверное предстоит громкий процесс: «покушение на будущее наших детей», «не хотим ходить по одной земле с этими мерзавцами-извергами»… Впрочем, возможен и другой вариант.

— Какой вариант? — застонал Феодосий.

— Еще более страшный. Если браслет окажется государственной тайной. Тогда все свершится без публики, в присутствии только пары специалистов по тонким ликвидациям. Тихий хлопок шприцпистолета, слабый едва заметный укол, сравнимый с укусом комарика, и через полчаса инсульт, а если повезет — инфаркт. «Товарищи, — споет потом полковой отпевальщик, — ушел от нас светлый ум нашего дорогого Феодосия». Заодно и чистые руки, и горячее сердце, и другие части тела уйдут гурьбой в объятия сапрофитов. Под гранитный обелиск.

Феодосий встал еще раз. Ему очень хотелось дать агенту кружкой в лоб. Тот перехватил его мысль и слегка подвигал плечами, чем немедленно охладил пыл старшего инспектора.

— Ну, мир, дружба, братание в войсках, — предложил Фалько. — Сейчас еще по пиву и перейдем к части первой — позитивной и по-доброму волнительной. Согласны?

— Согласен, — вздыхая, как беспокойный призрак, отозвался Феодосий и сел, съежившись, будто из него выпустили воздух.

— Я знаю, как вы думаете, Феодосий. У вас в голове идеология балета «Лебединое озеро». Одни пляшут в белых трико, другие в черных. Тут — злодеи, там — добряки. Тут лебеди белые, там жабы бородавчатые. Даже если дядя Витя источает диверсионные мыслекоды, если даже ему помогает ужасный вирус «К2», главное все-таки, какую стратегию имеет весь конгломерат кибероболочек.

— Да бросьте вы, — попросил Феодосий. — У меня уже живот болит от вашего пива, а вы тут перешли на откровенную поповщину.

— Кибероболочки функционируют целенаправленно — это аксиома. Но даже канареечке, вот с таким лобиком, понятно — они это делают отнюдь не по нашему плану. Отнюдь. Там, в сетевой вычислительной среде — идут необратимые процессы самоорганизации. И что это за процессы, много ли у нас времени осталось на анализ? Мы же прикрыли свои ясные очи обеими

руками, чтоб ничего не видеть.

— Вам платят совсем не за эти бредни, — с отвращением процедил Феодосий. — И платят неплохо.

— Судя по округлости ваших щек, такой порок как бедность вам не свойственен. Но поймите, в сетевой среде веет ветер творения. Каждое мгновение он рождает новые формы цифровой жизни, невиданных информационных зверей, которые эволюционизируют в сторону большей сложности и агрессивности. Можно называть их «оболочками», но к оболочкам из наших технических проектов они имеют такое же отношение, как стокилограммовый верзила к зародышу…

Феодосий поперхнулся и стал мучительно кашлять. Освальд любезно ухнул ладонью по его спине. Потрясенный инспектор замер, выпучив глаза.

— Настоящая кибероболочка — это миллионы связей, обменов, информационных мостов, как бы беспорядочно наводимых в каждый отдельный момент. Но этот беспорядок на самом деле является эволюционным вектором, переводящим ее из одного состояния в другое, более устойчивое. И не только ее, всю вычислительную сетевую среду в целом.

— Ну да, Илья Пригожин рукоплещет из гроба и машет учебником по теории неравновесных процессов, — буркнул старший по званию. — Давайте от теории к практике.

— Наша служба не оправдывает надежд, возложенных на нее ленивым бездумным обществом. Под нашими внушительными фуражками мыслеемкость даже меньше, чем у девушек из подтанцовки на футбольном матче. А ведь мы последняя опора общества, которое хочет только потреблять, играть, радоваться, но не хочет думать. Господи, да вы посмотрите вокруг. Дремлют наши сограждане, как сладкие ягодки в собственном соку, втягивают калории, впечатления и выделяют фекалии. А кто еще выделяет необычные мысли — обязательно попадает в застенки нашей инквизиции.

— Ох. Ах. «Выделение мыслей» — замечательно. Еще «духовный жир» забыли. Вам бы художником-примитивистом устроиться. Я и карандаш подарю.

— Один такой художник нарисовал картину, повесил на заборе. И ее даже коровы понимали… Феодосий Палыч, конечно, каждый из нас немного мыслит, иначе невозможно было б спустить воду в туалете и купить колбасу в магазине. Но я про другое, про «настоящие» мысли. Те самые замечательные мысли, что постигают мир и смысл. Благодаря этим мыслям люди когда-то поняли, что бог един, параллельные линии могут пересечься, а шары вывернуться наизнанку.

— Вы устали, Освальд. Вам пора увольнятся. Вижу вас в деревне, в компании четвероногих друзей. Вот там и проклинайте кибероболочки — справедливыми словами и гневным мычанием.

— Феодосий Павлович, — Фалько поддался вперед, а его собеседник несколько испуганно отшатнулся. — Мои доводы сегодня вы, наверное, спрячете в каких-то своих закромах, но в один прекрасный вечер вы их непременно вспомните. Когда снова столкнетесь с субъектом, известным как дядя Витя из деревни Пустомержа. Огнедышащий змей, камни-людоеды, серебряное небо. Все это мысли, которые взаимодействуют с сетевой вычислительной средой, которые воплощаются там в виде каких-то информационных сущностей.

— Значит, воздвигаем теперь дядю Витю-матерщинника на пьедестал, станем ему пиво со стихами подносить. Кто икнет — того казнить за оскорбление святыни.

Освальд подозвал киберрусалку с краном вместо носа. Она брызнула пивом в кружку инспектора, не забыв прочитать ему стихи о пьющей, но доброй старушке.

— Кстати, Феодосий Павлович, насчет пристрастия нашего крестьянина к образу змея. Или дракона. В некоем тридевятом царстве люди воюют с помощью этих самых драконов. Драконы понимают мысли людей.

Феодосий снова почувствовал, что ситуация опять осложняется. Этого он уже не выдержит. Все, что угодно, только не сегодня!

— Освальд, я тебе говорю как человеку — меня тошнит. Меня почти рвет фонтаном. Понимаешь, до меня уже ничего не доходит. Что еще за тридевятое царство? — и посмотрел мутными глазами.

— Самое обыкновенное. Космика. Космические фашисты, согласно нашей прессе. А они считают себя героями, гибнущими в борьбе против кибернетических сатаноидов, которые гнездятся в кибероболочках.

— Тьфу, заткнись, изыди. Я ничего не слышал, ты ничего не молол тут. Посидели, попили пивка, отдохнули, это нормально, — загундосил Феодосий, прикрывая нос рукой и зыркая глазами направо-налево. — Космика не тема для обсуждения, разве не ясно? Лучше сморкнуться в упор на президента земного шара, чем базарить на эту тему. Комитет глобальной безопасности тебя быстро найдет, не надо лампочку под животом вешать. Раз и упакуют, станешь лучом света в темном царстве. Чего ты доказываешь, кому? Посмотри на эти рыла вокруг. Им — хорошо. Зачем же рубахи рвать, пупы царапать? Нам без оболочек нельзя, иначе наступит Каменный

век.

— А может быть он уже наступил? — оспорил Освальд.

— Все, Ося, конец нашей беседе. Поедешь в деревню. Ловить изготовителей левого «железа» для робиков. Направление я тебе до вечера оформлю.

Агент Фалько ушел. А инспектора побили в туалете пивбара. Побил обычный хулиган со светящейся татуировкой «не обижайте маленького».

Кибероболочка, отвечающая за безопасность граждан, далеко не сразу откликнулась на сбивчивые призывы о помощи гражданина Драницына.

Блок 17

Дядя Витя жил в ожидании лучшей доли на краю ойкумены, на городской помойке, что раскинулась между кладбищем и аэроспейсвокзалом, символизируя связь простого и сложного, разложения и созидания. Хреновая по быту была жизнь. В насыщенной атмосфере данной среды обитания нюх был сбит все время с толку, поэтому отличить гнилые продукты от несвежих можно было только после многих проб и ошибок. Вот и напоминала работа пищеварения прогноз осенней погоды. Компанию составляли крысы, среди которых появились добрые знакомцы Петя и Володя, а также коты. Правда, с последними трудно было найти общий язык. И раз за разом шли в психическую атаку тараканьи армии, поддержанные с воздуха эскадрильями тяжелых мух.

Были у него и соседи-гуманоиды, которые жили в хоромах, выстроенных из пустых молочных пакетов. Их звали Никифор Самотрахский и Вечный Запах. Однажды дядя Витя заскочил к ним в гости посмотреть на телевизор, который получал питание при ударах кулаком по пьезоэлементу. Телевизор почему-то показывал только бесплатные программы на культурные темы. Гуманоиды, закончив избивать пьезоэлемент, стали спорить об искусстве.

— Ты в Мандельштаме ни хрена. Послушай только: «Твой брат, Петрополь, умирает…»

Понимаешь, брат всему городу, а не только какому-то микрорайону или этой свалке…

Разговор этот сильно утомил дядю Витю и больше он в гости не хаживал. Хотя Никифор его зазывал, особенно после того, как Вечный Запах скончался в результате очередной дискуссии.

Сам дядя Витя мучился вопросами, далекими от искусства и философии.

Многогранники ели людей. Многогранники поглощали искры, падающие с серебряного неба. Большой дядя Витя истончался и крошился как старый кекс. Фан Фаныч не спешил на помощь. Нужно найти что-то похожее на безделушку, на тот браслет…

Из-за котов и крыс, метивших свою территорию, одежда дяди Вити приобрела густой букет ароматов «на большого любителя». Ночью дядя Витя навестил мастерскую похоронных дел при крематории. Хотел было поменяться пиджаками с каким-нибудь покойником. Но там, как назло, пиджаки только малинового цвета.

Отправился в город, как есть, в непотребном виде, стал ходить там по галантерейным магазинам.

В одной лавчонке, торгующей бижутерией, дядя Витя увидел девушку, похожую на воздушный шар. Она спрашивала продавщицу насчет… черного браслета. Дескать, была у нее кайфная штуковина, а папаша, урод малохольный, отнял.

— А у тебя пахан не «того»? — осведомилась продавщица.

— Он у меня крупный киберолог, башка фурычит, как автомат по продаже газировки.

Дядя Витя стал незаметно преследовать девушку, следя за ней через дырку в газете или книжке.

Шаровидная девушка посетила лекции гастрономического факультета института питания, съездила домой, вечером была на танцах. И везде рядом с ней или неподалеку находился неотступно дядя Витя со своей прошлогодней китайской газетой и подобранной на помойке книгой «Шизофрения для всех». Даже на танцы его пустили. Он сказал, что с киностудии, подбирает девушку на роль колобка. Правда, на пиджаке как орден, выделялся след от кошачьей какашки — оставленной в знак признательности за ночлег. Но «орден» был плохо заметен в полумраке и вспышках лазерно-голографического шоу.

Дядя Витя улучил момент, когда шаровидная девушка отправилась в буфет укрепить вянущие силы, подвалил развязной шаркающей походкой и процедил как бы невзначай:

— У вас глаза что-то выражают. Неземное.

— Да зуб немного болит, — отозвалась нехотя девушка.

— А я вам очередь занял, — не прекращал натиск дядя Витя, — к тому кибер-прилавку, который ватрушки и плюшки продает.

— Чего это я вперед остальных лезть должна? — недоверчиво спросила девушка.

— Вам же больше других надо, — сочувственно произнес дядя Витя.

Девушка всерьез обиделась и ушла. Немного погодя он подловил ее в зале и пристроился рядом на корточках.

— Ты местом не ошибся? — не выдержала она.

— Извини, подруга, я не того ляпнул. Я ведь хочу сказать, что ты красива, как небесное тело.

Девушка-шар напряглась, пытаясь понять комплимент, но ничего у нее не вышло.

— Хочу пригласить, как раз медленный танец, — продолжил он и положил щеку на ее правую икру, похожую на пуфик от дивана.

Все это было девушке внове.

— Как раз медленный со мной танцевать не в кайф, — предупредила она.

— С тобой все в кайф, — примериваясь к ней, произнес дядя Витя. Сглотнул слюну. Понял, легко не будет.

А потом они выдали. Дядя Витя два раза кувыркался на скользком полу. Другие посетители дискотеки падали как подкошенные, когда крупногабаритная плясунья слегка касалась их. Или улетали, если задевала. Кончилось тем, что дядя Витя опрокинул телом девушки динамик. Партнерша, пытавшая продолжить танец, случайно растоптала всю музыкальную систему. Та заревела, как раненый мамонт. Лазерно-голографические эффекты начали выжигать сетчатку глаза.

Танцующие и отдыхающие обратились в закономерное массовое бегство, как будто на них скакала кавалерия Батыя. В дверях, как и водится, одну створку заело. Возникла давка, перешедшая в драку между людьми разных национальностей и вероисповеданий…

После всего совместно пережитого что-то проклюнулось в сердце Алисы. Она стала доверять дяде Вите. Тот рассказывал ей, что он артист и скоро пойдет на съемки фильма «Любовь после гробовой доски». Они вместе ходили есть пирожные — она даже не замечала, что у дяди Вити нет денег. А танцевали они так, что можно было брать деньги со зрителей.

Однажды после танцев к дяде Вите и его девушке пристали на темной улице настоящие хулиганы. Они сделали Алисе неприличное предложение, а ее кавалера угрожали опустить в самом грязном смысле этого слова.

Однако это плохо кончилось для бандформирования. Двоих Алиса повалила и втоптала в грязь, одного расплющила об телефонную будку, у него потом трубка изо рта торчала. Больше не повезло тому, которому она сломала хребет, ударив об колено. Дядя Витя оказал блестящее содействие своей даме, кинув в лицо каратиста мусор из своего кармана — тот надолго ослеп.

Алиса потом даже немного сожалела о сломанном хулигане: «Я не хотела с ним целоваться, а как отвадить словами, не знала». Огонь совместной борьбы соединил их сердца так же крепко, как труба скрепляется с унитазом. Тем более, что присущие дяде Вите запахи слабо проникали в девушку.

После того, как Алиса по большой просьбе дяди Вити поведала историю черного браслета, домогательства его стали еще более пылкими. И сердце девушки окончательно раскрылось ему, когда он намастачился воздействовать ей на эрогенные зоны, пробивая слой жира смачным шлепком или мощным щипком. (Спасибо книге «Занимательная сексология», глава «Любовь с

толстушкой», которую дядя Витя прочитал на свалке среди прочей макулатуры).

Когда он жалостливым голосом рассказал, что в ожидании съемок фильма спит на матраце из-под покойника и на него мочится каждый встречный кот, она отвела его домой.

— Папа, мы принадлежим друг другу. Мы любим друг друга все время с небольшими перерывами на обед, завтрак и ужин, — четко определила Алиса. — До свадьбы он поживет в моей комнате.

— Здравствуйте, папа, — заявил о своей роли в жизни Николая Епифановича дядя Витя.

— Где она его подобрала? — почему-то злым голосом крикнула мамаша, ковырявшаяся в огромном холодильнике марки «погреб».

— Мама, цыц, — пресекла ее выпад Алиса. — Он — артист.

Папа неожиданно принюхался, даже сунул руку к себе в карман, а затем поднес пальцы к носу.

— А почему он не моется?

Заметив, что дядя Витя пытается возразить, папа добавил:

— Согласен, чистота — не главное. Главное — это работоспособность. Вы работать любите?

— Если настроение хорошее, — опешил претендент на пост зятя.

— Об этом я обязательно побеспокоюсь. Такие как вы, мне очень нужны, — ласково сказал Николай Епифанович и несколько раз повторил. — Только пиджак немедленно бросьте в мусоропровод…

На следующий день дядя Витя успел только позавтракать под освежевывающим взглядом «мамы». После этого Николай Епифанович пригласил его в свой кабинет и предложил поклеить там обои.

— Ну, конечно, не сами. Вы же артист. Надо только проследить. Архипушка, ко мне.

В кабинет вполз кибер на гусеничном ходу и несколько модулей помельче, на присосках а-ля геккон.

— Вот он, герой нашего времени. Домашний кибер нового поколения. Архип с сыновьями, искусственный протоинтеллект.

— Пока что «прото», а завтра будет «сверх», — отозвался, захихикав, кибер Архип.

— Повадки-то у него какие? — дядя Витя недоверчиво ткнул пальцем в предложенного ему работника.

— Мыслесигналы человека он не воспринимает, и правильно делает. Но всегда готов помочь, — и Николай Епифанович оставил будущего зятя наедине с тупо бодающим стены

Архипом…

Архип проявил большое любопытство, когда дядя Витя пробовал поискать браслет — принялся активно путаться под ногами и зудеть: «Что вы там такое делаете? У вас есть код доступа?»

Но готовить клей для обоев новый кибер еще не умел.

Спокойно и уверенно дядя Витя принялся за известное ему дело, размешал порошок в ведре и влил в подставленную Архипом воронку.

Для начала кибер стал отливать клей сыновним модулям и половину расплескал. Убирал, конечно, дядя Витя, прилипая башмаками к полу так, что подметки отвалились. Потом руки приклеились к тряпке. А когда он промокнул лоб, то лицо прилипло к рукам. В это время кибер виновато гудел или с беззаботным смехом рассказывал истории про Чапаева.

Наконец, Архип с сыновьями принялся бодро нашлепывать обои на стенку, напевая, что «дух наш молод». Дядя Витя успокоился было и принялся дымить сигаретами Николая Епифановича.

— Товарищ командующий, готово, — вскоре рапортовал Архип.

Дым рассеялся и дядя Витя убедился, что обои присобачены вкривь и вкось. Он представил, как берет лом и лупит Архипу прямо в наглые гляделки видеокамер. Кибер звякнул, обнаружив у дяди Вити плохое настроение, и стал уверенно оправдываться.

— Комната неправильной формы, стандартный алгоритм не найден. Мы ни в чем не виноваты перед вами, Виктор Васильевич. Мы ждали от вас четкой алгоритмизации процесса, и хрен дождались. Ну-ну, не дуйтесь, жизнь прекрасна и удивительна, по крайней мере для нас. Загрузите алгоритм.

— Я тебя сейчас так загружу, бестолочь, болтов не соберешь, — но, подведя итоги убыткам, дядя Витя подуспокоился. Обоев еще хватало.

Архип выпустил экран с контурами комнаты.

— Я слушаю со всем вниманием, товарищ командующий ремонтом, — с подобострастием обратился он, — чего изволите?

Теперь уж дядя Витя, жуя глазами экран, задавал направления сыновним модулям. Это было трудно, следить сразу за десятью, тем более, что они все время пытались увильнуть.

И вот Архип протрубил отбой. Дядя Витя оторвался от экрана и поднялся, чтобы полюбоваться работой. Тут из ног его будто выпустили воздух. Все цветочки на обоях смотрели пестиками и тычинками в пол.

Сыновние модули приклеили обои «вниз головой»!

Дядя Витя со стоном зажмурился, чтобы не врезать Архипу носком ботинка. Кибер немедленно проанализировал угрожающую мимику дяди Вити и приступил к своей защите.

— Виктор Васильевич, товарищ командующий, не серчайте. И на этот раз вина не наша, а ваша. Вы не определили, где потолок, а где пол.

— А по умолчанию это вам не известно, что ли? — враждебно сплевывая, сказал дядя Витя.

— Начальные параметры стерты, ныне они выдаются генератором случайных чисел.

— Какому козлу понадобилось стирать? — растерялся дядя Витя.

— Николаю Епифановичу Смелякову. Но он не козел — заявляю протест в связи с оскорбительным сравнением. Совершенно не похож, ни рогов, ни копыт, желудок иначе устроен. Если же вы выражаетесь так из-за недостатка информации, то даю справку: он не жвачное животное, а видный киберолог.

Пришлось дяде Вите взяться за работу по-новой, зыркать то на экран, то на реальные стены, и командовать-командовать, чтобы Архип не успел взять случайные значения. А когда закончил, то заметил, что стены все какие-то неровные, в пузырях, в буграх и вообще вид неприглядный.

— Что же ты, холоп, не доложил, что клей подсыхает, собирается в комки?

— Я ничего не докладываю, пока меня не спросят, — гордо сказал Архип, — у нас тут не армия.

Вечером Николай Епифанович, «полюбовавшись» оклейкой, скривил лицо и сказал:

— Я как-никак профессор. У меня люди бывают вплоть до министра. Придется теперь все отскабливать до штукатурки. Предупредили бы хоть, что вы такой гуманитарий и задание для вас слишком сложное. Я бы предложил чего-нибудь попроще, посильное.

А за ужином дядя Витя разбил фарфоровую тарелку и чашку. Остальные члены семьи посмотрели с поджатыми губами по сторонам, будто он испортил воздух. Сам дядя Витя мог торжественно поклясться честным пионерским, что Архип, переквалифицировавшийся в официанта, почему-то тыкал ему посудой в руки. Причем разжимал свои захваты за секунду до того, как дядя Витя успевал сжать свои пальцы.

— А ты способный, — сыронизировал Николай Епифанович и принялся безупречно жонглировать тарелками.

С тех пор дяде Вите давали только железные плошки и

старались кормить отдельно.

На следующий день Николай Епифанович угостил дядю Витю крепким напитком из своего бара в знак неслабеющей дружбы и сказал в поддержку:

— Друг мой, я по-прежнему вам доверяю. Достаньте мне с антресолей мой любимый красный чемодан, а все лишнее в коридоре засуньте наверх.

Ученый ушел, а дядя Витя приставил лестницу, взял все лишнее и полез. Когда его нос был уже на уровне антресолей, Архип вдруг пробубнил: «Товарищ командующий, восхищен героизмом, мчусь на помощь, держитесь!» После чего с разгона снес лестницу. Дядя Витя ненадолго повис, а потом, увлекая за собой поток вещей с антресолей, ударился оземь.

Вещи образовали над поверженным «командующим» величественный курган.

«Больше не будешь шмонать», — произнес надгробную фразу Архип и заиграл трогательную мелодию «Павшие братья, вечно вы с нами».

Подбитый дядя Витя вылез из своей могилы и окончательно понял, что у него сломаны два пальца и вывихнута лодыжка.

— Телефон, врача зови, гад Архип, — простонал изувеченный человек.

— Вам страшно повезло. Я — врач, — представился Архип и попытался наехать на пострадавшего, потом что-то стал делать с его ногой. — В моей памяти полно медицинских сведений. Вот сейчас поверну вашу пятку на сто восемьдесят градусов, и все будет кончено.

Мученик боднул Архипа и стал ползать в поисках телефона, которого нигде не было, видимо, аппарат спрятали юркие «сыновья», чтобы дядя Витя не стал пустозвоном.

— Ну, сейчас я с тебя спрошу по рабоче-крестьянски, — грозно пообещал дядя Витя и полез драться к подлому киберу. Что-то драконье слегка зашевелилось в дяде Вите. Вихрем вырвалась правая карающая лапа, но тут же остекленела и лопнула, как бутылка с водой, выставленная на мороз. Силы кончились.

Так и затих дядя Витя на полу до вечера. Первой вернулась со службы «мама», перешагнула через смирное тело и пошла дальше. Однако сам Николай Епифанович оказался весьма любезным человеком.

Правда, он вызвал не «Скорую помощь», а все того же Архипа. Зато умело перепрограммировал его в режим «домашний доктор».

Кибер, не обращая внимания на вопли ослабевшего дяди Вити, сделал свое: запаял сломанные члены в пластиковые

каркасы, приговаривая: «Нужно видеть реакцию», а потом уже вколол какое-то дурманящее снадобье.

— Так что ломайте свои косточки смело, без его помощи не останетесь, — не мог нарадоваться на своего способного помощника Николай Епифанович.

— Без танцев ты совсем не тот, — вздыхая, горевала Алиса, однако вскоре утешилась, — не исключено, что еще оправишься.

Когда дядя Витя стал ковылять, ему поручили совсем нехитрое дело, чтобы он не заплесневел — покрыть краской кухню, изрядно побуревшую после недавнего взрыва скороварок. Уж что-что, а малярничать дядя Витя умел, даже удовольствие получал от этого занятия, потому решил к краскам Архипа не подпускать. Выгнал кибера, украсил кухню, перешел, радуясь своему мастерству, в соседнюю с кухней кладовку, чтобы и та засияла, а дядя Витя б отличился.

— Да не надо вам так стараться. Придумайте для прогиба что-нибудь поумнее, — покрикивал издалека Архип.

Но преисполненный надежд дядя Витя принялся мазюкать. Однако честный труд, как это нередко бывает, не пошел на пользу. Голова вдруг стала разбухать, краска почему-то пузырилась. Он еще елозил крест-накрест кисточкой, когда… почувствовал, что стал жертвой нападения…

Что у него отсыхают крылья, сморщенные лапы прижимаются к телу, из пасти вместо сияющего вихря — дым и хрип, на шкуре ни одной серебристой пылинки, сердце захлебывается, не в силах прокачать густеющую комками жидкость.

И тут на него навалился массивный черный, словно из гранита, камень-многогранник…

Очухался дядя Витя от своего дикого кашля. В промежутках между своими конвульсиями он выяснил, что валяется на кафеле в кухне. Архип льет ему в дыхательные пути воду и щедро орошает пол, а на его содрогания смотрит с неприязненным лицом вероятная теща.

— Ну, что, очухался, герой, в голове с дырой, — сказала Маша. — Тогда вставай и собирай воду, не мне же после тебя прибирать.

Дядя Витя величественным усилием выдавил из себя всю влагу и слабым голосом сказал:

— Но я же не виноват.

— А кто виноват? Пушкин? Или Архип? Кибер на семью настроен и сделал так, чтоб испарения не шли в жилые комнаты. Только тебе нравится с мутными мозгами расхаживать. Кладовку он задраил и пустил в нее газообразный катализатор, чтобы краска быстрее сохла.

— Вас Архип-подонок пожалел, а я что, не человек? — плаксиво заявил дядя Витя.

— Человек это тот, кто умеет управлять кибером, — отрубила строгая Маша.

Дядя Витя до поздней ночи промокал воду носовым платком — тряпки, верно, Архип спрятал. Когда, наконец, завершил столь филигранную работу, пошел в Алисину комнату. Та оказалась крепко запертой на все запоры. Он нежно поскребся.

— Алисонька, ку-ку. — В ответ ноль внимания. Он постучал настойчиво. — Ку-ку!

— Кто еще там щебечет? — раздался заспанный недовольный голос Алисы.

— Это я, твой муж Витенька, пусти же.

— А мама сказала, что из нас такие же муж и жена, как из бабуина с коровой… И вообще, Витька, я сейчас к особому доктору хожу. Он меня гормонами лечит — за месяц полвеса улетучится, а то и две трети. Если, конечно, буду его слушаться. Так вот он говорит, нельзя с мужчинами знаться.

— А где ж мне ночевать, Лиса? — умирающим голосом спросил изможденный человек.

— Мама тебе постелила в прихожей, во встроенном шкафу, сказала, чтоб ты не вздумал укрываться ее шубо-йй… — Разнеслось сочное Алисино сопение.

Дядя Витя конвульсивно дотащился до своего «алькова». Уютная постелька представляла место, где можно было лечь, поджав колени, и не обращать внимания на то, что свисающее с вешалки пальто щекочет нос. Под голову предлагался старенький удобный для ноги валенок. Планировалось, что он будет столь же подходящим и для головы дяди Вити.

Прикрыта дверца шкафа, и словно бы нет человека с его проблемами вместе. Лежит он чинно, как жмурик под землей, только не корешки нюхает, а нафталин.

Что-то еще разгорелось в дяде Вите, наверное, в последний раз. Где-то трепыхнулись раздавленные крылышки. Но тут он почувствовал, что уже проглочен хищным камнем. Камень сжался, внутри него хрустнул и сломался «большой» дядя Витя.

В доме Николая Епифановича «маленький» дядя Витя провел в шкафу немало ночей, да и дней тоже. Сам же киберолог с момента появления незванного жениха собирал о нем информацию. В городских справочных системах дядя Витя не фигурировал никак. По своим каналам Смеляков вышел на органы внутренних дел. Органы ему сообщили, что указанный гражданин был задержан и передан в ведение ССС, проверяться на наличие состава мыслепреступления. Наконец, прыткий

киберолог через знакомого инспектора добрался до баз данных ССС. Там значилось, В. В.Лучкин принят из органов на экспертизу. Экспертиза дала отрицательный результат, по такой-то ведомственной инструкции задержанный отпущен…

Шаги нарастали и таяли. Люди проходили мимо. Шкаф был законсервирован с помощью нафталина до зимы. Всегда рядом только Архип и Архиповы сыны. Дозволено лишь было отправлять естественную нужду — под присмотром, не более трех раз в день. И проглотить что-нибудь украдкой. А остальное время он обязан был лежать в шкафу и расслабляться под заунывный долбеж токера: «Вы опускаетесь в самую глубокую морскую впадину, позади ветер, позади волнение и зыбь поверхности, позади потоки и течения, впереди покой. Вы растворяетесь в темно-зеленом покое». И далее шли шептания каких-то обитателей морской пучины, под которые нетрудно было представить себя утонувшим камушком и на большее не претендовать.

Архип знал наперед все его желания, наметки, планы и действия. И не давал осуществиться ничему. Каждой попытке он загодя подготавливал сокрушительный ответ. Когда дядя Витя хотел идти, строгий надзиратель дергал ковровую дорожку и ронял слабое тело. Когда дядя Витя хотел влезть в холодильник, Архип устраивал так, что струя леденящего газа разила в нос. Когда дядя Витя хотел отпереть замок выходной двери, Архип включал антиворовскую систему, и замок бил током по пальцам. Когда дядя Витя хотел просто подышать в гостиной, «сыны» рассаживались на нем и начинали медицинские процедуры — уколы под лопатку, взятие крови из вены, наложение швов на глаза. Дядя Витя, как всегда, хотел быть сильным, но сил хватало только на борьбу с молью, да и то моментами. «Хотел жить у нас, как изрядный гордец, так скоро ты станешь могилы жилец», — однажды сказал Архип. Крыть это утверждение было нечем…

Все морознее. Язык даже не ворочается и говорит вместо «абракадабра» — «аааааа». А если попросить прощения у Архипа, повиниться в пренебрежении к нему, назвать его «дорогой товарищ», попросить похлопотать перед вышестоящими сущностями. Может, и вернется сила?

— Эй, мужчина, чего не выходишь? Обиделся? Плохие мы, да? Неласковые?

— Николай Епифанович слегка тормошил дядю Витю за дряблое плечо. Мужчина очнулся от грез на своей полуспальной кровати. Захрипел, засопел, будто включили его в розетку, задвигал губами:

— Как… что… Какой густой сон разогнали, подлецы. Когда спишь, меньше горе мыкаешь… Требует, чтоб я ему поклонился,

да еще его хозяину, Кощею. Уж лучше холодильнику поклоны бить, он побольше и пополезнее.

— Кто требует? Покажите мне его, — сердито оглянулся Николай Епифанович. — Будет держать ответ перед обществом.

— Кто-кто… Архип ваш, — уже осмысленно пожаловался дядя Витя.

— Ну, вы же умница, Виктор. Архип — серьезная интеллектуальная техника. С емкостью памяти в сто ментобайт и производительностью — сто каспаровых в секунду!

— Подлянку какую-нибудь сделать — это пожалуйста, сто каспаровых быстро сработают, — покачал головой лично пострадавший. — А мудрости нет у него. Мудрость вон где, — дядя Витя для убедительности тюкнул головой о дверцу шкафа.

— Чистый эксперимент, — похвалил Николай Епифанович, — это там мысли зазвенели?

— Чего вы на меня переключились? Другие примеры лень искать? — разобиделся дядя Витя.

— Живите спокойно, друг мой. И я такой же. Чтоб правильно рационально мыслить, надо иметь всю необходимую информацию. У кибероболочек с этим полный окей. А вот у нас на лбу лучше повесить табличку: «Осторожно, самодеятельность».

— Так они у нас информацию берут, мысли. Хоть в чисто поле от них беги.

— С нас много не возьмешь, информация — некачественная, мысли — загрязненные эмоциями. «Это мне нравится, это чистая правда, а то мне не нравится, то грязная ложь». Нет, нам не надо думать. Промышленность и без нас отлично работает. Предложение — всегда на полморды впереди любого спроса. А лет двадцать тому и министр не мог сообразить, что нужно дать народу — трусы или абрикосы, из нефти их делать или из говна. Нет, Виктор, у нас задача: во всем зависеть от кибероболочек. В мыслях тоже.

— Это вы трепанацию черепа предлагаете? — встрепенулся дядя Витя. — Не даю добро!

— Голову пилить не надо, она и целая пригодится. Достаточно использовать двухсторонний суперинтерфейс. И еще архиважно решить проблему прохождения сигналов. Та пикосеть, которая работает у нас в крови, не пропускает управляющие сигналы от кибероболочек. Зато сигналы нашего мозга, недисциплинированного, шизофренирующего, спокойно пробегают по телу, и попадают в вычислительную сетевую среду. Понимаете, надо менять кровь…

Дядя Витя, храпя, выпустил воздух.

— Значит, вы тут рекламируете искусственную кровь, из

бачка. Предлагаете налить ее в меня, правильно? Только тогда я сам себе уже не хозяин буду. Кто-то более сообразительный, электрический-кибернетический, станет мной крутить-вертеть, как захочет.

— Какого опиума для народа вы наелись, Виктор Васильевич? Зачем норовите ярлык пришпилить? Искусственная, между прочим, от слова «искусство». У кого кровь — совместимая с оболочками, тот хозяин необъятной родины своей и всей планеты. У кого несовместимая — вряд ли более свободен, чем пьяная девушка в компании матросов. Пойми, Виктор, достаточно сделать шаг и все — вещество, энергия — все станет ручным, надежным, своим. Ведь вместе с тобой будет думать Великий Объединенный Разум. Твой ум станет частицей высшего разума. ВОР уже за дверью. Открой дверь, открой, — с небольшим подвыванием сказал Николай Епифанович.

— Не заперто… А зачем ему такая едва заметная частица? — засомневался дядя Витя.

— Вся Вселенная состоит из едва заметных частиц… Да что мы все о деле. Давай быт твой отсталый улучшать. Не надоело ли, инок, в шкафу? Или ты шкафничество основал?

— Если бы с чайком вопрос решить, то жить можно, — высказал скромное пожелание дядя Витя. — А после сытного обеда я вообще на все согласный.

— Ой, Витька, ты шутник, — и Николай Епифанович перевел дядю Витю из компании плащей и моли в объятия Алисы. Оказалось, что треть веса у нее действительно испарилась, и стала она из всех девчонок лакомый кусочек, килограмм на восемьдесят.

— Давай, что ль, пирожками побалуемся, — глотая слюни, предложил дядя Витя.

— Биоинтерфейс сразу сообщит контрольной кибероболочке, а та активизирует подшитую ампулу — через секунду вытошнит.

— Может, потанцуем?

— Тоже вытошнит.

— Может… это самое, побарахтаемся? Все-таки темно уже.

— От этого самого обязательно вырвет, — бодро сказала Алиса.

— Какая ты сложная, — протянул разочарованный дядя Витя.

— Впрочем, иногда простая, — Алиса показала таблетку, — выключит ненадолго ампулку.

На следующий день дядя Витя был в гостях у радушного Николая Епифановича, в его отделе, больше похожем на цех.

— Вот здесь производим васкулоиды — элементарные микромашины крови, там — жидкокристаллическую плазму.

Далее по коридору — экспериментируем с обратными сигналами оболочек. Ниже этажом — симулируем всякие мыследействия и испытываем фильтры.

Экскурсия быстро закончилась, у Николая Епифановича все уже было на мази.

Он усадил дядю Витю в никелированное кресло, сверху свисали трубки, сбоку, в баке, пузырилась голубая, похожая на шампунь, васкулоидная кровь.

Руки и голову подопытного человека прихватили крепкие держатели.

Заходили поршни, трубки потянулись к дяде Вити, как некормленные змеи, остро куснула игла, и он отключился.

В той отключке были неприятные ощущения — будто из него выдавливают потроха, как из кильки. А потом кладут в быстро твердеющую смолу. Та вползает внутрь, обтекает снаружи и застывает.

— Ну, вот ты и попрощался с племенем дураков. Это мне нравится. Теперь ты — частица вселенской мудрости, поздравляю, — гулко, будто с высокого потолка, прошумел Николай Епифанович.

Дядя Витя разлепил веки, прислушался, принюхался. Кое-что понял. Каждая мышца существует отдельно от других, ее можно сокращать и расслаблять, измерять ее мощность и усталость. Кости и суставы — это рычаги и шарниры, одни послабее, другие покрепче. Дядя Витя покрутил пальцами в разные стороны и поймал муху. Ее наружний скелет был хорош, но ему бы не подошел.

Скелет — мера вещей.

Рядом, в машине, работает поршень, непригнанный как следует к стенкам цилиндра, и у маховика биение — сбита чуть ось. Этот скелет не согласован с вещью…

Николай Епифанович нажал кнопку на пульте, трубки поднялись вверх, отпали держатели, легли пластыри.

Жук-транспортер зацепил бак с голубой васкулоидной жижей и укатил его.

Дядя Витя подумал, что не только этот бачок уехал от него, но еще это самое… Он пытался вспомнить, что он потерял, но не получилось.

Тогда дядя Витя поднялся, попробовал пяткой надежность пола. Деревянное покрытие не выдержит приличного удара.

Дядя Витя пошел, по кратчайшей ломаной, но не впритык к мебели, потому что тело при ходьбе раскачивается.

Дядя Витя аккуратно раздавил колбу в руке и не поранился, потому что постепенно увеличивал встречное давление пальцев.

Потом взялся за шкаф.

— Давай погуляем, — предложил тогда Николай Епифанович и повел обновленного человека в свой кабинет.

По дороге дядя Витя пробовал различные способы ходьбы, выбирая минимальные по затратам энергии на трение. Наконец, подобрал: с расслаблением лодыжки в верхней точке, обвисанием носка и небольшим подворотом его влево в точке касания.

На полках в кабинете ученого располагались вислоухие африканские идолы, чем-то похожие на артистов эстрады. Статуэтка женщины с головой львицы, судя по всему, богини; маски алкоголиков, как выяснилось, это были буддийские демоны; высушенная голова молодого человека, которому крупно не повезло; неулыбчивые римские предки из терракоты; обломки этрусских саркофагов с протокольными рожами; классики в рамочках; мраморный рабочий с позолоченным кайлом. С потолка сочились разные утробные звуки, серебристый скелетик с косой выплясывал брейк.

— Как ты, возможно, уже слышал от древних иудеев: в крови душа живая. А у этой шатии-братии нет крови. Поэтому они только помогают настроиться нам на нужный лад, — представил свою коллекцию Николай Епифанович и обратил внимание на браслет, который сжимал дяди-Витино запястье. — Носи, заслужил. — Потом профессор снял с гвоздя шашку, вынул клинок из ножен, любовно оглядел. — Фамильная реликвия. Мой дедка ей рубал, и бабка рубала всех подряд, и прадедка крошил в капусту. И я вот тоже…

Он неожиданно повернулся и несколько нарочито, как на картине, замахнулся шашкой на дядю Витю.

— Лови, гусь.

— Да я не умею, — отшатнулся дядя Витя.

— Не убедил, — и профессор опустил шашку, целя по дяди-Витиной голове.

И когда профессор еще начинал опасное движение, дядя Витя уже сообразил, как пойдет клинок, и даже наметил точку, где его можно будет отбить. Определил и кратчайший путь своей руки до этой точки. Лезвие свалилось в сторону, откинутое ладонью. Николай Епифанович утратил равновесие и ухнул вперед. Жертва атаки прихватила его за шиворот и изготовилась, чтобы врезать кулаком по уху.

— Стоп, — взвизгнул профессор, — это был учебный выпад, и шашка тупая.

— Ладно, поверил, — дядя Витя отпустил профессора.

— Ты в силы свои поверь. Все сможешь, если захочешь, — зажигательно произнес Николай Епифанович. — Знал бы, что

тебе сейчас дано, какая мощь стоит рядом и говорит: «Ничего не бойся».

Дядя Витя прислушался к себе:

— Ага. Где-то внутри меня гудящая пустота, как бывает наутро после попойки. За ней что-то клубится. Проскакивают оттуда пузыри, лопаются — и у меня толчок в нужную сторону. Ну-ка, тесть, просвистите еще раз шашкой, только всерьез, не понарошку. Или киньте в меня гранатой.

— Да, фантазии у тебя маловато. Над этим придется работать. У нас на второе кое-что посодержательнее.

Лифт вознес их на просторную крышу здания. Бодрый Николай Епифанович напевал: «Дам коня, дам кинжал, вертолет, пулемет, и заменишь ты мне десантников взвод».

— Ну, как, чувствуешь, Витька, нужду?

— А что, сортир во дворе?

— Нужду в больших делах, Витек, надо чувствовать.

Профессор широко раскинул руки и обнял весь мир, а транспортер подвез нечто похожее на оснастку аквалангиста.

— Надевай обнову, тебе впору будет, — предложил ученый.

— Тут что, бассейн? — оглянувшись, стал недоумевать дядя Витя.

— Тут воздушный бассейн, — Николай Епифанович помахал ладошками, как крылышками, и показал пальцем на картину с заходящим солнцем и длинными тенями от саморазрастающихся конструкций второго корпуса Центра Киберологии. — Купайся — не хочу.

Дядя Витя поискал и не нашел в себе страха, потом начал надевать с помощью засуетившегося профессора странный костюм. Облачившись полностью, он спросил: «Струя сама пойдет?»

— Пойдет, только вначале нырнуть надо, — возбудительно сказал Николай Епифанович и подвел дядю Витю к самому краю крыши, за которым ничего не было.

— Ни кнопок, ни ручек, как управлять-то? — через сжатые зубы выдавил дядя Витя. — А то ведь вниз лететь далеко.

— Тебе — не вниз, а вверх лететь, — потряс кулачками профессор и напомнил: «Ангелам своим заповедает сохранить тебя». Ангелы есть — это кибероболочки, канал к ним проложен двухсторонний, широкополосный. Заповедь есть — любая оболочка обязана спасать человека от телесных повреждений. Повреждение тебе грозит? Еще какое, одна лужица может остаться. Пойми, теперь твоя компьютерная кровь кибероболочкам родная. — И ученый подтолкнул дядю Витю. Тот только успел крикнуть:

— Я вам в бомбы не нанимался!

Секунду тело падало в свое удовольствие, а воздух весело свистел испытателю в уши. Дядя Витя понял, решение должно быть простым, взял и оттолкнулся от воздуха. Мысленно дядя Витя сделал воздух густым и упругим — тело прекратило падать и повисло, как на крючке.

С мягким шипением выходила струя из сопла реактивного ранца. Уборщица, роняя слюну, смотрела на него через оконное стекло, скорее всего не замечая заплечной аппаратуры. Дядя Витя потянулся рукой к окну, и она исчезла, видимо, рухнула в обморок. Свежий ветерок начал сносить его к черному каркасу новостроя.

Дядя Витя представил, что у него сзади и по бокам есть плоскости, распорядился ими и пошел на вираж, огибая балку. Вскоре догадался: пыжиться не надо. Достаточно легкого мысленного тока в каком-либо направлении, и все произойдет само собой, как у Кутузова с Л. Толстым на Бородинском поле.

А потом воздух вообще показался в виде довольно правильного кристалла с жилками и узелками. Прыгать с узелка на узелок было особенно удобно. Дядя Витя запорхал среди леса строительных конструкций, лихо поплевывая на все опасности.

Потом он отлетел от строящегося здания и стал кувыркаться над улицей.

Он мог взмыть вверх и выписать щелбан по клюву какой-нибудь деловой птице.

Мог спикировать вниз и поправить ногой шляпу какого-нибудь солидного пешехода.

Тьма уже окутала город, окна и машины стали светлячками.

И тут дядя Витя сообразил, экую власть он заработал нахаляву. А что за власть без игры. Он мысленно взял в кулак одно здание, и сразу все светляки-окна исчезли. Он мысленно положил ладонь на пути снующих светляков-машин и быстро соткался светящийся коврик автомобильной пробки, от которой доносился квакающий хор клаксонов.

— Ладно, езжайте пока, — усмехнулся он, коврик закопошился и стал таять.

А потом что-то захребетное пихнуло его, дескать, пора и честь знать, надобно вернуться…

— Решил все-таки подзаправиться харчами, — сказал при встрече Николай Епифанович, — ты в прошлой жизни, случаем, не стервятником ли был?

— Да бросьте. Ангелы ваши как на руках несут, ни обо что не задевают. Так любая козявка пернатой станет.

— Будь скромнее, козявку понесут и бросят. А тебе сказку

былью делать, стихии покорять.

Потом дяде Вите пришлось изрядно потренироваться, но все шло в охотку. Для завязки научился различать сигналы разных оболочек. Они приходили из гудящей пустоты и вызывали разные эффекты в организме. Одни сигналы заставляли непотребно рычать, другие по-страшному растягивали физиономию, третьи складывали пальцы в фигу. И веру в кибероболочки приходилось осваивать, чтоб без помощи не остаться в ответственный момент.

К вере прикладывался «птичий» язык для каждой из систем. Танцевальной кибероболочке хватало одного желания, она тут же пристраивала дядю Витю под музыку, и он выплясывал почище любого лауреата бального конкурса.

А чтобы стрелять метко и ловко при помощи оболочки управления оружием, требовались усилия посущественнее. Надо было вообразить себя в центре шара, а все остальное — тенями на его поверхности.

Оболочка управления рукопашным боем хотела, чтоб боец представлял себя ворохом трубочек с текущей по ним жидкостью.

Оболочка управления ходьбой по канату считала дядю Витю конструкцией из гирь и рычагов.

Однажды Николай Епифанович привез дядю Витю на магистральное шоссе номер три и предложил рвануть с одной обочины на другую.

— Мне что, жить надоело, по вашему мнению? — засомневался дядя Витя. — Машины-то сплошным потоком, и скорость за сто, им даже затормозить никак. И караванов много, на десять машин один водила. Остальные на автопилоте едут.

— Это их проблемы. На твоей стороне оболочка, контролирующая движение, она тебя выручит.

— Но почему меня, а не их?

— Потому что ты ей как брат, ты с ней одной крови, понял?

И дяде Вите захотелось поиграть с парнями в кабинах тупомордых грузовиков. Что играть на восьмиполосной магистрали куда тяжелее, чем на губной гармошке, он понял сразу. Кое-как проскочил первую полосу, потом немного затосковал. Машины проносились мимо него с ревом и возмущенным пением клаксонов.

И тут дядя Витя окончательно понял, что назад дороги нет, и в прямом, и в фигуральном смысле. Оставалась только вера…

Он стал большим, а восьмиполосная магистраль маленькой. Машины, как букашки, бежали у его подошв. Толчок из глубины, и он переступил через ряд. На пятой полосе его притормозило, будто башмаки прилипли, схваченные крепким клеем. Он на момент вернулся в действительность. Водители, ошалев от его

дурости, орали, оголяя зубы до десен, тянулись руками, как на баскетболе, показывали пальцами, чтобы он оставался на разделительной линии, пока его не заберет вертолет или не подберет мостовой автокран ГАИ. Но тут дядю Витю опять понесло в воздушный хвост после одного автомобиля, впритык к носу следующего.

Кто-то из водителей не выдержал, тормознул и повернул. И заварилось: заскрежетало железо о железо, машины вставали на рога и поднимались на дыбы, обрушивались на крыши других машин и еще подпрыгивали на них. Что-то лопалось и разлеталось, пробивались языки пламени, били фонтанами пенотушители, захлебывались ухалки и сирены. А дядя Витя уже соскочил в придорожную канаву и, слегка пригнувшись, мотнул в ближайший лесок, где вскоре принял поздравления тоже счастливого Николая Епифановича, который пересек страшную трассу по подземному переходу.

— Ты прекрасен, как кибер, Витька, я действительно тобой восхищаюсь. Ну, что, аппетит к этому делу пришел? — рассыпался профессор.

— Еще как пришел, дерзать хочу, — звенящим голосом рапортовал дядя Витя.

Далее его выпускали побегать на кольце автогонок «Формула-101»; швыряли с самолета без парашюта, а парашют кидали следом; бросали с камнем на шее в омут, и где-то на дне, в мутной жиже надо было нащупать акваланг; запускали в шляпе и трусах в террариум с королевскими кобрами, а также к некормленной акуле в аквариум. В клетку ко льву с одним слезоточивым спреем в руках тоже заводили. Запирали в сарае и затем устраивали поджог со всех четырех сторон, натравливали на него каратиста с красным поясом и двоих боксеров-тяжеловесов; предлагали вскарабкаться по стене высотного дома в дождь. В спящем виде заносили в катакомбы без фонаря и спичек, и оставляли там среди скелетов ранее заблудившихся лиц. Из всех передряг и поединков дядя Витя, как и положено супермену, выходил с честью, с улыбкой, с чистой совестью.

За все достижения его крепко любила крепкотелая блондинка Алиса, переведшая с помощью гормонов остаток сала в рельефные мускулы. Она тоже не хотела быть такой, как все. По утрам жених и невеста занимались кик-боксом в спарринге. Заработав от прекрасной дамы по морде, дядя Витя приговаривал, сплевывая: «Попробуй не полюби тебя».

— Совершенный ты наш, — уважительно называл его Николай Епифанович и прикалывал ему к майке почти настоящие медали за покорение воздуха, воды, земли и огня.

И даже Маша сменила гнев на милость, ласково приговаривая:

— Сделали мы все-таки из дерьма конфетку…

Блок 19

Бациллу и Буку вскоре отпустили. Свидетелей их многочисленных преступлений не нашлось, поэтому братков не сосватали со статьей. Однако Бацилле и Буке хотелось есть и все такое.

На привокзальной площади друзья-бандиты повстречались с Меланией — все трое заходить в фешенебельное здание опасались. Братки рассказали Мелании, кого и за что посадили. Кожаный закосил под психа и едва не ушел из сачка. Но так увлекся, что его отправили на перепрограммирование мозга. Сверхтонкой иглой ввели ему в мозг диффузный киберимплант, короче приконнектился и начал шарахать по нейронам… Короче, пахан сбрендил по-настоящему, с гарантией и надолго. Остальным членам банды навернули срока на полную катушку.

Мелании тоже жилось не просто. Но она уже научилась смотреть на все происходящее издалека, без пристального внимания и тонких переливов эмоций. Из этой дали она дистанционно управляла телесным объектом по имени «Мелания». Телесный объект жил там, где не требовали документов — на дне общества. Там и не пахло оболочками, но зато обитало сонмище сомнительных ароматов.

Днем объект «Мелания» функционировал в ассенизационной артели — в люках, трубах и коллекторах. Ночью — наводил макияж на трупы. Товарищи по бригаде вытаскивали и укладывали жмуриков рядком, а Мелании предстояло окатить их из шланга специальным косметическим раствором. От него бывшие граждане становились глянцевые и яркие, будто красавцы с журнальных обложек. Если переборщить с раствором — то как глазированные сырки.

Сидя в такой экологической дыре, не скажешь, конечно, что рулишь собственной жизнью. Однако, ты уже не в чужой колоде карт, и не в ряду пешек на чужой доске. Обстоятельства не трогали Меланию, она обитала внутри нуля. И Кот, и светлой памяти Петух давно превратились из защитных приспособлений в меньших братьев. Ей казалось, что она понимает их. Может, и не казалось. Иногда подойдет Кот, потрется о ногу, мурлыкнет, дескать, не горюй. А то и стащит где-нибудь для нее конфет, хоть она и не просила.

— Про должок не забыл, Бацилла? — спросила Мелания. — Или тебе тоже продули мозги? Где роллер, где браслет? Отвечай, когда дама спрашивает.

Конечно, Бацилла сейчас помнил только о том, что в

следственном изоляторе «дамы» назначаются местным блатным авторитетом. Но голос Меланьи был агрессивным. Примерно так с Бациллой разговаривала женщина-следователь. К тому же из сумки выглядывала, прицельно прищуриваясь, злобная физиономия Кота.

— Не ершись, красотка, лучше улыбнись нам, — Бацилла кончил жевать губы и ощерился. — Роллер в аккурат вернется к тебе, будешь довольна. А браслетик твой, наверное, у ментов, с них и требуй. Возьми да приголубь меня душевно, я тебе новый куплю. Сука буду, не совру.

— Ты лучше купи себе носовой платок, а то сопли по лицу текут, подбирать пора, — отрезала Мелания.

Представителям «фраерского» сословия Бацилла никогда ничего не отдавал, поэтому краснел и мялся, когда выкатывал роллер из укрытия.

— Вот ты и совершил свой первый добрый поступок, — нахваливала Мелания. — Чувствуешь, как радостно бьется сердце — новый человек в тебе рождается. Теперь подсчитай количество своих нехороших поступков и составь план добрых дел на пятилетку. Когда-нибудь станешь примером для юношества.

— Ну, мы пошли, — торопливо сказал Бацилла.

— Горючее-то на нуле, — сказала Мелания, — ты за чужой счет неделю забавлялся, теперь заправляй.

— Вот пристала, клещ энцефалитный. Где я тебе деньги-то возьму? Это ты можешь в любой момент на панели заработать. Вон какие ноги красивые, не то что у меня.

— Тогда кати роллер сам. И ты, Бука, присоединяйся. Вперед, бурлаки, с песней-стоном.

Бандиты ругались грязно, но шепотом. Они прокатили роллер метров сто, когда рядом с ними неожиданно остановилось такси. Из него вышел задумчивый шофер и стал пускать табачный дым, время от времени отвешивая пощечины своей машине.

— Кто тебя обидел, мужчина? — поинтересовался Бука. — «Крыша» не нужна?

— Ничего не понимаю, — с нарастающей интонацией несколько раз повторил таксист.

— А кто понимает? Я, что ли? Или вот он? — успокоил таксиста Бука.

— Меня машина не слушается. Мне надо на проспект Совестливых, а автопилот все время мешает. Дескать, ситуация аварийная. И везет, везет куда-то. Вот я уже здесь оказался, около аэропорта.

Блин, а у меня вызов на проспект Совестливых… Нынче, если не смотаешься в какой-нибудь дальний конец — туда, где

робобусы не ходят — то и навара не будет, день впустую.

— Это судьба, кореш, против судьбы никак, — уверенно определил Бацилла. — Но мы твои ангелочки-хранители. Ты сейчас нам турбинного топлива нацедишь, а мы твоего автопилота замочим.

— Ага, сейчас девка скажет: «Посмотри на воробушка», а тот громила мне по кепке гаечным ключом. И ни топлива, ни машины, — насупя брови, произнес таксист.

— Ты чего, мы же правозащитники. Разве не видно? — спросила Мелания.

— Ага, намедни меня как раз надрали двое, блин, правозащитников. Едва я браслет уронил, как этот профессор со своей бабой прямо из-под ног драгоценность выдернули. И давай права свои качать.

— Ну ты врать, — похвалил Бацилла, — да у такого как ты, жадюги, хрен что выдернешь, у тебя ж клещи вместо ног.

А Мелания уже проверяла борт-компьютер такси.

— Эй, таксер, тут у тебя вирус сидит, поэтому автопилотская программа глючит… Сейчас я его грохну… Так кто у тебя сокровище увел?

Таксист охотно рассказал про жлоба-профессора, который даже безделушку отберет, а у самого двухэтажная хата на улице Платона, с лужайкой, где не картоха подрастает, а цветочки по три рубля.

— Все, компьютер я тебе до ума довела, «муму» твое выслушала. Награду давай, — сказала Мелания и уточнила. — С тебя канистра.

— Давай, давай, пижон, как договорились, — поддержали Меланию грубые братки.

Таксист охотно повиновался, даже сказал «спасибо» и скрылся с глаз с большим ускорением. Правда, чуть погодя донесся звон, характерный для витрин, в которые впиливаются автомобили.

— Внимание, воры, — скомандовала Мелания. — Упомянутый водилой браслет — скорее всего, моя вещичка, суперинтерфейс. Кто понимает — это власть над оболочками. Короче, мне — власть, вам доход от нее. Кто не совсем дурак, записывайся ко мне во временное бандформирование.

Не-дураки понуро качнули головами. Потом переглянулись и качнули уже уверенно. Мелания поняла, что воровская мысль опять на высоте. Ее товарищи сообразили, в какой момент они ее «сбросят с коня», чтобы выгодно сдать суперБИ. Это ее вполне устраивало, с коня может свалиться любой.

Теперь можно было начинать с «профессором»…

Сперва Мелания незаметно осмотрела особнячок на улице Платона. Потом отследила маршрут «профессора» от дома до работы. То был Центр Киберологических Исследований.

— Бацилла, пора тебе внести пай в наше товарищество, — сказала Мелания на ежевечерней сходке бандформирования. — Мне нужен «жучок» — простенький радиомаяк на теплоэлементе. Ну и пеленгатор заодно.

Бацилла оказался исполнительным товарищем и притащил то, что требовалось.

— Я тебе, моя Бациллочка, хорошую характеристику напишу — когда в органы загребут, тебе зачтется.

Соратник возмущенно захрипел…

Николай Епифанович выезжал из своего притопленного в земле гаража и находился, как стало уже обычным для него, в полете приятных мыслей. Еще бы, один его шаг равен долгому и унылому бегу толпы к великой цели, к ВОРу. Его деяния пора в новое Писание заносить. Будет там и прах земной, в который он жизнь вдохнул — Витька-болван.

«Поверь — и получишь власть над стихиями». Как бы не так, Витя, разбежался. Власть не получают в подарочек за хорошее поведение. Ладно, поиграй еще, Витенька, а потом и мы поиграем.

Товарищ Бельков, сокол ясный, тоже хотел вечно порхать в Великом Объединенном Разуме. Собирался в бессмертные попасть с черного хода. Только истинных хозяев не заставишь лелеять свою мертвечину, хоть запузырь ты в сетевую среду всю личную информацию, вплоть до анализа кала. Сломался Сфинкс и тут же хозяева стерли информационный образ Белькова со всех носителей.

Нет, хозяевам можно только служением бескорыстным понравиться. И ничего тут непотребного нет. Пусть поют, заливаются хоры гуманистов, прославляя человека — венец творения. А в натуре, кто попал в струю, тот и будет венцом.

Каждый новый день добавляет надежности и живучести его собственной кибероболочке «конструктор Смеляков». А Витька — хороший боец, этого не отнять. Не хотелось бы с ним расставаться, но придется. Какой же первенец без заклания. Скоро будет вписана последняя строчка в его биографию. «Пал смертью храбрых на благо». Благо-то, конечно, мое, но увы — мир суров к тупицам.

И тут мысли конструктора приземлились, потому что Николай Епифанович ткнул бампером какую-то рокершу в заднее колесо, как раз при выезде на проезжую часть.

Он сразу себе сказал, что ей надо было очень постараться,

чтоб угодить под удар — по крайней мере отключить радар.

Она вывалилась из седла и стукнулась об капот. Впрочем, ничего леденящего кровь.

Когда Николай Епифанович вышел из машины, рокерша уже поднималась с мостовой. Ученый вежливо предложил руку, она не отказалась. Николай Епифанович с первого взгляда определил: баба без поводка. Не старуха, но и девицей не назовешь при всем желании. К тридцатнику клонится, а ручки-то нерабочие, мяконькие, и голос не пропитый-прокуренный, как у наездниц со стажем. Видать, торчала дома, курсировала с дивана на диван, а потом соскочила с осей и пошла вразнос.

Профессор договорился с бабой быстро и полюбовно. Пока она болталась в кресле-качалке у него на лужайке и дула стакан за стаканом его кофе — хорошо, что Маша сегодня сколола пораньше — он вызвал механика, и тот за профессорский счет поменял колесо у роллера, подкрутил, что надо.

Бабенка, видимо, оценила достоинства ученого и была не против более тесного взаимодействия. Не зря же она то и дело пыталась притиснуться как-нибудь к нему. Просилась дом посмотреть. Но сейчас никак. На службе совещание через полчаса, и соседка, старая выдра, может облезлую свою голову высунуть. Если Маша узнает, то ему точно пасть порвет.

В общем, выпроводил бабенку, хоть и жаль немного. Индусы учат — отказывать женщине большой грех. Когда звуки ее мотора разбежались в воздухе, Смелякову показалось, что эта баба его как-то обдурила, и все так не просто…

На пересечении улицы Платона и проспекта Паломников робогаишник, похожий на Щелкунчика, свистнул Мелании, приказывая остановиться за превышение скорости. Но она ехала аккуратно, и такая придирка ей не понравилась — уж не оболочка ли ССС ее засекла.

Пластикового робогаишника Мелания проигнорировала, но в конце проспекта к ней на хвост сели три гаишника-человека на роллерах «Горбунок».

Это могло закончиться очень грустно, учитывая ее сомнительное настоящее и прошлое. Оторваться от ментов нельзя было даже теоретически, «Горбунок» помощнее ее роллера; разве что одолеть хитростью.

Раскрутить топливный клапан, остановить роллер и, положив на бак работающую зажигалку, постараться отбежать метров на двадцать. Мелания уже потянулась к клапану ключом, как заметила изменения на экране борткомпьютера, где ее трасса была привязана к карте города.

Мигающей линией компьютер предлагал ей свернуть в

подворотню дома номер семь на улице Лаоцзы.

Размышлять не было времени, и она, взвизгнув тормозами, вписалась в подворотню. Впрочем, зверская тройка «горбунков» с подвываниями ринулась по пятам. Таинственная путеводная линия тянулась прямо через двор, упираясь в угловой подъезд.

Теперь что, все равно пропадать! Прибавив газу, она проломила дверь в подъезд. Дальше были скачки по лестнице до второго этажа, а там, рванув на себя переднее колесо, в нимбе из оконной крошки, она вылетела на улицу Конфуция. Роллер свалился задним колесом на крышу какого-то автомобиля, выпрямился и спрыгнул на мостовую…

— Еле улепетнула от ментов, ой, звери были, — похвасталась Мелания коллегам при встрече. — Но «жучка» я тому чудаку запустила. Он, между прочим, настоящий профессор.

— Я тоже в каком-то смысле профессор, — заявил, чтоб не ударить в грязь лицом, Бацилла. — Могу поднос на голове нести, могу носом пить, могу укусить себя за пятку.

— А я — горящую бумагу есть, стаканы грызть, хабарики глотать, — не захотел отстать от товарища Бука.

— Вы про свои таланты лучше помалкивайте, а то сглазите ненароком. А вот кто из вас в радио понимает? Кому не слабо пеленг взять? — подначила Мелания.

— Я, — поднял руку Бука, — я могу радиоприемник разжевать и выплюнуть.

— Ну я, — сказал Бацилла, потеплев взглядом. — Три года на флоте отрубил радиометристом. Пеленгаторы, локаторы — как раз моя вахта. Я ведь со службы кое-какие аппараты привез. Когда тащил, то почему-то верил, в будущем обязательно пригодится.

— А у меня ключ-каракатица есть, любой замок берет, потому что это метакристалл, управляемый с помощью чипа. Могу дать ненадолго, — расщедрился Бука.

— Тогда устроим пикничок, — удивилась Мелания. — Неподалеку от Центра Киберологии. Вы меня поняли, мальчики?

Понимающие «мальчики» хмыкнули…

В свое время от Бациллы не мог укрыться ни один вражеский радиопередатчик. Навыки засели в нем прочно и сохранились навек. Он погрузился в наушники и давал смещение «жучка», Мелания запускала данные в борткомпьютер роллера.

Около трех пополудни Мелания одолжила у Бациллы цифровой бинокль на десяток мегапикселей, который экс-морячок заначил во время службы на флоте…

На крыше одного из корпусов Центра Киберологии стояли двое и разглядывали окрестности.

Удалось довольно крупным планом разглядеть «афишу» того

самого профессора. Рядом маячил мужик с небезызвестной физиономией — это ж дядя Витя, который выручил ее при побеге от Сфинкса! Даже с такого расстояния были заметны и хороший костюм, и небрежные уверенные движения, модный полуежик-полуиглы на голове, элегантные усы. Мелания отметила, что он теперь недурно выглядит.

Тем не менее, ощущения подсказывали, что дядя Витя в этой паре отнюдь не главный.

А когда дядя Витя протянул руку, чтобы объять даль, открылся и черный браслет на запястье…

В пять часов профессор и дядя Витя выкатили в радужном спортивном автомобиле из автотранспортных ворот Центра Киберологии.

Незаметный Бацилла уже стоял на стреме неподалеку и высматривал «клиентов».

Глазастый вор вернулся к Мелании с четким докладом: «Досмотрел и руки усатого мужика, сидевшего за руле, и грабли старого козла. Ничего, кроме золотых часиков».

— Выходит, браслет они оставили где-то в институте. Соображаете? Мощная вещь, раз боятся тащить ее домой, — разобралась Мелания.

— Ты уверена, что мне с браслета что-то будет причитаться? — ехидно уточнил Бацилла.

— Тюрьма тебе причитается. А если серьезно, он сделает вам состояние.

Бука отправился стащить что-нибудь из еды, а Бацилла и Мелания принялись рассматривать получившуюся в результате радионаблюдений карту. Причем Бацилла намеревался в отсутствие Буки галантно поухаживать за Меланией. Однако вместо этого она безжалостно использовала его умственные способности, и мелкий гангстер был уже не рад совместному времяпрепровождению.

Мелания вела ноготком по карте, мерцающей на экранчике борт-компьютера. Здесь «жучок» колупался дольше всего. Это, может быть, туалет, но, скорее, кабинет. Дальше горизонталь — наверняка коридор. Вот «жучок» поднялся, на один этаж, не больше. Там снует на внушительной территории как бы бестолково. Если это не танцплощадка, тогда лаборатория, в которой исполняется «танец руководителя».

Теперь есть точка, где «жучок» топтался минут по пять-шесть, причем несколько раз — столько занимает один перекур с неспешным пусканием дыма. Если спустить из такой точки вертикаль, считай, что нарисовалась вентиляционная шахта.

А где «жучок» плывет до самого низа, допустим, до

вестибюля, получается уже шахта лифта. Нехитрая арифметика дает нам этажность.

Кабинет «жучка» на седьмом, лаборатория раскинулась на восьмом. Из вестибюля же «жучок» ползет под небольшим углом и начинает вдруг выписывать что-то вроде восьмерок. Наш «жучок» зря ничего не сделает — это он в гараже, выезжает из ряда. Как раз сюда спускается вентиляционная шахта.

— Логично? — осведомилась Мелания у Бациллы.

— Вроде складно, — ответствовал взопревший от мозговых усилий бандит. У Мелании же все окончательно состыковалось. Брать институт надо сегодня.

Мелания выделила на экранчике вентиляционную шахту.

— Мы пройдем здесь. Начало операции в полночь, самое бандитское время.

Как раз подоспел к середине военного совета нажравшийся Бука и начал с ходу орать.

— Тебя что, комар бешеный укусил? Свободу не любишь?

А Бацилла зашипел.

— Вокруг Центра электрический забор стоит, даром, что ли? Не для тебя, Василиса Премудрая? Да подуй на него — уже возмущение поля, звон в ментуру. Лучше подождем, пока выйдет твой браслет из Центра. Ну, может же его надеть на себя какой-нибудь из этих фраеров? Тогда мы его вместе с рукой оторвем.

— Операция назначена на полночь, — не унималась Мелания. — Возьмем три бочки. Две друг на дружку поставим, а третью чуть поодаль. Положим на них доску. На роллере по доске разъедемся и ать — через забор.

— Что ты нам, ворам законным, стихи рассказываешь! «Друг на дружку положим» — это из другого романа.

— А сроем оттуда завтра утром, когда ворота откроют, — развивала соображения Мелания.

— Ночь с такой лялей. Но «срок» улыбается. Говоря по науке, дисбаланс, — прикинул Бацилла.

— Ладно, тащите сюда три бочки и доску. Бука, «каракатицу» я тебе завтра верну. И доход от суперинтерфейса пополам.

— Тороплюсь помочь, даже вспотел, — Бука обратился к корешу. — Давай вихрить отсюда, она чудачка, кобра непонятная.

— А вдруг эта кобра и в самом деле вывернется, мы тогда кредит обратно возьмем с процентами, — отозвался Бацилла и многозначительно подмигнул Буке.

— Пошли, тут стройка неподалеку, покопаемся.

— Ладно, уговорил, — наконец согласился Бука. — Только будь уверен, с этой дамочки ничего не поимеешь.

Через полчаса братки навели марафет, приволокли бочки с

доской, положили как надо. Бука торжественно вручил «каракатицу» Меланье.

— Прощайте, злыдни мои незабвенные.

Мелания быстро проложила взглядом маршрут, разогналась и попала на доску, оторвалась от тверди и «поехала» по воздуху. Остались позади уличные огни, раззявленные рты бывших коллег, пересечена линия между прошлой и новой жизнью — забор. А потом состоялось приземление. Мелании показалось, что позвоночник рассыпался и вот-вот она станет кучей мусора.

— Ну, все, стоп метла, — зазудел вдруг в токере нечеловеческий голос. Так могла бы разговаривать ящерица.

— А это еще что такое? — вскинулась Мелания. Этот голос она уже слышала однажды, в магазине «Гостиный Двор». Тогда он уговорил ее приобрести браслет, пообещав, что все в жизни переменится. Почему она решила, что к лучшему?

— Это я, «К2». Ты можешь не представляться. Я тебя знаю. Ты поступила верно. Сегодня — твой день. Кстати, гараж налево по дорожке.

Мелания едва успела свернуть и подъехала к стене, слабо напоминающей ворота.

— Выступление мое подходит к концу. Скоро ты увидишь на экране борткомпьютера, как разобрать роллер на два полезных приспособления. Ну, ушел заниматься замком. Целую. Кулибин. Постмортум. Напиши когда-нибудь обо мне.

Одна из створок гаража поехала вбок и впустила Меланию. Решетка вентиляционной шахты нашлась непросто, как белый гриб.

На экране борт-компьютера высветилась инструкция: «Как изготовить из роллера горелку-огнемет».

Надо было снять второй топливный бак и регулятор подачи топлива с нагнетателем, вместо свечи пристроить обычную зажигалку. Вот зашипел газ, и ухнула струя пламени на полметра.

Мелания убавила напор и стала резать решетку. Искры и окалина сыпались на неумелую газорезчицу, только шлем выручал. Спустя полминуты дыра была готова.

Пискнул борткомпьютер, на экране высветился еще один рецепт: «Как изготовить из роллера лебедку».

Сперва заднее колесо со спущенным воздухом превратилось в барабан.

Затем Мелания выудила из сумки веревку и Кота. Один веревочный конец закусил робик, другой был присобачен к барабану.

Педаль мощности зафиксирована клейкой лентой, все готово, чтобы ехать вверх.

«Поймет ли робик что делать, ситуация-то нестандартная. А программировать его на формальном языке поздно».

Мелания несколько раз подпрыгнула, показывая пример. Робик заурчал, но остался на месте.

Он имеет право, в нем теплится разум и зарождается самосознание, решила Мелания. Зачем ему переться куда-то, рискуя превратиться в хлам.

Не лучше ли ей сдаться прямо сейчас? Раньше ли, позже ли, но кибероболочки победят всех.

Дядю Витю ведь победили.

Мелания провела рукой по биополимерной саморастущей шерстке робика:

— Если бы ты хоть молоко лакал или мышками закусывал, я бы для тебя наловила.

И тут Кот зашумел. Затрещал усами, шелкнул хвостом и взялся за стену шахты, поскребывая когтями. А потом рывок — он на уступе, еще прыжок — и три метра высоты преодолены.

Кот пошел ввысь с точностью геометрического инструмента. Вскоре робик скрылся с глаз, только броски веревки показывали, что он в работе. Наконец, веревка успокоилась, и второй ее конец вернулся назад, щелкнув по шлему. Мелания завязала на себе узел, повисела для проверки надежности.

Ну, пора. Веревка принялась наматываться на барабан, Мелания — возноситься. Усилий не больше, чем в поднимающемся лифте, главное, не проморгать свой этаж. Это даже убаюкивало. Мелания уже поддалась чувству покоя, но вдруг лучи фонарика высветили какой-то туман. Туман выходил из небольших патрубков и вверху и внизу. Но сирены не слышно, значит, просто какая-то профилактика от паразитов?

И тут по дыхательным путям словно прошло скребком. А следом и легкие стали выворачиваться наизнанку.

Туман входил в Меланию и выворачивал наизнанку, черпая из нее боль и дурноту. Она не успела испугаться, когда что-то присосалось к ее лицу. В носоглотку вошел нормальный уличный воздухом с легким бензиновым душком.

В котовых объятиях Мелания преодолела последние двадцать метров и срезала замок вентиляционного люка на седьмом этаже.

В коридоре на Меланию бросился кибердог. Кот, сделав сальто, зашел лязгающему чудищу в тыл. Кибердога сгубила красота. Кот, запустив когти в линолеум, вцепился зубами в его декоративный хвост. Пока местный цербер тянулся саблезубыми клыками, Мелания успела прожечь его стальной лоб струей из горелки. Пустив дым из ушей, кибердог околел. Мелания откинула крышечку на затылке умерщвленного исчадия Центра и

прочитала прощальные слова на дисплейчике: «Блокировка канала. Вызов кибероболочки отменен».

«К2» был где-то рядом, шел своим виртуальным путем, делая ее дорогу незримой для великой и ужасной кибероболочки Центра Киберологии.

А вот и кабинет Николая Епифановича Смелякова. Старинная, словно снятая с затонувшего судна. «Каракатице» такая дверь только для разминки, где-то в глубине замочной скважине захрустели ее шупальцы, и кабинет открылся.

Мелания кинулась к письменному столу подобно валькирии. Через несколько мгновений стол «взорвался».

Летящие бумаги напоминали буран. Коллекционные идолы, маски и божки закончили свое земное существование, обернувшись щебенкой. Только к засушенной голове молодого дикаря Мелания отнеслась с сочувствием и прикрыла ее платочком… Браслета в кабинете не было.

Мелания и робик, крадучись, поднялись по трапу на следующий этаж. Там они нашли дверь с нудной надписью «Вакуумная лаборатория, без вызова не входить». Дверь была не какой-то заурядной, а мощной, бронированной, откатного типа. Царь-дверь! Такой двери горелка, что плевок клопа. И ничего похожего на цифровой замок. Такой двери «своего» надо унюхать, ее только мыслекодами можно отворить. Мелания немного помедитировала у входа, все более расстраиваясь, как вдруг Кот встрепенулся. Кто-то шел по ночному Центру Киберологии.

Рядом аппендикс коридора — дорожка к мусоросборнику. Мелания засела там, в засаде, сжимая в руках свое единственное оружие. Шлепанье подметок все ближе. Потом подметки замерли, зато зашипел откатный механизм. Нет сомнений, особая дверь открывалась для особого человека.

Пока Мелания высовывалась с горелкой, человек успел вытащить пистолет и обернуться, но лишь наполовину. Кот головой в прыжке выбил у него из рук оружие, а Мелания напористо выдала киношный набор.

— Тихо, руки назад. Никаких фокусов, иначе стреляю без предупреждения. Станешь копченой колбасой, пижон.

Она сорвала биоинтерфейс с его запястья.

— Я не ошибся. Вовремя ущучил, что кому-то здесь не спится, — похвалился человек.

— Это тебе не помогло, — отрезала Мелания, разглядывая доставленный Котом пистолет. Калибр — десятый, это понятно. А остального нет. Ни курка тебе, ни спускового крючка. Наверное, тоже слушается мыслекодов. Мелания положила бесполезную вещь в карман и скомандовала. — Три шага вперед, ать-два.

Человек повиновался, нога в ногу к нему пристроилась Мелания, не отстал и верный товарищ Кот. Как только все трое оказались в лаборатории, дверь встала на прежнее место, но зато полился приятный синий цвет, отчего посетители стали похожи на недавно зарытые трупы. Но Мелания уже узнала захваченного в плен — по ежику и виднеющимся из-за щек усам. Дядя Витя, он самый.

— Что там у тебя в руке? — поинтересовался дядя Витя.

— Поменьше вопросов, а то очень быстро состаришься. Огнемет, понял.

— Самопальный, что ли? Работает хоть? А то пользоваться пистолетом научу.

— Не учи ученого. Работает, тебя просквозит и еще на той стене пятно останется. Если не собираешься в нирвану, то во-первых, не оборачивайся, а во-вторых, слушайся только меня, — выпалила Мелания.

— Старо. Скажи лучше что-нибудь действительно занимательное, — расслабленно произнес дядя Витя.

— Хорошо. Ты что здесь делаешь? Только не надо общих фраз, мол, «люблю по ночам гулять». Ты ведь что-то вроде кибердога, наверное. И у тебя, наверное, есть крышечка на затылке, под которой сейчас написано: «Блокировка канала».

— Крышечки нет, честно, — сказал дядя Витя.

— Ну-ка, веди меня к браслету, пока из тебя радуга-дуга не получилась.

Дядя Витя подошел к двери типа «зрачок», поиграл кнопками на стенной панели, и «зрачок» откликнулся. В открывшемся помещении царила прохлада, на одной стене даже изморозь поблескивала, моргали индикаторы, показывая работу каких-то агрегатов.

— За перегородочкой крутится по замороженным цепям ток, испытывается ионная камера на эмиссию. Обрати внимание на полупрозрачную пирамидку в левом углу. Внутри нечто похожее на костюм ангела. Это летательный пиджак со плазменным движком, чуткими рецепторами мыслекодов и встроенным мультипроцессором. Для образования ангела нужен еще суперинтерфейс. А вообще, рекомендую костюмчик.

— Ты из себя тут экскурсовода не строй! — спохватилась Мелания.

— Давайте немного расслабимся. Ша-би-ду-би-да, — пропел дядя Витя на восточный манер, — представьте себя обезьяной, сидящей на верхушке высокой пальмы. Это помогает. Кстати, наш суперБИ вон за тем красной дверкой. Сейчас в угоду мадам я раскодирую замок и Сезам откроется, кому бальзам, а мне

нарзан. В жизни всегда есть место празднику. Итак, замочек декодируется, Сезамчик открывается… — дверь откатилась только наполовину, когда дядя Витя прыгнул головой вперед и сразу потерялся из виду в темном тоннеле. Мелания ничего не успела понять, но успела поступить.

Как ей показалось, лоб ее выбросил красную змеящуюся тварь. Глаза этой твари были глазами Мелании, потому что она вдруг увидела бегущие ноги и вцепилась в них. Потом пламя ударило ей прямо в переносицу и вылетело из затылка. Наверное, секунд через десять она снова стала различать стены, потолок, смогла посветить фонариком в туннель. Дядя Витя уже лежал на полу, держась за ноги. Рядом, раскинув лапки, лежал будто спящий Кот. Но робики не спят.

— Ползи сюда, гад, и моего Кота захвати.

Дядя Витя вернулся обратно и с виноватым видом протянул обмякшее тельце Кота. У робика на белоснежном лбу было неприятное, похожее на какое-то насекомое, черное пятно.

— Пал смертью храбрых, герой, — подытожил дядя Витя. Устроил короткое замыкание, мне и себе. Полметра до запасного выхода не хватило. Теперь полный порядок.

— Единственного друга убил. А ну, не держи его своими лапками, жаба. Аккуратно положи, — Мелания с трудом продышала комок в горле, — убью тебя, гад.

— Подожди, не убивай меня, гада, — по его голосу было непонятно, шутит он или действительно стал дебилом. — Мы с тобой в самой что ни на есть вакуумной камере, она же камера хранения. Именно здесь Николай Епифанович держит суперинтерфейс вместе с «костюмом ангела». Как можно было уже догадаться, эта комнатка с секретом. При попытке вынести суперБИ или другое имущество, срабатывают датчики. И тогда камера задраивается, как космический корабль. Датчики, кстати, и приняли твоего кота в сапогах за это самое имущество. Оп, и законопатили все выходы. Теперь будем ждать утра, сказки сказывать.

— Это все? — уточнила Мелания.

— А вот и не все. Если вор пытается прорваться отсюда на волю, включается, так сказать, антиворовская автоматика. И весь воздух отсюда вылетает, тю-тю. Достаточно огонька, искорки — здесь образуется полный вакуум и вор просто лопается, как перезревший помидор. Теперь ясен смысл сравнения этой комнатки с космическим кораблем? Единственное отличие, что космос не снаружи, а внутри. Шурупишь?

— Ты хочешь сказать, что выбраться из этой камеры нельзя?

— Хочу, и больше того, сказал. Теперь ее можно открыть

только снаружи, из лаборатории.

— И вакуум настоящий получится? — спросила от нечего делать Мелания.

— Тут уж без всяких приписок.

— Сволочь ты эталонная. В парижскую палату мер и весов тебя, под колпак, — разругалась Мелания.

— Согласен, разделяю мнение, готов подписаться под каждым словом. Но ведь неинтересно играть, если все вокруг подмахивают.

«Куда ты, „К2“, советчик непрошенный, запрятался? Что же мне из-за этого законченного придурка пропадать?».

Мелания скинула шлем и еще пнула его пару раз.

— А меня не надо, — сказал дядя Витя и, наконец, узнал ее. — Девка-богатырка, она самая, — голос его совсем помягчал. — Девка-богатырка-а-а.

— Ты это прекращай. Слышать тебя не могу, — строго предупредила Мелания и навела на его нос горелку. — Чуешь, жареным пахнет. Сейчас как спалю рубильник! Все из-за тебя, кувалда.

Несколько минут было заполнено звенящей холодной тишиной. Дядя Витя выдавил из ссадины на ладони чуть-чуть голубоватой жидкости, потом перехватил напряженный взгляд Мелании и старательно ощерился.

— Не бойся меня, деточка.

— Ладно уж, пошебурши. Значит, в тебя залили искусственной, подлинно научной, или как там ее, крови. Вставили пару шлангов с двух сторон, один нагнетает, другой откачивает.

— Ну, правда. Что тебе с того? — бесцветно отозвался дядя Витя.

— Вот потому ты и стал у меня под ногами путаться, козел дрессированный. В тебя ж оболочки вселились. Ты ж для них как животное подопытное. Белка и Стрелка.

— О чем ты, тетка? Не бреши. Смеляков считает меня хорошим пилотом.

— Ну да. Был идиот, а стал пилот. Товарищ Смеляков чувствует себя папой Карло.

— Не тем местом думаешь, тетя. Новые возможности он мне дал? Дал. Натаскивал, понимаешь, тренировал. И вообще он меня из шкафа вытащил. А нынче я — супермен, понятно? Могу добежать до потолка и вернуться назад без травмы. Могу опустить голову в ведро с водой и не вынимать в течение семи минут. Не поморщившись, вырву себе зуб пальцами. Стоять на одной руке — нет проблем. Плюнуть ядом точно в глаз врага —

запросто. Количество звуков, произнесенных за час каким-нибудь болтуном — подсчитаю тютелька в тютельку, причем в фоновом режиме.

— Ну, мастер-плевака, не забудь добавить — если браслет имеется, суперинтерфейс. А он, между прочим, мой. А помнишь, Вить, в аэропорту я сказала, что ты красивый? Хоть ты и загаженный был с ног до головы. Я ведь теперь поняла смысл этой фразы. Красивый внутри. Была ведь своя, незаемная сила.

— Скажи ему слово «дракон», — синтетический голос «К2» вдруг проник в токер. — Дракон…

— Дракон?.. Ну-ка, Виктор, что такое «дракон»?

Дядя Витя ничего не понял, даже дурашливо свесил нижнюю челюсть. Но потом его лицо смялось, как бумага. Вид неожиданно стал жалким.

— Интересный вопрос, и ответ должен быть интересным. Что-то крутится перед глазами, а назвать не могу… Один раз уже собирался вспомнить, когда летел в «Гнездо-2», но схлопотал по своей голове каблуком… Дракон — это не я, но продолжение моих рук, ног, сердца, дыхания.

Дядя Витя слабо мерцал в глубине оплавленной глыбы. Свернутый, спеленутый, стиснутый со всех сторон. Мелания стала долбить этот монолит, она долбила его сто лет, а может, сто лет слиплись в одно непрекрасное мгновение. Трещина-клин-трещина-клин. И она сама — этот клин и вода, пропитывающая клин, и даже трещина. Боль шла ломанной дорогой по самой Мелании. Но вот, наконец, показалось выжатое, перекошенное лицо дяди Вити.

Он коснулся большого черного цилиндра, на котором просматривалась панель дактилосканера. Цилиндр раскрылся и на ладони дяди Вити оказался браслет суперинтерфейса.

Браслет неожиданно шевельнулся, и Мелании показалось, что это свернувшаяся в кольцо змейка, сердце даже сжалось от гадливости. Браслет еще раз взрогнул и разделился на два браслета.

Один из них дядя Витя приложил к запястью Мелании. Черная теплая масса мгновенно обвила руку, мягко, но ощутимо сдавив кожу. Второй браслет мигом оказался на запястье дяди Вити.

Он поднес свою руку к руке Мелании и оба браслета моментально сцепились, образовав что-то вроде наручников.

— Ты что это, Витек? Повязать меня решил, как мент?..

Мелания запнулась. Потоки мыслей и чувств текли от дяди Вити к ней и обратно.

Сожаление о чем-то несовершенном, тоска из-за скорого

расставания, ощущение невысказанности.

— Ну, иди ко мне, дракоша, — прошептал дядя Витя, — давно не виделись.

— Я иду, хозяин, — и это были слова «К2».

Разгорались во мраке путеводные звезды: бессмертие Космики, непреходящие заповеди касты кшатриев, миссия космокавалерии. Рождалась нежность к чревам родных инкубаторов и любование мощью несущихся во мраке боевых гор, светился снова огонь братства с еще живыми и уже ушедшими пилотами. И красота наступающего строя колесниц сейчас опять бы тронула его сердце. И снова затеплелилась надежда на грядущее преображение Космики в мудрый венец всей Солнечной системы, а может, и целой Галактики.

Все, что было отчетливым для дяди Вити, казалось странными эмоционально-образными всполохами для Мелании.

Дядя Витя вытащил свободной рукой из кармана складной, внушительный нож, пружина выкинула лезвие, но теперь Мелания даже не испугалась.

Дядя Витя провел лезвием между большим и указательным пальцем. Вместе с голубыми пузырями вышла небольшая «медузка». Он разок подбросил ее и перекинул Мелании.

— «Лебединая песня» называется. Органический чип, выдает терагерцевую волну, чтоб «гора» знала, где твое тело. А еще тут записываются все мыслекоды, которые прошли через тебя за последние сутки.

Короче, положи его себе куда-нибудь, да так, чтоб не вывалился.

— Витя, доходчивее, — попросила Мелания. — Ты что раньше военным был? На танке катался?

— При чем тут танк. И никакой я не Витя. Меня зовут Виктор К123. Воинское звание — капитан космокавалерии. Дракон — личный человеко-кибернетический адаптер. Сведения о моем подразделении и районе базирования разглашению не подлежат… Плевать я хотел на Землю, с высоты триста километров, но… Но приказ — изъять суперБИ. Хоть раздери всех землян на клочки, но вынь да положь начальству суперинтерфейс. Приказ выполнен…

Бывший дядя Витя лег на пол спиной, на лбу проступили капли пота.

— Гадючник тут у вас. Чуть зазевался и уже вампиры кровь мою высосали, — просипел он. — Теперь внутри меня жидкий протез: молекулярные машины-васкулоиды, синтетический гемоглобин. Что теперь можно исправить в биографии? Только поставить точку…

Два браслета снова соединились в один, который обвивал запястье Мелании.

А человек, назвавший себя капитаном космокавалерии, вынул из полупрозрачного объемистого тетраэдра «костюм ангела».

— Одевывай, красотка.

— Ты чего, Виктор? Что ж я, вокруг лампочки летать буду, как мошка?

— Я ведь говорил, слушать надо было. Если сейчас выбираться отсюда, ломать-взрывать дверь и все такое, сработает антиворовская автоматика. Воздуха здесь не станет, словно его сгребли невидимыми граблями. Так примерно дело и обстоит на самом деле. Вон тот люк откроется, воздух уйдет в дыру за миллисекунды, и тут же люк закроется. А я знаю, как заклинить этот чертов люк и превратить мгновения в настоящую полноценную секунду… За дырой короткая труба, а дальше — окружающее пространство. Надо только со шкафа стартовать, чтобы точно в дыру угодить. Это я точно говорю. Ты будешь в костюме ангела, так что вылететь в трубу тебе будет не страшно.

— Витя, брось. Почему не смыться вдвоем? Ты прижмешь меня или я ухвачусь за твои тапки. Так и отвалим.

— Вдвоем застрянем. А если даже и продеремся, тяги не хватит, чтобы далеко улететь… С помощью спутникового навигатора выйдешь на одно место в лесу под Пустомержей, — дядя Витя назвал координаты. — Там как раз капсула летучая тебя поджидает. Заберешься внутрь, не забудешь задраить люк, нажмешь красную кнопку и вознесешься прямо в заданную точку орбиты… Военный катер тебя подберет, не сомневайся, ведь Космика все время слышит «Лебединую песню». Сдашь командиру браслет. Скажешь, так да так, капитан Виктор К123 пал на поле дряни. И далее по существу, всю правду в лицо. Искусственная компьютерная кровь марки «Голубой кисель» испытана на Земле в сочетании с двусторонним суперинтерфейсом. Место испытаний — отдел малых летательных аппаратов Центра Киберологических Исследований. Переход к масштабному применению «киселя» и суперинтерфейса будет означать дальнейшую мутацию земного населения в контролируемую кибероболочками среду… Далее речь моя становится более бессвязной. Кибероболочки типа «плутон» размножаются в вычислительных сетях Земли. Проникновение в космические носители, очевидно, через спутниковые каналы… Вот и все. Все мои достижения поместятся на одной страничке убористого текста…

Капитан военно-космических сил Виктор К123 быстро разделся до майки и трусов. Он ежился и переминался с ноги на ногу.

— Тебе, дамочка, твоего собственного комбинезончика маловато будет. Там — вихри враждебные. Одевай-ка еще и мой.

— Хочешь быть героем по полной программе, Виктор? — плаксиво сказала Мелания.

— Культурным героем, — поправил бывший дядя Витя, — который крадет власть у бесов… А тебя зовут, скорее всего, Мегера?

— Мелания, — поправила его Мелания.

Она задержалась еще на час. Столько длился ее любовный роман с Виктором К123, потому что блестящего капитана с Космики нельзя было не полюбить.

Потом, за три минуты, он подготовил Меланию к полету, задал курс навигационному чипу ангельского костюма, активизировал двигатель. Она еще поцеловала его в замерзающий лоб.

Сверкнули «вакуумные грабли», комната словно сорвалась с места, и Мелания влетела в зарю.

От Виктора К123 не осталось даже мужественного окоченевшего тела. Но в последний момент капитан космокавалерии успел сказать: «Вот он я, Господи», и серебряное небо раскрылось перед ним.

…

Гул шагов далеко разносился по кривым бесконечным коридорам Боевой Горы «Сумеру». Фотоническая поверхность стен мерцала от цифр и символов, сообщающих о работе бесчисленного множества узлов и агрегатов огромного космического корабля. Чуть прищуришь глаза и эти огоньки уже напоминают звезды, те самые, что смотрят на «Сумеру» со всех концов вселенной.

Офицер-женщина в форме капитана космокавалерии остановилась перед мерцающим символом, изображающим кортик, поднесла к нему ладонь. Металлорганическая переборка сперва немного выгнулась перед ладонью как спина кошки, потом раскрылась подобно диафрагме, и женщина вошла в адмиральскую рубку.

Адмирал Никодимов-Соларз словно нехотя оторвался от голографического глобуса, «висящего» у него над столом, но рукопожатие его оказалось приятно твердым, а взгляд отеческим.

— Неужели Виктора невозможно было спасти? — спросила женщина.

— Нет, Мелания, из вас двоих должен был вернуться только один. Вы оба подверглись личностному перепрограммированию для работы на Земле, то только ты шла по разработанному штабом маршруту, а им играли случайные силы. Мы никогда не

смогли ему доверять, да и он сам себе тоже.

— Но ради чего он умер?

— Конечно, ради нашей победы, Мелания.

— Разрешите спросить, товарищ алмирал, а кем мы будем после нашей победы, еще людьми или уже машинами?

— Ответ прост. Мы были и будем незаметными частицами космоса, который начался не с нас и нами не закончится.

Александр Владимирович Тюрин, Ленинград, 1990, 1991

В мире животного

Нужно прожить жизнь так, чтоб не захотелось прожить ее еще один раз.

Из приказа. Выдержка из файлов Базовой Летописи, 10-20-е гг Эры Первого Кольца.

Союз Космических Поселений (Космика) выдерживает атаку киберсистем типа «оболочка» [ключ], достигших уровня функциональной интеллектуальности под действием «эволюционного ветра» [ключ]. Лобовая атака отбита, структурная уязвимость устранена. В это же время «оболочки» на Земле достигают господствующего положения по всем линиям человеческого поведения. Факторы прельщения:

обеспечение полной занятости, развитие гражданских потребностей и покупательского спроса, адекватность предложения спросу, увеличение качества трудовых усилий, безопасность жизни, сбалансированность по схемам «поставки-потребление». После отработки прямого воздействия кибероболочек на человеческий организм через биоинтерфейсы и «искусственную кровь» [ключ] земное человечество в массе своей превращается в полностью управляемую среду. Конфронтация Космики и Земли переходит в фазу полного непонимания. Для предупреждения столкновений Космика отводит свои боевые и

разведывательные средства из ближнего космоса Земли — образуется зона разделения. Наблюдение из дальнего космоса, в основном, с лунных баз, показало уменьшение человеческой активности на Земле. В конце 20-х годов на материнскую планету было отправлено несколько разведывательных групп.

Выдержка из файлов «Хроники разведгрупп», версия 2, блок Капитан Алекс К123. Позывной — «Штеккер».

1

— Внимание! Психподготовка закончена. Начинается отсчет времени сброса. Десять… девять… восемь…

В который раз слышу, но все равно очень интересно. Уровень адреналина в крови подскочил на десять пунктов. Кто-то считает, что этот гулкий загробный голос приносит счастье. Видно, приносит и уносит обратно, так что не успеваешь воспользоваться.

Сейчас мы распрощаемся со старухой «Гевурой», самой первой боевой горой Космики. Как там насчет следующего свидания? Айкон — экранный дракончик — ничего по этому поводу не скажет. Пусть он и знает подноготную всех бортовых систем сбрасываемого разведкатера. Раз у айкона раскраснелась гузка, значит, двигатели уже напряглись и готовы вытолкнуть плазму, как только Бурелом выдаст приказ через свой биоинтерфейс Анима. Дракончика не интересует, когда персональное дело капитана Штеккера с пометкой «закончено» поплывет по мусоропроводу в архивный погреб. Впрочем и Аниму тоже. Хоть она впаяна в мой личный лоб и обязана вести всю бухгалтерию моего организма, ее не беспокоит, как сложатся отношения с грядущим. Я грядущее поимею или оно меня?

Я вот мучаюсь вечными вопросами, хотя должен лежать расслабленный, потому что ускорение будет не из щадящих. У командира же катера Анатолия К250, а вернее Бурелома, сейчас, как и всегда, высший класс. Он желает старта, по его крови

разрядами пробегают мыследействия, и через биоинтерфейс врываются в мускулистое тело катера. И вот еле заметной дрожью, а также сминающим напором инерционных сил я извещен, что жизнь моя пошла в очередное пике — сбросились! Прощавай, моя порцайка макарон. Запомни надолго, гражданка койка, мой ненавязчивый вес. Можно помахать ручкой тренировкам по выживанию, выплыванию, оттаиванию, замерзанию, отъеданию.

Десять лет мы не баловались, десять лет «боевые горы» сторонились Земли или, как у нас теперь грязно выражаются — Грязи. И нынче «Гевура» подплыла со стороны Луны не оттого, что кому-то Мамаева побоища захотелось. Просто мы научились притворяться несуществующими. Мы умеем маскироваться под окружающую среду в тот момент, когда нас щупают локаторы недругов и прочие недотоварищей.

А пока «гора» будет снова прятаться за лунный блин, буреломовский катер прижмется к атмосфере Земли. Там он разделится как оплодотворенная чьими-то усилиями яйцеклетка на три части: основной спускаемый модуль, резервный спускаемый и модуль прикрытия. Этот последний, в крайнем случае, вернется один, и даже экипаж ему не обязателен. В основном модуле готовят к десанту свои воинские доблести еще четверо бойцов. Четверо, не считая меня.

К015, он же Кактус, электрогигант, эталон вредности. У него все руки в разрядных клетках «столбиках» (сила удара в тысячу вольт обеспечена), плюс тепловое зрение, плюс модернизированные лихие синапсы (так что за его реакцию беспокоится не стоит), плюс тонкий ультразвуковой слух и соответствующий голосок.

Женский клон К111, Фикса. С ее электрорецепторами можно гулять в любой мгле, даже в аду, с ее глазенками различать ультрафиолет, с ее носиком нюхать как легавая собачонка. Она девка неплоха, только думает чересчур редко, гораздо чаще стреляет. Размер ножки у этой золушки — тридцать семь с десятью половинками.

Ну еще Т209, Тумблер, самый бесчеловечный человек, у него там в башке все время белок выделяется, от которого память в десять раз лучше становится; он целую ночь напропалую сам с собой то в шашки-шахматы, то в преферанс сражается.

К300, Курок, живой электромагнит, пошлешь его на… — так он пойдет, даже по потолку бродить мастак, таков заряд положительных эмоций.

Настоящее скопище монстров — с точки зрения жителей Земли, грязнуль, а с моей точки вполне милая компания. Правда

до того момента, когда Курок начнет выблевывать жижу, которой он придает магнитные свойства веществам. Или до той поры, пока Кактус не перейдет в газовую атаку, выделив кубометр метилиндола — кто не знает, что это такое, большой счастливец.

Голубой шарик несется нам навстречу, как футбольный мяч. Десять лет, как никто из наших не лупил его бутсой. Интересно, грязнули такие же монстры, как и мы? Или похилее? Если похилее, то я им не завидую. Мы рано или поздно навяжем им неравноправный договор и будем регулярно получать землянику бочками. У нас ведь невыгодно выращивать землянику, а также слонов, китов, рембрандтов, бахов, достаточное количество женского пола. Зато напроизводили у нас хренову тучу драчливых людей для касты «К» (кшатриев), которые частично летают, а преимущественно слоняются по пивным, баням и заведениям интимных встреч-разлук. Их много, потому что раньше бойцов выбивала война, а нынче кибероболочки-плутоны посрамлены, но инкубаторы продолжают фурычить с тем же скрежетом. Кшатрийное лобби давит на правительство, чтоб не останавливало машины, мало ли что. Будь нас поменьше, полегче бы дышалось другим сословиям, особенно «С» — вольным купцам и старателям. Они копаются там и сям, выискивая полезные минералы, развозят по самым дальним поселениям вибраторы-мастурбаторы, самогон и книги по философии. Мы же бабахаем из главных калибров в тех местах, где они работают, и буравим пространство там, где они тащатся с грузом. Если нас убудет, то грустнее станет только девушкам-трамвайщицам — есть такие, которые любят, чтобы сразу много людей оказывало им знаки внимания.

Командование распорядилось: сразу в пекло не лезть, себя в разумных пределах жалеть. Начать с какой-нибудь периферийной деревеньки, а потом уж выдвигаться на передовые позиции. Я эдакий пессимизм в действиях не приветствую — те редкие сведения, которые долетели от наших прорвавшихся зондов радуют тем, что грязнули, в основном, отдыхают, загрузив голову в объемный экран с веселыми мультяшками, сидя и лежа расслабляются, пляшут быстрые и медленные танцы, числятся на каких-то липовых работах, шатаются по магазинам и аттракционам. А кибероболочки ненавязчиво советует им как жить, не пускают в окно и на рельсы, закутывает шарфом в холодную погоду, ставят клизму или вливают слабительное, если не в порядке со стулом. Так что эти, с позволения сказать, жители Земли нам не соперники.

Защелкало, захрустело — модули разделяются. Я подмигиваю К678, Кнопке, из резервной группы, она за переборкой и

представлена только на дисплее. В отличие от стриженой Фиксы эту валькирию даже можно вообразить в вечернем платье. Но мне про нее говорили — убийца, каких мало.

Спускаемся теперь совсем по-тихому, большие надежды на шумопоедание и полную маскировку под цвета неба. Наконец, последнее пшиканье движка, мы перестаем ненавидеть противокосмическую оборону землян и выходим, разминая ноги на планету Грязь. Спускаемый модуль становится поднимаемым. До свиданья, уважаемый, надеемся быть тебе полезным и впредь. И вот мы пытаемся напоминать группу туристов. Вряд ли первому встречному покажется, что у меня за пазухой нейтронный сквизер, который любое тело, за редкими исключениями, превращает в неаппетитную квашню. Или что у Фиксы в кармане бластер. Девчонка любит прожигать дырочки в тех, кто ей не нравится. А того, кто ей полюбится, угрохает просто кулаком. Мы, кстати, вместе с ней идем в деревню, еще с нами и Кактус, как грубая, едва обузданная сила. Командир подгруппы, конечно, я, больше некому. Тумблер и Курок пока разобьют палатку и будут коротать время в лесу, вести внешнее наблюдение.

Шествует наша тройка по лесу, немного смущается, несмотря на свое очевидное жлобство. Ведь встает солнце, и мы балдеем от буйной дурости леса. В воздухе порхают непривычные вонизмы-миазмы, некоторые из них весьма недурны после нашей стерилизованной Космики. Задница еще ноет от уколов, которые обязаны отвадить всяких бацилл с их верткими жгутиками и токсинами. Солнышко жарит прилично, хоть раздевайся до утреннего костюма, то есть, до трусов. Кактус, я подозреваю, топает, как представитель местного населения, которого называют медведем. Да и то в лучшем случае. Ломится насквозь, искры с него сыплются, а после от веток паленым пахнет.

На Земле парень вроде него, наверное, стал бы злодеем. Сделал бы ребенка своей учительнице или ограбил бы приличного человека. А его все бы уважали, и граждане и пресса, так как вышел он из пьющей семьи и социально незащищенных слоев, да еще борется за право простого человека на мелкие радости. Прогрессивные граждане поняли бы, что он органичная часть нашего прошлого, отсталые товарищи нарекли надеждой человечества, а режиссер снял бы его с красивыми актрисами в обнимку. В итоге, земной Кактус устроил бы какую-нибудь масштабную гадость, например, сбросил бы бомбу, возбуждающую всемирный понос.

Ничего такого в Космике произойти не может, у нас вроде все вместе и одновременно очень-очень отдельно. Никому мозги не запудришь, даже не припорошишь, потому что каждый пожелает

для начала выудить из твоей Анимы всю подноготную. А раз так, то К015 просто хороший парень. Хотя чужаку и может навредить. Помню, одному марсианскому ковбою, который крокогоутов разводил, при ссоре накинул он на голову чугунный котел и «подключился», взявшись за ручки. Ковбоя-скандалиста так забило, что Кактуса вдесятером отрывали, завернув в три матраса.

Сейчас К015 мечтает вслух: «Хорошо бы пальнуть в какого-нибудь лося». А я его торможу: «Смотри, как бы от тебя самого рога да копыта бы не остались. Так что рассчитывай на вегетарианский стол и стул».

Карта у нас есть — мы, когда по небу крутились, рельеф местности слегка познали — но что-то сейчас с ориентирами не ладится. Куда-то все они попрятались или не на месте стоят. Магнитозвуковая аура душноватая. Я, кстати, своими рецепторами прилично чувствую магнитодинамические волны — те самые, знаменитые МДВ, что вырабатываются живыми тварями. Так вот, хищным духом напоен воздух — будто кто-то хочет нас сожрать, оставив лишь скромные кучки дерьма на память. Мы, кстати, приземлились именно в том квадрате, где магнитография показала слишком резкие изменения поля, чуть ли не вихри. Правда, ауральный пейзаж Земли для нас покамест в потемках. Вещи, дикие для Марса, боевой горы или спускаемого модуля, на планете-маме, возможно, являются обычными и никому не интересными.

А потом, несмотря на все страшные предчувствия, встретился нашему трехголовому отряду лишь старичок-сморчок. Без биоинтерфейса — Фикса его мигом на электропульсацию проверила — шастает по лесу, раздвигает травинки палкой. Как же такие люди прозываются? Грибари, расковырники? Рожи, конечно, у аборигенов на уровне — по ним будто теркой прошлись, — а глаза прямо бусинки.

— Самое время грибочками заняться, — самостоятельно объяснился старикашка и справился заодно. — Вы куда, господа хорошие, бредете? Не заплутали?

Чувствую, Кактус уже напрягся, почуял вражьи происки, уже готов врезать и похоронить в своих объятиях первого встречного. Поскольку я командир группы, старенького гасить не будем, пускай еще покоптит. Может, он знаток фольклора? Так и хочется старперу скомандовать: «Ну-ка, сказки рассказывай, не то хуже будет». Увы, толковать придется совсем о другом.

— Мы, милейший товарищ, туристы в этом сумрачном лесу, но от твоих объяснений не откажемся.

— Плутать здесь даже дураку негде, — отрекламировал

местность старичок и так нудно стал живописать путь-дорогу до ближней деревни Оммены, что еле Кактус его унял, приобняв за щуплые плечи.

Гладкость в общении имелась, и деревню мы нашли после такой наводки, только вот не понравилась мне старикашкина МДВ-аура, о которой он, конечно, без понятия. Была у него аура свежего покойника. Никаких магнитозвуковых «свистов», которые возбуждает нормальная психика с ее жадностью, завистью, подлостью и недоверчивостью — ничего нормального. Полный покой нарушался лишь легким ауральным «шипением», намекающим на… стремление старого пенька к какой-то великой цели. Хотя надо учитывать, что я чайник по части землянских аур. Может, старикашка — йог, как наш знаменитый Шри Василий Адвайта?

2

Оммены — деревня в классическом понимании этого слова, без всяких модернизаций, не говоря уж о кибернетизациях. Памятник эпохи застоя и запоя. Люди, как и сто лет назад (так и хочется добавить: вперед), копаются без особого успеха в грязи. Никакой вам гидропоники, не заметны следы довольства и труда. Ни ощутимого полеводства, ни особого животноводства. Огородик подле кривобокой избенки, да коза на колышке над последней травкой издевается — вот и все сельское хозяйство. Из лесу изредка раздается звук пилы — это местные бабы стараются помаленьку, а мужики здесь вообще свои силы уважают и попусту не расходуют. Деревня такого отшибного вида, что даже сельсовет и тот за двадцать километров. Никакая автодорога к ней не приводит и от нее не уводит. Тянется сюда только железнодорожная ветка, по ней раз в неделю добирается пара вагонов для скудного обмена местных идей на городские товары.

Кажется, наши планировщики перестарались, выискивая периферию. Везде есть застойные зоны, но тут поначалу я был шокирован. А меня не смущали даже стальные радиоактивные трущобы Ретрограда, что на Марсе. Но там другое, там люди в такую задницу угодили, что как ни вертись — не выкарабкаешься. А здесь ни от кого ничего не требовалось. Где-то фурычили кибероболочки, развращая и насыщая, но в Омменах без них было темное царство, лишенное всякого проблеска. Это мой первый вывод для отчета о пребывании на Грязи.

Народ в деревне соответственно обстоятельствам был жмотистый, злобненький, нерасторопный. Подверглись мы

мучениям — особенно я, как высокая договаривающаяся сторона — прежде чем удалось найти место пребывания и жратву (свой харч из-за проклятой маскировки не взяли).

Естественно, что мы накололись всякими средствами для увеличения восприимчивости психики к местной специфике. Наконец, когда говорок у меня стал совсем придурочный, удалось войти в сговор с одной бабкой. Она даже кое-что метнула на стол, из того, что уже портится стало. Что меня в этой бабке привлекло — аура у нее нормальная, «свист» жадности ого-го-го какой, у меня рецепторы мигом заложило. «Как-то пахнет не очень», — пожаловалась Фикса, втянув воздух, доносящийся от харчей. «Не хуже нас», — отразил укор я и покропил кушанье антидотом. Кактус же сразу перековал орало на жевало и кинулся к жратве. Кстати, не сплоховал. Хотя здесь вместо наших автопитателей применялся аппаратно-программный комплекс, состоящий из миски, ложки и инструкции, как ими пользоваться — твердо усвоенной нами еще во время тренировок.

Вечером появился бабкин племянник, пьющий мужчина Финогенов. В нем, по счастью, еще сохранились атавизмы абстрактного гуманизма, он нас и поставил на улучшенное довольствие. А выжрать спиртового продукта он мог гораздо больше, чем даже бродяги-золотодобытчики с марсианского плато имени Горького. Это вполне естественно, потому что во всей нашей Космике или сила тяжести пониженная, или воздух разреженный, поэтому пьющие организмы как следует натренироваться не могут.

Во время пиршества я регулярно срыгивал и испарял свои стопки, следя за показаниями Анимы, которая заботливо мне сообщала процент алкоголя в крови. Но Кактус слишком вжился в среду и, как главный здоровяк, старался изо всех сил. От него было много смеха, переходящего в ржание. Однако, после всасывания десятой стопки он надорвался. Выбрался во двор и, потихоньку рассыпая искры, упал в грязь лицом. Я, старый космический волк, не без содрогания воспринял слова Финогенова, что конец веселью наступит, только когда полная стопка пересилит его жилистую, похожую на граблю руку.

Но и полезные сведения я от него тоже взял. Оказывается, лет десять назад имелись в Омменах кибернетизированные свиноферма и птицефабрика. Системы работали, местная публика предпочитала им не мешать. Аборигены были уверены, что без их участия всяко лучше. Потребности поднимались, а способности соответственно снижались до того уровня, когда на рабочем месте достаточно попивать пивко и забивать козла. Морды опухали, носы краснели, труженики разучались даже тому

немногому, что некогда умели.

В итоге, оставленные наедине с автоматикой скоты и куры передохли от какой-то непонятной тоски, хотя для них даже телевидение имелось, каждой породе своя программа. «Ждем у экранов только баранов.» Трубы и стоки забились, почвы и воды отравились всякой дрянью, киберсистемы растерялись и разладились. Понаехали потом активисты из города, сказали: надобно самого человека менять, чтоб жить-не тужить ему в симбиозе с кибероболочками, как горожане живут. А для начала — отворить ему жилы и закачать в них новую кровь марки «голубой кисель». Если ты ленишься или что-то подзабыл, кибероболочка через «кисель» тебе поможет своими сигналами нужные движенья совершить. Мужики это поняли как «не умеешь — заставим», никто не явился к приехавшему для замены кровей спецвагону — хотя и пообещали всем согласившимся большую премию. А ночью особый вагон даже подпалили и разграбили.

Конечно, несколько грабителей-поджигателей было отправлено на нары. Но поскольку случаев сопротивления в округе накопилось много — бестолковые сбились в банды и палили из обрезов в специалистов кровяного дела, — то эту петрушку стали потихоньку сворачивать. Особенно после того, как кто-то взорвал под Питером завод по производству «голубого киселя». Так что отвязались активисты, сказав на прощанье: пропадайте, мужики, себе на здоровье.

А в городах, по сообщению Финогенова, давно проросла новая порода людей, которые сами ничего не соображают. Подключены такие болваны к оболочкам, сидят рядком, да и производят ладком всю промышленную продукцию. Тот же, кто полностью не подключен, на работу не ходит, чтоб не навредить; не пьет, не курит, но сидит в шлеме-галлюцинаторе и балдеет.

Но сейчас беспокоили Финогенова новые напасти. На озере, поблизости, ученые завелись на плавучих островах. Раньше вместо них на воде болтались баржи, переделанные в бардаки. Имелись там раздевальная изба со всяческим стриптизерством, массаж интимных мест, казино «палей в рояль» и разное веселье. Было, где самогон сбыть и где обобрать какого-нибудь любителя сальных радостей — если он в деревню ненароком забредет. Тогда даже водились купюры в карманах у омменовских мужиков. Но бабы-дуры накатали телегу прокурору, за что были потом неоднократно биты мужьями. Пришел закон и частников не стало, хотя цветастые гондоны до сих пор на ветках развеваются. А с тех пор как приехали научные начальники, ничего хорошего уже не случалось. Мужикам на озеро путь-дорожка закрылась, кругом забор, ни рыбки половить, ни искупнуться. Никакого

обмена не стало. Попробуй, предложи «доцентам» что-нибудь купить или продать, шуганут от стены электрическим разрядом так, что будешь лететь, как зеленый горошек. Между прочим, непонятно Финогенову, чем они там кормятся, из чего острова лепят плавучие — по «железке» к ученым ничего не прибывает, лишь изредка навещает их геликоптер.

Финогенов от своего рассказа раздухарился до невозможного покраснения и заключил торжественно:

— Я тожно свою бабу поколачивал за создание такого нездорового морально-политического климата. Вот она и ушла к ученым за забор. Многие туда улепетнули из деревни. Говорят, там вообще работать не надо, жизнь сытая, только в экспериментах участвуешь — проверяют на тебе плавучесть острова… А я сейчас как пойду да и поссу им под забором за все такое.

И вот передовик по пьянству поднимается из-за стола и с решительностью, достойной лучшего применения, и движется, надо полагать, к озеру, где засели его обидчики. Надо бы к нему пристроиться, чтобы понаблюдать за реакцией зазаборных ученых. Кому идти следом? Искрозадый Кактус наш совсем разладился, Фикса же не очень жалует Финогенова. Узнала, что тот бабенку свою метелил, и даже отвернулась — видно боялась вмазать сгоряча — но аура ее жужжала от праведного гнева.

Раз так, я, соблюдая дистанцию, эскортирую — надеюсь, почетно — нового друга. Деревня на пригорке, за ней на склоне густой ельник — кажется, верным словом эти заросли назвал, — и вот растительность резко редеет. Финогенов впереди меня шагов на десять, бежит, матерится, любо-дорого послушать, ярость жаркой пульсацией сотрясает его ауру. А потом я этот забор почувствовал, вернее то, как он ультразвуками прощупывает местность — довольно плотный гул. Я, конечно, сразу шумопоедатель включил, чтоб не выделяться из пейзажа.

Вскоре после этого меня что-то хлестнуло по глазам, причем не ветка. Дикость какая-то! Ночь лунная, у меня зенки светочувствительные, поэтому не мог я пропустить такой подлый удар. Но пропустил. В глаза будто бенгальские огни залетели, и по мозгам мутные пятна проплыли. Когда боль унялась и в котелке прояснилось, я понял: пропал Финогенов за те секунды, пока я кручинился. А все другое осталось: четкие, будто нарисованные на фаянсе, ели, забор неподалеку, земля, закиданная прелой хвоей.

Я пополз, напрягая до предела свой электрический нюх — нигде мужичье тело не лежит. Только магниторецепторы зафиксировали прокатившуюся ауральную волну. По

тренировкам помню: такая испускается голодными амебами. Последопытил я еще немного и нашел участочек почвы, внешне самый заурядный, однако, с аурой живого существа. Пока я прикидывал, поработать ли сквизером — все-таки это будет слишком заметно — смазалась странная аура и почти исчезла. Остался лишь небольшой фон, который можно списать на мох и погрешности наблюдения.

Ладно, будем считать, что Финогенов пропал из-за коварных мудрецов-озерников. Когда-нибудь их призовут к ответу, а сейчас пора сматываться, пока они руку не приложили к к моему безответному исчезновению.

По-быстрому вернулся я обратно в избу-ставку. Бабка по счастью уже отправилась на печку клопа давить. Я же вознамерился свою команду по-быстрому поднять да и тикать отсюда — чтобы нам не приписали уничтожения мирного селянина. Хочу уже крикнуть ультразвуковым матом в дремлющий мозг Кактуса, как вдруг дверь отворяется и тихо входит Финогенов. Весь важный, влажный, даже одежка выглядит будто свежестиранная. Аура у него странная, застывшая, в основном, как у покойника. И одновременно помеченная очень живенькой вибрацией, которая людям вообще не свойственна! Похожую я воспринимал только, когда простейшие, то есть Protozoa, делились в банке в процессе шизогонии.

— Финогенов, ау, где был? Ты что, в стиральную машину угодил?

Но явно протрезвевший мужчина, храня строгое молчание, словно мальчонка, у которого за щеками спрятаны монетки, проследовал мимо в свою комнатку. И при этом от него пыхнуло такой расслабленностью, что мне сразу захотелось отдохнуть.

Мужик — живой. Кактус давно выдувает электрические трели, хотя рука его и спрятана под мышку, где хранится лазерный меч «Мясоруб» для быстрого шинкования людей. Фикса тоже вроде отключилась. Однако, едва я улегся на лавку в стиле позднего репрессанса, подняла голову. Я соратнице стал напевать колыбельную про странные ауры на планете Грязь, про тот фокус, который учудил хозяин избы, и, что мы, похоже, не смогли врубиться в местные дела. Но вскоре заметил, ей в сущности не до того — слезы на глазах космического монстра!

— Старая женщина — «бабка» назвала меня дочкой. Алекс, мне никто никогда не говорил это слово. Я ведь обычный инкубаторский номерок, вскормленный автопоилкой для женских смертоносных эскадрилий, я — всего лишь органическая начинка для боевой колесницы.

Тьфу на такое высказывание! Особенно мне не нравится,

когда меня по имени называют, я давно уж не в цыплячьем возрасте.

— Ты бы лучше всплакнула, когда размазала из импульсника старателя, который всего лишь шлепнул по попке твоей железобетонной. Его уже предупредили, он уже удирал на катере, а ты догнала и трах-тарарах…

— Я тогда не знала, что мне делать с моей обидой. В нашей эскадрилье все девушки были уверены в сверхценной своей миссии, все стремились к идеалу суровой воительницы… Старатель был таким же номерком, как и я. Одним-двумя меньше, какая разница — инкубаторы все равно поддерживают численность касты на необходимом начальству уровне. А сейчас вдруг дошло до меня, что дело не в количестве, не в мощности инкубатора, что можно быть не только боевой единицей.

Вот так Фикса, первая сломалась, хотя внушала доверие. Но увы, как незатейливо была уверена, что она валькирия, так же запросто и отреклась от своей сверхценной миссии. Надо бы поскорее отправить ее отсюда, пока не начала фокусничать.

— Бесхитростный ты бабец, К111. Дело не только в количестве, но и в качестве. Настоящее дело плодит героев, вспомни только войну с плутонами. И поменьше метаний. Человек, выжимающий одной левой сто кило, не подходит для душевных мук. Есть божественный ветер, тот самый, что создал Космику, что раздует ее на всю галактику. А ты струйка в нем. Ты все такое забыла, потекла как сироп — а ИМ ведь только этого и надо.

Но моя проповедь-отповедь не завела Фиксу на борьбу.

— Кому ИМ? Это только мы все время накрученные, машем кулаками в воздухе, да так, что палуба из-под ног вылетает. Война, если и была, давно закончилась. Даже на Земле, кибероболочки слезают с людей, как старая кожа со змеи. Здесь ведь можно быть человеком, центром семьи, куском деревни, другом козы и коровы, сестрой белки в лесу, родственником дуба на полянке, а не какой-то там струей божественного ветра.

— Вот именно, дуба.

Я вижу разговор напрасен, ей теперь только промывание мозгов поможет или перевод в сословие «мусорщиков», куда сбивается всякая шушера. Я уже повернулся разочарованный на другой бок, чтоб ее не видеть, а она мне вдруг предложила:

— Чмокни меня, Алекс.

Я, конечно, вспомнил, как она разорвала пасть одному фобосскому монстрюку, мужику с большим зеленым хвостом, когда тот пробовал ее обсосать. Но от неожиданности все-таки потерял ориентацию и исполнил просьбу. С удивлением отметил,

что губы у нее не твердые, как чугун, а вполне мягкие, хотя в умении ей далеко до дев радости из Кузьмабурга, что на Луне. А может?..

— Может и палочку сообразим?

Я от своего предложения быстро похолодел, сейчас как рубанет ребром ладони по шее, и позвоночник пополам. Я, конечно, не старатель и не монстрюк, но у солдаток принято оказывать половые услуги только тем, кто их одолеет в учебном бою. Впрочем, она не рубанула.

— Наверное, завтра. Я оттаяла только самую малость.

— Ну, ладно, оттаивай дальше, потом все равно заморозим.

Спалось мне, прямо скажем, не ахти, пусть привычный я к напряженке, как мяч к пинкам. И вроде можно особо не волноваться, если что, Анима разбудит, плюс рука лежит на рукоятке моего размазывателя-сквизера, однако сон выдался тревожный. В нем была деревня, зыбкая как туман. Привычные очертания соблюдало лишь то, что попадалось на глаза, а остальное пенилось, крутилось, вытягивалось, принимало недолгий вид, жуткий, как у персонажей Босха. Вдруг, посреди всего этого свинства, Анима затормошила меня. И, хоть веки неподъемные стали как у Вия, я, тем не менее, продрал их. Биоинтерфейс резво принялся докладывать о параметрах моего организма — где и что выделилось — а меня больше всего заинтересовала господствующая аура. В ней звучало присутствие твари, нечеловеческая хищность, желание укусить и съесть.

Выйдя на крыльцо, я окинул внимательным ночным взглядом окрестности — никто не сочился теплом. Послал ультразвуки — никакого интересного эха. Потом через окно глянул пристально в комнату, где дрыхла наша команда. С Кактусом все в порядке, лежит смирно бревном и геройски храпит, заряжаясь энергией. А вот с Фиксой опять нелады, сама она дрожит, кровать под ней трясется — занедужила что ли? Надо бы ей заняться. Тут случилась у меня небольшая пауза, легкая прострация — наверное, от недосыпа. Впрочем, через десять секунд я был у койки с Фиксой. Вернее, без Фиксы, за десять секунд она успела потеряться…

Экий номер выкинула! Кактуса, что ли, поднять? Он все избу разнесет и деревню впридачу, но, что требуется, найдет. Наш К015 в Кузьмабурге именно так искал малыша, которого уволокли мутанты, чтобы расчленить на органы. Отлично нашел, правда нагромоздил кучу трупаков и от целого злачного квартала один кратер оставил.

Но для начала я догадался заглянуть к Финогенову, чем черт не шутит. Через замочную скважину протянул световод с

камеркой и разглядел. Законченное распроблядство. Фикса, голая, влажная, прильнула к этому сморчку и трется об него. Вот так валькирия, нашла себе героя. По сравнению с Финогеновым даже тот вшивый старатель был, можно сказать, сияющей звездой. Вскоре неприятно мне стало смотреть, то есть, слишком волнительно. Забрал я свой световод. Ясно, что с таким поведением должен разбираться офицерский суд чести. Прикарманил я девкин бластер и лег додавливать сон.

Правда, одно обстоятельство чуть не помешало мне угомониться. Опять эта странная аура, как у бацилл в фазе обмена генным материалом. Но все-таки я себе убедительно втолковал, что на Земле разной дряни намного больше, чем у нас, поэтому мне и пришлось столь отчетливо ее почувствовать. Дальше спалось хорошо.

Утром, выглянув во двор, я стал зрителем безобразной сцены. Бабка мылила Фиксе голову, сливала из кувшина на стриженую башку и напевала какие-то «трали-вали». Мужчина с большой буквы «М», то есть Финогенов, поправляя штаны, возвращался с победным видом из отдельно стоящей сортирной обители, где видимо избавился от части страданий. Очень все мирно, почти идиллия — то, что и нужно нашей оттаявшей до гнили Фиксе.

Наконец, откемарил свое Кактус и, заметив идиллию, сразу захотел ее разрушить, уже потянулся за своим лазерным ятаганом.

— Оттяпать ей дурной кочан, — предложил с готовностью К015, — лет десять назад за такое разбирались на месте. И сейчас мы снова на войне.

— Девушка, наверное, считает иначе. Лет десять назад нас душили с двух сторон, мы оправданно были злее. А сейчас наша задача — вникнуть в жизнь землян. К111 просто слишком хорошо вжилась… Оттяпать же всегда успеем.

— Парни, готовьте емкости, — крикнула бывшая соратница. Когда я наблюдал, как она неуклюже, но старательно раскладывает по столу плошки, тарелки, горшки, меня чуть не вытошнило. Надо ж, как человека жизнь вывернула. А когда она села и прислонилась к своему Финогенову, я чуть не свалился — у моего стула и то ножки подкосились.

— Кажется, наш дружок-сморчок сумел услужить пришелице со звезды, обладательнице большой п…

— Продолжения не надо, — оборвал я ультразвуковой шепот Кактуса. — Ты несправедлив к бедной девушке, твоим зубастым ртом зависть говорит…

Я прислушался к тому, как звучит аура нашей (или уже чужой). Фиксы. Опять недоразумение.

— Кактус, такое впечатление, что соратница испеклась уже. У нее аура покойницы. Срезан почти весь психоспектр.

— Для нашего дела она умерла, вот что, — бесхитростно заметил Кактус.

Я еще поднапрягся своими магниторецепторами.

— Или все-таки мертвец начинает вести себя повеселее, некоторые шипения и посвистывания уже прослушиваются, но как будто издалека.

— Издалека? Значит, она под телепатическим контролем. Давай все-таки размажем эту, понимаешь, зомби по стене или превратим в фарш, которым птичек кормят. — К015 честно искал выход из положения.

— Знаю, Кактус, знаю, что с тобой. Ты на такие грубые дела нетерпелив, можешь не напоминать. Успеется… Стану слушаться я твоих умных советов, так быстро обезлюдеет вся наша экспедиция, только подметки от башмаков и останутся. Надо ж разобраться. Я вот, например, думаю, что это забор напаскудил. Как только там Финогенов побывал, психика стала разлагаться то у одного, то у другого.

— Что-то связанное с химией, Штеккер?

— Скорее, с физикой, друг мой. Сказав это, стыдливо умолкаю, потому что в данном редком случае я знаю немногим более тебя. Есть только микроидея: любого, соратника, несоратника, можно взять под контроль без помощи интерфейса и искусственной крови… Поведай мне, скрытый умница, откуда берется аура, то есть пакет магнитодинамических волн?

— Чего ты задираешься? Я зачет по МДВ давно сдавал, да и то списывал. Ну, кажется, это колебания в жидкости и газах, происходящие из-за электрических токов в голове — дельта-ритмов. А токи из-за какой-то там еще психической активности…

— Ты не бойся говорить что-то похожее на правду, верной ведь дорогой идешь. Так вот, психика как бы оставляет след в окружающем пространстве, прозываемый МДВ-аурой. Но почему бы не существовать обратному воздействию? Вдруг стоит где-то штуковина по прозвищу генератор, излучает волновой пакет, похожий на пульсации животной ауры. И этот пакет резонирует с содержимым нашей головы. Под черепной крышкой возбуждаются или гасятся какие-то токи и ритмы. От этого муть там образуется и ненужные эмоции. А в итоге, можно позабыть цели и задачи, поставленные «Уставом Войны» перед каждым кшатрием.

— Не люблю я твоих умничаний, липовые они у тебя, — признался Кактус, откровенно нарушая субординацию. — Особенно, когда ты долдонишь мне, что все вокруг просто замечательные люди, только вот какое-то говнецо в них

резонирует. Передо мной не надо притворяться мудрым, я ведь в курсе — приличные мысли в твоей башке не водятся. Хоть ты в толковый, хоть в бестолковый словарь заглянешь. Меня другое интересует — кем сейчас заниматься?

— Эх, разговорчики в строю. И это называется мой подчиненный. Да займись ты хоть теми, кто на озере плещется.

— Ладно, но прежде, чем лезть мне невесть куда, рискуя собственными яйцами, я требую, чтоб ты отправил Фиксу на анализы. Нашим в лес или еще повыше.

— А если она не захочет?

— Слушай, не надо глупых вопросов. У меня захочет. В любое место, — успокоил Кактус. — Но ты вначале своими руководящими воздействиями замани ее в сарай… Попробуй только застрять на этой скамейке на манер сидячего памятника.

Разговор, не доступный остальным сотрапезникам, после такой угрозы стих. Все это время Фикса вела с помощью обычных звуков беседу о том, каких скотов можно доить, а каких нельзя и, кажется, наслаждалась своей глупостью.

Через полчаса я заметил, что девушка куда-то засобиралась, тачку даже ладит. Пора тормозить, иначе Кактус мне не простит.

— Ты куда, пейзанка дорогая, снаряжаешься? — елейным, даже приторным голосом осведомился я.

— На станцию мешки с удобрениями завезли. Надо помочь Василию забрать их. Если хочешь, давай с нами.

— Лейтенант К111, тебе ничего не надо из того, что требуется Васе Финогенову. У него свое удобрение, у нас свое, — уже твердо, с легким дребезжанием в голосе надавил я.

Она, как ни в чем не бывало, продолжила свои занятия. Тогда зашел я в сарай, где и выдернул деревяшку из поленицы. Она естественно развалилась, чуть меня не угрохав. После этого я обклеил матюгами ни в чем не повинные поленья и стал вызывать помощь. Дескать, ой, эй, убился. А сам в щель сарайной стены поглядываю, как там Фикса реагирует, адекватно или нет.

Она задергалась, она чувствовала подвох и провокацию. Даже аура ее оживилась и расцветилась какими-то странными волнами. Первый раз в жизни был свидетелем такой нерешительности у кшатрия. Наконец, после долгой паузы, звенящей от изрыгаемых проклятий, она все же подошла к моему валяющемуся на земле телу. Я, как и полагается по сюжету, жалобно закряхтел.

— У командира все заживет и полный порядок, если ты будешь, валькирьюшка наша ненаглядная, вести себя прилично. И не станешь перенимать всякую глупость у грязнуль, — внезапно появившийся Кактус надежно заслонил проход. — Ты разве забыла, что у тебя есть мы — родня твоя фактически.

— Вы не родня мне, а попутчики. Сейчас же совсем осточертели, — напомнила Фикса, — вот скажу Василию, и он вас отсюда вышвырнет, как котов, поганой метлой. Тогда никто вас в деревне уже не пустит к себе. Я была бы рада увидеть ваши удаляющиеся затылки.

— С каких это пор мы тебе осточертели, а Вася милым стал? — уточнил Кактус. — Разве нормальные люди меняют так быстро свои взгляды? По-моему, тебе в подсознание уронили большую кляксу. Но не волнуйся, у нас есть промокашка.

Она не хотела бесед и политинформаций, в ее ауре даже не звучала неприязнь — лишь какие-то «свисты», характерные для окукливающихся насекомых. Фикса-ренегатка, чтобы выйти, просто взяла и оттолкнула Кактуса. Причем, этот здоровенный жлоб чуть не упал! Я так надеялся, что он не схватится за свой «Мясоруб» — и Кактус-молодчик не подвел, совладал с собой. Он выбросил в направлении Фиксы свою осененную разрядом руку. Какое-то мгновение, которое всегда венчалось успехом. Но сегодня успех перешел на другую сторону. Мгновение растянулось — К015 казался несколько задумчивым. А разряд его будто уткнулся в экран и закоротился. Раздался сильный щелчок, Кактус стукнулся оземь, запахло паленой кожей. Фикса шагнула через поверженное тело, однако не тут-то было. Вот за что я ценю К015 — он очухался, и, крутанувшись, сделал ей шикарную подсечку. Девушку бросило на поленья вглубь сарая.

Фикса вставала с непроницаемым лицом, а Кактус подступал к ней, нарочито играя искрами меж ладоней. Но все равно оставался заторможенным, будто вспоминал, какой собственно номер ему предстоит выкинуть. Когда К015 собрался снова показать свои способности, у меня неожиданно замельтешили темные пятна перед глазами. Мельтешня вскоре улеглась, но смотреть было уже нечего. Фикса оказалась почему-то сзади Кактуса, а он рухнул, кажется, от зверского удара в широкую шею.

Не ожидал я — экая К111 спецовка по рукопашному бою! И хоть в общем-то неудобно бить даму, решил поддержать осрамившегося товарища, которому явно стало не по себе. Я не нападал сзади, как последняя скотина, а подождал, пока Фикса повернется ко мне. Затем притворился, что упаду на руки и нанесу стригущий удар по нижнему уровню, однако же подскочил и в лучших традициях марсианской школы попробовал засадить в ухо. Я сделал нужные пол оборота, полюбовался, как выщелкивается моя нога и ботинок направляется на свидание с ее головой. Что было дальше — неясно. Пелена закрыла мои глаза, в ушах образовалась восковая пробка. И словно стайка пузырьков с

щекотаньем прокатилась по мне. Щекотанье кончилось очень плачевным образом. Я успел приземлиться, почувствовать рецепторами кого-то сзади и получить по затылку. Тело оказалось слабее духа, поэтому наступило затмение мозга.

Когда оно прошло, во рту было полно щепочек, как у дятла, из носа натекла красная лужица — я понял, что спикировал мордой в пол, причем благодарить за это надо именно Фиксу. Она как раз довольно элегантно выходила в освободившийся навсегда дверной проем. Напоследок бросила кому-то из нас: «Слюни сам подберешь или ведерко подставить?» Вежливая Анима сообщила мне нешуточную силу пропущенного удара и оценила происшедшее, как легкое сотрясение мозга. После чего дала хороший совет: полежать в койке и принять соответствующие препараты. Действительно, лежу и вставать не хочется. А когда с большим скрипом поднялся, то меня стало шатать и кренить. Впрочем, я мог понаблюдать, как из положения «на четвереньках» выбирается Кактус. У него был не самый здоровый цвет лица, а в нетвердой руке кувыркался лазерный резак. Кореш мой явно забодал носом полено.

— Сегодня какое число? — попытался я отвлечь его. — Пятнадцатое, да?

— У кого как, — и переключился на свое, «наболевшее». — Я ее порежу несильно, только немного постругаю. Потом обжарю вот этими вот руками. Если настроение поднимется, разрешу тебе приготовить из нее студень.

— Надежды юношей питают. Дорогой Кактус, старайся увеличивать промежуток между своими мыслями и делами. Студень из Фиксы не для нас, потому что мы на работе. С такими красочными эффектами мы просто рассекретим операцию, а, значит, завалим. Ты разве не понимаешь, что божественный ветер полетит не туда? Здесь на Грязи не принято сводить счеты столь серьезным оружием, мы же привлечем внимание всех их органов!

— Она и так нас заложит. — Кактус почиркал воздух плазменным резаком.

— Будь она агент Грязи, то сдала бы нас еще ночью, вялых и сонных. А вдруг она просто попала в эксперимент, стала мышкой белой? Допустим, местные мудрецы управляют ее поведением. Однако, совсем не обязательно, что они по совместительству выслеживают десантников с Космики.

— Да барракуда эта меня за живое задела!

— Скажи спасибо, что не за мертвое.

Кактуса пришлось гипнотизировать долго и упорно, но едва он немного расслабился, как во дворе подвалил к нему Вася и бесхитростно съездил по морде. Чтобы к Ксюше не приставал —

так Финогенов ласково прозвал нашу изменницу.

Я испустил истошный ультра-вопль: «Терпи, Кактус!». И тот, хоть позеленел, но выдержал. Впервые в жизни его пожалел. А когда я поднимался в дом, чтоб из окна понаблюдать за траекторией Фиксы и Васи, то крыльцо вдруг заскользило под моими ногами и все мои килограммы рухнули к его подножию. Под торжествующий смех Кактуса, который, наконец, отвел душу. Спокойно, это не диверсия, а просто заскок в моей голове. Только откуда он, неужели опять озерники постарались? Пока я клеймил их словами, одно страшнее другого, напарник мой на радостях вписался за стол. Хотел человек заглотить деревенский вареник, слепленный к полднику бабкой. И вдруг я понял: кончается Кактус — схватился за живот, согнулся, закряхтел. Потом К015 стошнил и лишь этим спасся.

— Пельмень-сука — живой, — объяснил Кактус, вытерев губы, — знаешь, как запрыгал в животе? Здесь все с подвохом! Кругом мины. Свяжись с нашими в лесу, авось они чего-нибудь кумекают. Или я тут всех взорву и расстреляю со страха. Смешаю деревню с дерьмом, как самый жуткий агрессор.

Конечно, ему с пельменем просто показалось. За эту чушь спасибо тем товарищам, которые за забором. Однако, от моих объяснений К015 просто отмахнулся. А вообще-то мы с ним братья по разуму, то есть, два дурака.

Увы, связь с лесной группой не наладилась. Придется топать туда — так может и лучше, уж больно Кактус полыхает. Оставлю-ка его у палатки цветочки нюхать, а сам приступлю к основной работе вместе с Тумблером.

Но ерунда продолжалась и в пути. На околице у меня вдруг ботинки прилипли к грязи, а у Кактуса — морда к цветку. Моему товарищу понюхать, видишь ли, захотелось. Растение расстрелять пришлось. А грязь эту я едва сквизером разметал, чуть без ног не остался.

Из-за таких заскоков нервы совсем расстроились. Кругом эта поганая аура, которая все норовит нагадить в мозги. Благодаря ей самые безобидные вещи хищными кажутся, каждая травинка и былинка трепет вызывает. Однако, когда мы удалились метров на двести от проклятой деревни, ауральные волны немного подправились, и вероломные нападения прекратились. После чего я даже порадовался, что оказался в здешних местах. Даже Кактус разделил мои положительные эмоции, определенно одобрив экскурсию на Землю. И мне приятно, что он получил свой подарок после всяческих унижений. Впрочем, покажи мне здешний пейзаж заранее, по визору, я бы скривил презрительную физиономию и отвернулся играть в карты.

Солнышко греет тебе щеки, листва играет светом и тенью, слева и справа окуривает своим сладким дымом малина. Радуюсь, но и тревожусь — не сглазить бы. И сглазил. Недолго мы по дорожке шастали с легким присвистом. Из малинных кустиков вылезло двое юнцов с противными мордами. У нас в Космике, при схожем раскладе, они бы вытянулись в стройные фигуры и отдали бы честь. Здесь «честь» они тоже отдали, но на свой лад. Один парень длинно плюнул в мою сторону, другой выделил поджопник Кактусу. Я их ауру сразу почувствовал, животная злостность меня как ветерком обдала. Опять накрученные балбесы поперек дороги! Себя-то я удержал от мести, а вот с Кактусом не получилось на сей раз.

Он, конечно, себе лишнего не позволял, когда разбирался с раздатчиком поджопников, но все равно получился явный перебор. Мышца Кактуса рывком увеличили потребление АТФ, поэтому наглый молодой человек был взят за шкирку и заброшен далеко в малину, откуда не донеслись никакие звуки. Все произошло слишком быстро, и К015 явно не успел разрядиться. Поэтому он, сверкая эмоциями, оборотился ко второму обидчику, которого я не заслонил лишь потому, что не хотел второго сотрясения своему не слишком крепкому мозгу.

Итак, я отошел в сторонку, дав зеленый свет расправе. Второй юнец оказался на свою беду весьма упитанным краснощеким кабанчиком, что подхлестнуло творческие поиски моего напарника. Он, ухватив толстяка за бока, подбросил в воздух, потом вытер румяными щеками свои башмаки, дернул током до трясучки (это само собой — фирменное блюдо), ткнул носом в какой-то собачий кал. Наконец, взял юношу за ногу, похожую на окорок, и раскрутил с видом метателя на соревнованиях. В итоге, туша взмыла в воздух и сотрясла землю где-то в середине кустов. Однако, увлекшемуся Кактусу и этого показалось мало. Он отправился следом, непреклонно хрустя ветками, чтобы подобрать свою добычу и еще потрепать ее. Но вдруг я сообразил, что наступила пауза, минута тишины, оттененная лишь каким-то чавканьем на фоне легкого шелеста листьев.

Я у Кактуса осведомился, чем он там занимается, не поступил ли из-за всех переживаний в педики. Ввиду безответности, пошел средь ломаных сучьев, пока не напоролся в конце недолгого пути на отвратительнейшую из сцен. На ветках и траве были остатки того, что называлось толстым юношей. Кое-где в листве просматривались расползшиеся кашей черты лица. Остальное превратилось просто в болотце. Кактус же ухитрился разжижиться и разложиться. Пока что в этой жиже оставалась целой лишь его голова. Она еще пыталась смотреть и пускала изо рта — не

скорбного, а вполне веселого — большие пузыри. А потом и она стала лопаться. В этот момент я рванулся и сорвал со лба Кактуса оголившуюся пластинку Анимы. Затем отскочил в сторону, что не помешало мне блевануть для облегчения, и, наконец, ударился в сверхскоростные бега. Когда отсчитал пару километров, тогда уж попрощался с К015: «Шуруй дальше, дружок, на самый верхний чердак рая».

Единственное разумное объяснение, которое приходило — ударили из какого-то сверхмощного сквизера по Кактусу и толстяку. Но это тоже показалось совсем неразумным — у кого в округе есть сквизер кроме меня? И почему не было слышно характерного звука выстрела, похожего на шум сморкания из большого сопливого носа?

Я, к тому же, несмотря на весь свой раздрай, хорошо прощупал малиновые кусты и все что поблизости. Однако, ультразвуковое и тепловое обследование не выделило никакой вражеской силы. Единственный намек — не слишком сильная ауральная волна, схожая с той, что бывает у инфузории, когда она захватывает какую-нибудь жратву. Но ведь это здесь обычное, как говорится, фоновое излучение! Разве может случится от него такой вред?

Нет, если я чего-нибудь не пойму в ближайшие пару часов, то вместо Кактуса разнесу эту сраную местность в клочья. Так все и закончится, если шахматно-шашечная башка Тумблера меня как-нибудь не просветит.

Т209 и К300 на месте не оказалось, только обрывки палатки. (Я огорчился, как однажды на Меркурии, где я три часа полз до герметичного санузла, а обнаружил там только свеженький кратер — метеорит нужду справил.) И еще всполошился из-за этих скромных лохмотьев. Но потом увидел на пеньке успокаивающую надпись, сделанную инфракрасной краской: «Если пойдешь вдоль змеящегося следа, мимо большого дуба на холм, то найдешь Тумблера и Курка».

В конце концов обнаружился змеящийся след от какой-то странной машины, не гусеничной, не колесной, не шагающей, разве что волокуши. А за холмом нашелся дом, который явно расположился в неверном месте. Ни одна дорога не соединяла его с внешним миром, только эти гадские следы сходились к нему веером. Что впрочем не отразилось на качестве хоромов: кирпич и толстые бревна, два этажа, теннисный корт. Неприятная аура и здесь присутствовала, но с этим я уже свыкся, как работник общественной уборной с соответствующими ароматами.

Судя по посланию, Тумблер с Курком встали на постой где-то здесь. Однако переться напролом не хотелось. Навидался уже

всяческих выкрутасов. Я, включив поглотители и термобалансеры, не пожаловал в калитку, а обклеился листьями и взобрался на дерево, достаточно удаленное от строения. Окна второго этажа оказались зашторены, а на внутренности первого этажа можно было полюбоваться, включив увеличение в очках.

Тумблер мирно дремал в кресле, словно какой-нибудь доцент или эсквайр, видно было, что принял душ и набил брюхо. Землянская антикварная книга на коленях. Детектор биологической опасности около тапок, тот самый, что реагирует на возмущения электрического поля. Кстати, это приспособление было встроено в мой организм, когда я еще сперматозоидным хвостиком вилял. Зато Тумблер умел не только умничать, но и по-настоящему думать, в отличие от меня. Поверх книги лежал кард-компьютер, который сообщался напрямую с его Анимой, а через нее с мозгами.

У человека фурычила башка, и это стоило приветствовать. Однако незакрытый кран нельзя было одобрить. (Учитывая, что на Космике редко воду дают — приходится фильтрованной мочой пробавляться.) Из коридора текло, у ног Тумблера быстро образовывалась лужа. Биологической опасности нет, а угроза наводнения самая насущная. Дрыхнул наш боец, хотя лужа уже ласкала подметки. И вдруг — отъявленная ахинея — вода начала вращаться вокруг ног и, не прерывая своего хоровода, бросилась на Тумблера снизу вверх. На коленях у него мигом появился странный крутящийся шар.

Внимание, включаюсь! Не сразу включился, а с запаздыванием. Хрустя ветками, свалился с дерева. Пока добирался до дома, несколько раз сам себе подножки делал. Фосбери-флоп через забор совсем никудышным получился, я наверняка заработал трещину в копчике. Все сегодня не клеится! Дверь — мощная железная сволочь, такую даже электронно-позитронным резаком не сразу возьмешь. Придется спасать товарища с помощью окна. Я поднялся на цыпочках и заглянул в комнату. Там Тумблер, уже вполне проснувшийся, но обалдевший от какого-то счастья, сидел внутри большого слизневидного шара, который крутился и поплевывал струйками. Пузырь катался по комнате, прыгал до потолка, мой товарищ тоже. При этом он не страдал от беспомощности, на лице запечатлелась радость. Неужели считал, что шарик повинуется ему? А ведь Тумблер был не какой-нибудь бычок породы «кшатрий», пускающий дым из ноздрей по поводу и без, а серьезная «головоногая» личность. Как-то во время аварии в поясе астероидов он сумел приспособить целое небесное тело, напичканное легкими металлами, для движения в зону, где проплывают рейсовые суда.

Выскакивающие из пузыря струйки-протуберанчики напоминали дрессированных змеек или пиявочек. Особенно своими извивами и поисковыми способностями. То и дело они хватали что-нибудь — щетки, расчески — и приносили в распоряжение Тумблера. Он блаженствовал, сидя в таком расторопном коконе, а я слегка оцепенел, наверное, залюбовался омерзительным действием. Ведь такое тоже бывает. Когда снова воспрял и собрался вызволять соратника, пузырь уже вовсю бурлил. А Тумблер стремительно уменьшался в размерах! Через секунду ему уже не нужны были брюки, потому что ниже пояса все отсутствовало. Это отразилось на выражении некогда умного лица, которое теперь стало идиотическим и блаженствующим. А пузырь-то людоедом оказался!

Я попробовал было вышибить стекла, но тут в сторону окна полетели «пиявочки». Рука будто двигалась сквозь подсолнечное масло, и эта гадость успела раньше. Она расплескалась об окно, а меня сей момент отшвырнуло, как ударной волной. В «котелке» забулькало, уши заполнились какофонией, глаза повернулись на сто восемьдесят градусов, мышцы пережили легкий конвульсиум. Я шмякнулся об землю сильно, однако не разложился на составляющие. Наоборот, сработала пружинка воли и я вскочил. Прыжок к окну — и опять какая-то неурядица с перестановкой ног — поскользнулся на рассопливившейся вдруг почве. Упал плохо, прямо кочаном в стену. Едва сумел смягчить удар, вернее его последствия, руками. Вот и второе мое легкое сотрясение за один и тот же день. Еще десяток извилин спрямилось, и должно быть нелишние мысли вылетели через уши.

Мое тело, похожее на сброшенный монумент, поднимается, но спасать уже некого — в пузыре осталась только развеселая маска, напоминающая о Тумблере, которая тоже вскорости растворилась. Номер кончен, пузырь, поглотивший Т209, оперативно становится вертящейся лужей, она веером ручейков усвистывает в коридор. Я только заморочен, а товарищ мой исчез. И пока что нечего противопоставить этим фокусам. Нет ни сил, ни знаний.

Я все-таки изгоняю прострацию — может, еще не спета песенка Курка? Для начала ему немного повезло, потому что я нашел бочку, закатил в нужное место, перебрался с нее на козырек крыльца, потом сделал несколько шагов по карнизу. И, наконец, смог поставить диагноз дорогому товарищу, разглядев его сквозь щель между штор. Он, оказывается, хорошо проводил время, этот наш аскет, нисколько не интересуясь предсмертными метаниями своего соратника этажом ниже. Время убивалось на бабу явно местного производства, с задницей, которая пленила

бы два стула, и буферами, что могли бы выкормить бычка. И наш знаток космической науки сейчас выдавал такие пенки, которые скорее подобали знатоку науки страсти нежной. Выучился ведь где-то, шельмец.

Значит, все же был наш Курок разнообразнее, чем казалось. Сцена была обставлена так: объект временной страсти разлегся на диване, лузгая семечки, и был пока что одет в халат. Бывший аскет с соответствующей улыбочкой подбирался к нему. Наконец, точь-в-точь как в запрещенном порновидике сунул руку в запах халата и давай там оперативно шуровать. Вначале я был несколько озадачен, подобает ли прерывать старания человека в такой откровенно интимной обстановке, даже при наличии вражьего окружения и потери бойцов? Кроме того, и посмотреть интересно.

Потом я все-таки встряхнулся на манер пса, выбравшегося из-под душа. Сейчас ничему и никому нельзя доверять, даже гражданке со смачными телесами.

Пока мой боевой настрой несколько растянуто превращается в действие, обваливается кусок карниза под башмаком. Я почти падаю, но все ж таки повисаю, впившись пальцами в подоконник. Включаю мощность бицепсов и дельтовидных, подтягиваюсь. Однако, в некотором смысле уже поздно.

Наш рукосуй Курок с головой ушел в запах халата. Он очень быстро втягивался во внутрь бабы! Курок еще пытался тапком зацепиться за кресло, но у предмета вдруг обломилась подпиленная, наверное, ножка. Я, держась на одной руке, с натужным кряхтением стрельнул из сквизера по толстомясой злодейке. Ей хоть бы хны, хотя выстрелом раскрошило стекло и растрепало штору. Словно в ответ подоконник одним своим концом стал съезжать вниз. Я кое-как ухватился за кирпичный выступ в стене и опять задержался. Руки были заняты, так что никак не повоздействовать на быстро меняющуюся ситуацию. Оставалось только ей «насладится». Сопротивление Курка, особо не начавшись, прекратилось, хотя был он еще жив и одной ногой почесывал другую. А кирпич под моими пальцами уже крошился, как кекс. Еще секунд десять понадобилось на то, чтоб закрепиться снова. Наконец мне удалось в третий раз поднять неожиданно тяжелую, как три булыжника, голову. Сопротивление незадачливого любовника давно прекратилось и дело стремительно приближалось к своему логическому (для кого-то) концу.

Прикрепился к потолку полупрозрачный мешок, в наружности которого улавливались черты той самой бабы. В частности его венчала голова с косой, волосы как раз вросли в

потолок. Внутри угадывались очертания слабенько подрагивающей фигуры Курка. Мешок пружинил, слегка подскакивая и опускаясь.

Я все-таки пробовал освободить одну руку, чтобы отомстить сквизером монстру-мешку за погибель моего товарища. Однако подоконник впился острым краем в правую ладонь, два кирпича странным образом защемили пальцы левой. Раненые конечности разжались. Недоштурмовав окно, я отправился вниз и долбанул землю не хуже, чем метеорит средних размеров. Конечно, пробовал немедленно вскочить — но не очень-то получилось. Нестерпимая сила множеством нитей проникла в мои поры, ухватила петельками каждую клетку, обвила весь организм и стала тянуть. Анима предупредила о нехорошем изгибе позвоночного столба. Я, выслушивая хруст собственных позвонков, кое-как повернул голову, чтобы глянуть вверх на проклятое окошко. Баба-мешок уже отцепилась от потолка и заполнила оконный проем — большая, широкая, поправляющая халат — внутри нее еще что-то устаканивалось, слегка колыхаясь.

Анима любезно напоминала, что внутренние органы подвергаются большим нагрузкам. Однако, эти сведения мало чем могли помочь. Меня крепко взяли за каждую молекулу и куда-то тащили; кажется, вслед за Курком. Да, похоже, этот лесной домик построен специально для невезучих парней.

Монстр-баба погрозила мне пальцем. Пока перст шел вперед, кровь отходила к спине и затылку, оставляя тьму в глазах. Палец отправлялся обратно, кровь вместе с болью бросалась ко лбу. Вредное существо покачало головой и тут же стал выворачиваться мой желудок, неаппетитно заполнился блевотиной рот. Даже умственные способности подверглись взбалтыванию, отчего из цельных мыслей получился какой-то компот. Страшная баба поманила руками-колбасками, и содержимое головы захотело вылезти через теменной шов. Я, пытаясь не отстать от столь важной начинки, лез по стене прямо в объятия пузатой ведьмы — усердно, как альпинист высшей категории, выискивая кончиками пальцев каждую щербинку. Изменить пагубный курс казалось столь же невозможным, как отвернуть ракету, падающую на Юпитер.

Смертоносное существо сочилось довольством: все у него ладилось и получалось. Я даже, находясь в умопомрачении, представил себе хвалебную газетную статью. «Отлично показала себя в полевых условиях новая продукция наших оборонщиков, с юморком названная „бой-баба“. Ею уничтожено двое диверсантов из элитных частей агрессивного режима…»

Но… Словно заряд пороха взорвался где-то в районе копчика

— и сплющенная, смятая в комок пружина моей воли распрямилась.

Тело замерло, вибрируя, словно было нанизано на упругую железку. В голове вихрем пронеслась вся Космика, крохотные огоньки разрослись в боевые горы, ревущая сила Юпитера и Сатурна проникла в мои жилы. Что мне теперь какая-то баба!

Бахвальство бахвальством, но спасение казалось еще более странным, чем сама угроза. Из меня, моих костей, мяса, жира вдруг вышел смерч, состоящий из плотных густых пульсаций. Я сам превратился в мощный излучатель. Смерч закружился вокруг меня, стал защитной оболочкой, которая впитывала вражескую энергию. Впитывала словно губка, а потом вдруг отжала узким направленным потоком. Монстр-бабу крутануло как юлу и зашвырнуло внутрь комнаты вместе с ее страшной силой, меня, напротив, кинуло со стены.

Спустя несколько секунд смерча как ни бывало, а я мчался по пересеченной местности, проверяя содержимое карманов — все ли осталось на месте после таинственных явлений.

Ломая ветки и сминая кустики, я пережевывал снова и снова едва закончившийся кошмар.

Каким способом уничтожали моих товарищей и посягали на меня? Может, это постарались смертоносные устройства из квазиживой органики? Но тогда бы я зафиксировал и значительное выделение тепла, и соответствующие изменения электрического поля. А ведь ничего подобного.

Да, катились ауральные волны. Как от пузыря-людоеды, так и от хищной бабы. Волны, характерные для фазы оплодотворения половых клеток-гамет у кокцидий, малярийного плазмодия и прочих Protozoa. Возможно, именно таким образом я воспринимал работу психотронного излучателя. Однако как связать псих-лучи с двойным убийством и тем, что творилось с моим многострадальным организмом? Как?

Над чем можно еще покумекать? Первый лептонный передатчик сгинул вместе с Тумблером, второй, может быть, у Фиксы остался — однако, между нами обводной канал и баржа с гробами. Но как-то надо повстречаться с резервной группой. А даже если мы пересечемся, какое облегчение принесет желанная встреча? Можно просто взмыть отсюда легче водорода. С другой стороны — нам ли, кшатриям, бояться собственных трупов? И, конечно же, если мы не расправимся с непонятной опасностью здесь и сегодня, завтра она, став вдесятеро мощнее, заявится к нам.

Впрочем, кое-что ясно. Жертвою становится тот, кто дает слабину, кто хочет словить какой-то мелкий кайф. Вначале

пострадал Финогенов, который ринулся к забору в страшно вздрюченном виде, потом зацепило раскисшую Фиксу. Я остался в сторонке, но схватило перепсиховавшего из-за Фиксы Кактуса. Наконец, пришла очередь Тумблера, явно изголодавшегося по свободному творчеству, и Курка, иссохшего по бабам. Что это такое? Простое облучение животной аурой? — как бы не так!

Не было ли заражения каким-нибудь вирусом или его братом по оружию, микробом. То есть, зверьки после недолгого инкубационного периода начинают выедать мозги, ослабляя воинские и гражданские достоинства? При этом дельта-ритмы у больных спрямляются (отсюда покойницкий вид ауры), в их ауре звучат только вибрации этих самых бацилл. Далее инфицированные легко становятся добычей психотронного генератора и превращаются в заводных дурачков, которым можно вдуть в психику, все что угодно.

Но почему я целее всех других? Иммунитет к инфекциям, стойкость в борьбе с псих-лучами, и как кульминация — вовремя закруживший смерч. Эти свойства характеризуют меня как великого йога, шамана, махатму! Однако разве есть что-нибудь примечательное в моей биографии, кроме взлетов и падений, причем чисто физических? Или я закаленнее других? Нет. Время физзарядки нередко предпочитал дарить десятому сну. А может умнее? Тоже неправда. Если отбросить в сторону гримасы на лбу — то совсем наоборот. По сравнению с Тумблером вообще дубарь. Добрее? Если это и имеет положительное значение — вряд ли. Злее? Гнусная ложь. Трудно было перещеголять в злостности Кактуса.

Итак, единственное, что можно писануть под подведенной чертой — в чем-то каждый из остальных меня перещеголял. А вот если на круг взять, получится из меня самый сбалансированный, самый симметричный во все стороны вариант.

Наверное, поэтому ко мне божественный ветер благоволит — премного благодарны — и в обиду не дает. Может, у всех имеется защитное поле, но оно какое-нибудь распыленное-разбросанное, а у меня плотненькое. В нем вирус с бактерией дохнут. Психотронный луч вязнет и гаснет. Пусть неясно со смерчем, а все равно хорошему делу возражать не будешь.

Под конец думного часа я, утомленно зевая, решил, что отнимать передатчик у Фиксы буду глубокой ночью, а пока можно отдохнуть.

Превратил с помощью сквизера одного пролетающего голубя в куриную котлетку — увы, пришлось, чтобы в животе было не так одиноко. Да и задремал, не дожевав сомнительную снедь.

Как ни странно, дрыхнулось мне вполне удовлетворительно,

никакие подлые ауры не снились. Только прихрапелось, что дома в деревне словно живые, жрут рубероид с крыши, выделяют слизь из окон и жидкий стул в нижней части стены.

3

Вскочил я, потому что в 22:40 Анима скомандовала «подъем». Я это умею — из любого сонного состояния сразу в позицию для ведения огня. Магниторецепторы подсказали, рядом что-то есть: живое, с психикой, но вот теплозрение и ультразвуковые крики не выделили никакого силуэта. Настроен, однако, я был решительно, поэтому для профилактики пшикнул сквизером по сторонам. Веточки деревьев оплыли, как пластик, и откуда-то из-за кустов послышался… Крюк:

— Так хорошие мальчики не поступают. Принято говорить: «Стой, кто идет?»

Я чуть не запел, когда увидел фигурятины наших резервников, особенно приятные ножки Кнопки.

— Ну, такие-разэтакие, вы бы еще пару деньков поскребли наверху атмосферу, и я бы стал совсем скверный, тухлый мальчик.

Я им, конечно, порассказал, захлебываясь, какие творились дела в их отсутствие. Заключил свою речь вещими словами, что лишь тот, кто побыстрее смотает отсюда удочки, может рассчитывать на успешное продолжение своей автобиографии.

Но лейтенант К678, вернее Кнопка, с ходу мне стала перечить.

— Видно, что ты устал, нервничаешь. Говоришь много, интересно, красиво, но со страхом. Адаптационный невроз. У тебя не голова уже, а горшок для вложения всякого кала.

И Крюк ей поддакивает:

— Молодец ты, Штеккер. Хорошо поработал, но все-таки перенапрягся и растерялся. Может, пора на боковую, в анабиоз? Это, говорят, успокаивает.

— Я бы на вашем месте так не старался отправить меня в холодильник. Вы тут без меня недолго прыгать будете.

— Ты даже не врубился, что Фикса — просто землянский агент, а еще вернее, кукла плутонов, недоистребленная в свое время, — обвинила меня в недотепистости Кнопка. — Оставлять ее здесь нельзя, слишком много знает. Вместо того, чтоб руки заламывать, лучше бы ее ликвидировал по-быстрому.

— Будь она агент, я бы уже с тобой не балакал. Она дала мне уйти, даже не попробовав завербовать. Уж в этом-то я не совру,

проверь, если хочешь, мою Аниму.

— Ты рассуждаешь про такие дела, как школьник, насмотревшийся шпионских фильмов. Агенты разные бывают. Что толку тебя завербовывать и отправлять обратно на Космику? Ты на второй день пойдешь там сдаваться с повинной. Тебя своим сделать надо. Заодно и остальных десантников дождаться. На это и было выделено время, которое, однако, станет работать на нас.

— Микробы в башке вряд ли на нас работать будут.

— Ой, какие микробы, я тебя умоляю. Когда они в башке — это обычный менингит. А неострое воспаление называется сифилисом, и влияет на мозги лишь спустя пятилетку после неосторожной любви. Это, во-первых. Во-вторых, пузыри и бабы, хватающие людей за живое, не более чем мультяшки. Знаешь, есть такие прозрачные пленки-экраны, на которые выводится объемное изображение. Наших ребят, наверняка, просто застрелили, а тебе, вернее, твоей возбужденной психике показывали фильмы ужасов. Что тебя тянуло куда-то, шатало, мутило — совсем неудивительно, учитывая, что твоя нервная система обрабатывалась магнитозвуковыми пучками. То есть, ауральными волнами. В-третьих, ты действительно показал себя орлом, раз выявил психотронный излучатель…

Ну до чего в моем вкусе эта маленькая решительная, как комарик, К678. Знаком-то я с ней слабо, но рассказывали, что она в марсианском оазисе пошла в гости к мутанту, который всех женщин превращал генными выкрутасами в растения на грядке, и сделала из него удобрение для той же самой теплицы.

И вот заработали мы так, как нравится Кнопке. В 23:20 вышли к деревне. Подкараулили Фиксу, когда она решила что-то сыпануть курям, да из сквизера — шпок. И нет К111 на Земле, как и не было, исчезла проблема. Все надежно, превратившаяся в квашню шпионка не собиралась больше подавать признаки жизни. Осталась только пластиночка Анимы, которая будет сдана после экспертизы в архив. Наверное, мы поступили не по-товарищески, но заповедь «не убий» скорее соблюли, чем нет. Сколько народа могла бы погубить своей изменой Фикса — коэффициент превышения добра над злом у нас нормальный получился. Но тут меня легкое сомнение обуяло. Кто ж вызвал с помощью лептонного передатчика резервную группу, да еще спецкодом? Кроме Фиксы больше некому. А вдруг погорячились мы, ошибочка вышла, допустили брак в работе? Тогда К111 не злокозненный агент, а просто жертва обстоятельств.

— Не расстраивайся, — успокоила меня Кнопка. — Она поторопилась нас вызвать, потому что у ее паханов принцип «давай-давай, быстрей-быстрей». Думали они, что мы в Фиксе

снова уверимся после такого обманного хода и примем обратно в свои ряды. Как бы не так, — и по-девичьи хихикнула в ладошку. — А даже если Фикса не агент, даже если она просто засомневалась в «Уставе Войны»? Это разве ее оправдывает? До таких гадостей, как спариваться с грязнулями и бить собственных товарищей, докатилась ведь только она. Нет, от нее одна беда.

Тоже верно, сойдемся на этом. Включили мы поглотители-отражатели и пошли на приступ с южной оконечности озерной стены, где заросли кизила и хорошая скрытность. Съели, конечно, таблеток, чтобы успокоить эмоции, от которых, как известно, основная аура и образуется.

Первый этап, и первая осечка. Мы с Кнопкой перемахнули через трехметровый забор с помощью пневмопрыгов, а Крюк ногами прыгнул. Мы, конечно, этому не удивились, мускульные миофибриллы у Крюка растянуты долгими тренировками, и внутреннее топливо АТФ он умеет производить в лошадиных дозах. На некоторых астероидах ему под силу и на первой космической скорости подскочить. Но тут какие-то концы с концами у него не сошлись, он взял и потянул сухожилия, да еще захромал. Срочно провели мы планерку и решили, пусть Крюк отдохнет, мы и без него разберемся с местными хулиганами. На таком решении, кстати, особо настаивала Кнопка.

Оставшиеся в строю бойцы надули свои поплавки, напялили дыхательные маски и тихонько-тихонько погребли где-то на глубине метра. Внешний ауропеленгатор — в кармане — должен был нас вывести на источник гнусных излучений.

Рассмотрели по дороге, какие тут островки. Искусственные, из какой-то органической смолы, раздувшейся благодаря химическому взаимодействию с водой. Они напоминали не то кувшинки, не то медузы, внизу даже имелась бахрома из щупалец и стебельков. Остров, на котором находился излучатель, был к тому же самым большим и крепким. Судя по всему, родился он много раньше других. Впрочем, он продолжал разрастаться и отпочковывать сыновне-дочерние островки. Естественно, я не мог прочувствовать их ауру своими рецепторами — меня надежно блокировали экраны-поглотители.

Вода в озере повсеместно дохлая, неживая была, а под тем островом-пупом даже на дне пустота стерильная.

На пару метров ниже уровня озера нашлось окончание большой трубы, причем дристала она по-крупному. Нам такой непарадный вход больше других подходил, хоть и был заделан решеткой. Помазали ее пиронезином, подожгли смазку, и через полминуты подводного горения железка искрошилась. Ворота открылись и пригласили гостей. Фановая труба весьма

интересной вблизи оказалась. Сделали ее из какой-то квазиживой органики и получился вылитый портрет прямой кишки — мягкие стенки, сокращаясь, гнали жижу наружу.

Пробрались мы по горизонтальному участку трубы до люка, вернее, периодически надувающегося и сдувающегося пузыря. Когда он дырку открыл, чтобы выплеснулась очередная порцию дряни, мы туда зашвырнули зонд, который нам разведал дорогу, потом сами рискнули. За пузырем труба поворачивала к небу, так что нам стали помогать вакуумные стеноходы.

Можно было предположить, что упремся в какой-нибудь венчающий это дело унитаз, но обошлось. Добрались до шпигата. Какие странные вещи в определенных обстоятельствах могут возбудить радость!

Шпигат был на болтах, которые Кактус просто бы отвертел, а мне пришлось опять помазать своей пастой. После успешного преодоления преграды мы с Кнопкой очутились, как это частенько бывает у героев романов — в мрачном подземелье, на бугорке. Впрочем, помещение только казалось подземельем.

Пленки-мембраны, батареи силовых устройств, отовсюду — из пола, стен, потолка, гибких труб — брызжут струи и даже гейзеры какого-то непонятного дерьма. Образуется жидкостная взвесь, которая под управлением некоего поля пульсирует, густеет и принимает объемные формы. Порой это напоминает бьющиеся на ветру паруса. Весь пол в жиже, которая, поднимаясь до уровня какого-нибудь люка, падает в выводную трубу. Я люблю свежий воздух и даже несвежий, но тут токсины так перли в лицо, что фильтратор едва успевал их осадить. В общем, это был цех, хотя и на большого любителя.

А потом по очень шаловливому прыгающему мостику мы пропутешествовали в другой цех — вслед за «парусами», плывущими на конвейере. Тут они попадали под действие аппаратов более привычного вида — штамповочных, напайных и набивных, а также центрифуг. Экскурсия показала, что в последующих цехах все становится еще более прозаично — там были установки для склейки, окраски, подпайки. Дальше начинались склады готовой продукции, на которые транспортеры выбрасывали все: от ползающих ковров и прыгающих стульев до шагающих компьютеров и имитационных игрушек. Игрушечные звери — лающие, хрюкающие, какающие — мало чем отличались от натуральных, хоть посылай их на замену тем, кто томится в лесу и тянет срок в зоопарке. Получалась у местных умельцев даже жратва типа колбасы и печенья. В этом деле до совершенства не доходило, даже на мой неискушенный зуб, но эрзац раскусывался и проглатывался, вызывая ощущение сытости

в нижней части организма.

На такие склады, по идее, должны были трудится десятки отраслей и заводов, а здесь все лепилось в одном отдельно взятом месте, несмотря на заведомую убыточность. Видимо, здесь интересовались не прибыльностью, а удачностью подделки. Так соригинальничать дурачкам-землянам, конечно, кибероболочки пособили.

Остро хотелось найти пульты управления производством. По крайней мере мне, потому что Кнопка все время суетилась и куда-то торопила. Наконец, обнаружилась дверца с запрещающей надписью. Из той комнатки еще пару кабелей выбегало. Я подал на них сильное микроволновое излучение и просканировал задверное пространство — там была пультовая аппаратура, прощупывались и линии сигнализации.

Пришлось портить стену. Просто замечательно, что у меня в кармане завалялся электронно-позитронный резачок. Дыру проделал в пять минут. Затем я немного разочаровался: главный пульт в секретной комнатке отсутствовал. Стоял там и помигивал огоньками мультипрограммный аппарат, а труба подводила к нему исходную жижу. Но функционировал он довольно вдохновляющим образом.

На экране набираешь масштаб и вид необходимой тебе вещи, также количество экземпляров и материал, которому подражать надо. Давишь красную кнопку. Аппарат хрюкает, урчит и, наконец, в прозрачный футляр падает то, что заказывал. Например, золотые кольца, монеты, браслеты и так далее. Можно пощупать — это не дуриловка с помощью голографической пленки-экрана. Кстати, у нас на Космике золото ценится, за него старатели бабушку родную сдадут. Даже правительство покупает его по приличным ценам. Все равно получается дешевле, чем выдалбывать из железа на ускорителях. Аурум позарез требуется, потому что защищает от всякой назойливой телепатии и прочих внушений.

Я настропалил как следует аппарат и заработал горсть золотых царских рублей, К678 попросила себе браслет на ногу. Наверное, золотишко не совсем настоящее, но вид и вес! Но вполне положительный спектральный анализ! Как научились земляне из какого-то дерьма получать благородный металл? Что за реакция синтеза и какие элементарные частицы применяются в виде катализаторов? Ладно, это вопросы физикам-химикам… А что, если продавать помаленьку такой вот мираж где-нибудь на астероидах? У какого перекупщика под рукой электронный микроскоп найдется?

В воздухе запахло миллионом. Будут такие бабки, что можно

от дальнейшей службы отмазаться и уйти в купцы первой гильдии — тут уж зад не надо выставлять на сжигающие лучи и высушивающие ветры. Снаряжаешь себе экспедиции за барахлом, дымишь трубочкой у камина — вокруг никого, не считая входящих и выходящих бабенок… На стенах висят портреты голых активисток да натюрморты жратвы, а также поскрипывают да повизгивают скульптуры-мобили известных мастеров марсианской некрошколы, например «Труп, соблазняющий девушку». Можно много добра понаделать, не только снабжать самые глухие уголки космоса презервативами, но и построить, допустим, лечебницу для ускоренного исцеления триппера или создать в марсианской пустыне сеть теплых сортиров.

— Ну чего ж ты, набивай штаны и пошли, — подначивает меня напарница, — меня не бойся, я уже свое взяла.

— Мне-то зачем бояться, я ведь не возьму, — почему именно так сказал, не сразу понял. Словно пружинка моей воли нагрелась, выскочила и прежнее суетное желание вытолкнула. Но от такого объяснения даже инкубатор смеяться будет. А потом я нашел разумные слова. Как тигр-людоед подходит для цирковой арены, так и я для купечества. Разорюсь, прокучу, испорчу какой-нибудь девушке юную жизнь, а честным делягам — бизнес. И самое главное, кто на этой тлетворной планете Грязь на что-нибудь позарился, кто купился, тот плохо кончил.

— Ладно, двигай, Кнопка, отсюда. Когда-нибудь со мной поделишься добром, чтоб не дрейфить.

И тут я почувствовал очень душное притяжение, это «золото» просто хватало меня за шею и тянуло к себе. Я так сопротивлялся — не люблю, когда мне навязываются — что снова вдруг воспряла моя защитная оболочка, получившаяся из множества густых вихрей. Впечатление такое, что они родились от грубых приставаний скверного металла. Плотные объятия стали разжиматься, откуда ни возьмись посыпались черные искры, труха, а когда пыль развеялась, то «золота» как не бывало — одни ржавые плевки. Вот те на, мораль сработала.

Рожа, наверное, у меня была еще та, когда проводились все эти мероприятия, однако для напарницы я сделал вид, что просто мучаюсь зубами.

Склады закончились мощной стеной, в которую врезано было несколько дверей, с толщиной, подходящей для ядерного взрыва. Однако ауропеленгатор показывал, что источник болванящих МДВ близко, а вернее над нами. И вдобавок подстерегала нас удача, на высоте пяти метров — отверстие вентиляционной шахты. Так что оставалось только дерзать.

— Кнопка, ты как любишь, когда мужчина лезет по канату

ниже тебя или выше? — она стала объяснять, что в одном случае может пострадать голова мужчины, а в другом ее собственная, но потом осеклась, даже зарделась. И с ней Земля что-то делает.

Вакуумные присоски здесь действительно не годились, стена была пупырчатой, но для такого случая в «аптечке» имелся стандартный арбалет-трособросатель. Уцепился я выстреленным крюком за дыру и через полминутки вписался прямо в вентиляционную шахту.

Выбрались наружу прямо на большом красивом куполе, затем, почавкивая вакуумными стеноходами, спустились к окну, еле заметному из-за поляризации. Зафиксировали стекло, чтобы дрожью не смущало сигнализацию и проделали резаком аккуратную дыру.

Вот мы уже в зале, пялимся, нюхаем, напрягаем рецепторы. А вокруг вроде обычный компьютерный центр. Но я, грозно проникнув в сущность мониторов, дисплеев, блоков памяти и процессоров, вынес свой суровый приговор. Здесь кибероболочки дергают за ниточки людей. Тех, кого не получилось достать с помощью «голубого киселя» и биоинтерфейсов.

Включил соцветие графических экранов — гордо показывают распространение психотронных волн по территории района. Мощности установки вполне хватит, чтобы несколько квадратных километров охватить. Можно персонально узнать, кто и как себя чувствует. Выбираем по картотеке нужного гражданина и смотрим, что имеется в каждом из его пятнадцати «домов» — основных зон, по которым распределяются эмоции.

Мы на Космике до сих пор не знаем, как взяться за психику, только и умеем, что ауру ловить. А здесь пожалуйста, играй на психике, как на фортепьяно. Внушай любовь, ненависть, угнетенность, радость. Усядься поудобнее, откинь трепетными пальцами волосы с бледного лба, воздень руки…

— Ты кажется освоился? — осведомилась Кнопка. — Ну, давай, вставь фитиль всему эту поселку из плавучего дерьма.

— Вставлять фитили принято на гонках по марсианской пустыне, чтобы потенциальный победитель своевременно исчез с дистанции.

Хотя искушение было, конечно, сильным. Задирижировать всем этим землянским сбродом, от которого одни неприятности. Пока люди спят, можно им такого в души, так сказать, накласть. И драпать после этого никуда не надо. Найди тронный стул и жди, когда местные демократы и аристократы, увлажнив глаза от волнения, принесут тоги с лавровыми венцами и попросятся обделать мои чертоги розовым мрамором.

Я, конечно, не только грезил, но заодно выуживал

компьютерным сканером входные пароли системы из секретных ячеек.

— Ну-ка, внуши им всем, что они с сегодняшнего числа обязаны доится и нести яйца, — подначивала девица. Я одобрительно кивая, работал с пультом управления. Запеленговал напарницу, провел психоскопию и включил излучатель по ее коду поглощения. И вины своей не почувствовал, Кнопка ведь сама этого хотела — правда, не для себя. И эта звериная натура плакала, как девочка, лишь потому, что генератор, бибикнув, насытил ее тоской. Наверное, по родной эскадрилье заскучала.

А потом я понял, что мне такие шутки совсем не нравятся. Не хочу я быть главным режиссером кукольного театра. Даром, что ли, я всю юность сгубил на битву с оболочками-плутонами, которые как раз собирались заняться кукловодством. И как я ни сторожи генератор, запросто пролезет какой-нибудь ловкач к управляющим модулям и превратит меня самого в заводного цыпленка.

Несмотря на внутреннюю победу над искушением, мне было сейчас тяжело. Психически тяжело. Казалось, что я второй раз в жизни теряю прекрасный шанс отличиться, выплыть как-нибудь. Я мог бы превратить эту посредственную, полупровальную операцию в ого-го-го! Да и физически нелегко…

От купола исходило тяжелое облако, которое быстро окутало меня и стало давить сок, погружая в дремоту-дурноту. Еще чуть-чуть и совсем бы погрузился, но успел представить, какие силы распирают Космику вширь и вглубь. Я как бы стал линзой, в которой они сфокусировались. Проявилось гудящее от напряжения защитное поле. Его силовые линии впитывали тяжелую тучу, а потом вдруг превратились в раскаленные шампуры. Которые проткнули меня, как заурядное мясо! По-моему, я выгнулся дугой и заорал. При этом, сгоряча пальнул вверх из бластера. Из продырявленного потолка, булькая, потекла вместе с вонью какая-то белесая, пузырчатая, я бы даже сказал, волосатая жижа.

Я мигом перестал страдать от болезненных ощущений. Вот где, оказывается, излучатель психотронных волн — в самом куполе, который вертится вокруг оси. Кошмарненький излучатель, биополимерный или даже квазиживой.

— Надо куда-то сматываться, — наконец, напомнил я Кнопке. Она из обалдения вернулась к нормальной жизни, когда уже сработали датчики, взвыла сирена, по акватории понеслись аквабордщики, а где-то внизу загорланили растревоженные люди. У нас же инструкция имеется, дурнее некуда: при угрозе захвата

— оружие уничтожить, и выдавать себя за обычных хулиганов. Раз так, с десятка два художников может порисовать ботинками на наших лицах. Да, чтобы не стать натюрмортом, надо очень постараться.

Я поработал электрорецепторами и столбы, поддерживающие потолок, показались мне любопытными. Шах-шарах бластером — так и есть, полые внутри. Это же фановые трубы, по которым путешествуют выделения из купола. Швырнул в трубу зонд, тот и падал, и прыгал, и рикошетил. Потом доложил, что внизу какие-то пустоты.

В начале спуска мне казалось, что мы с Кнопкой попали в обычный канализационный стояк — потому что гадость текла нам на голову и за шиворот. Потом, однако же, труба стала ступеньками расходиться вширь и дресневый сток лишь слегка увлажнял стеночки. Все уяснилось, когда добрались до дна. Там была просто балластная цистерна, сейчас едва заполненная. Имелись и люки, за которыми, наверное, начиналось озеро. Но кромсать их было нечем, резак уже выработал ресурс и стал пенсионером. Бластер применять — это все равно, что царапать ногтем по стеклу.

Когда ситуация приблизилась к трагедии, одно обстоятельство все-таки размягчило меня. За переборкой скрежетнуло и раздался неслабый шум бьющей воды. Ага, за счет заполнения и продува балластных танков достигается нормальная осадка острова, чтобы он не бултыхался на поверхности озера, как надувной мяч. Наверное, сейчас нас хотят утопить, однако не знают, в какой точно цистерне мы засели. Дойдет очередь и до этой.

Нашли мы с Кнопкой местечко получше (на уступе), подсушили его сквизером и стали ждать хорошей погоды для купания. Было однако мокро и холодно, несмотря на усиленное добывание АТФ из быстро скудеющих жировых запасов. Как-то совершенно естественно мы с девушкой стали прижиматься и объединять наше тепло, мы оба нуждались в грелке. Что ж, грелка не унитаз — ничего в ней плохого. Однако, обозначился и дополнительный фактор. Я, между прочим, как телозритель, давно приметил, что солдатка Кнопка интересна не только упорством в борьбе и стойкостью характера, но и своим экстерьером. А теперь, кажется, и ее интерьер вполне симпатичен мне. Да вроде и она, на базе общих испытаний, взрастила ответное чувство. В общем, она меня не только обогревает, но и толкает потихоньку на кое-что. И глаза ее черносливные с зеркальным слоем отражают легонький ультрафиолет, сочащийся из лампочки у меня над карманом, и дыхание такое нейтральное

на фоне окружающей вони и упругий бюст на фоне всеобщей твердости — все нравится мне сейчас.

И я, между прочим, не какой-нибудь Финогенов в расхристанных портках, а настоящий кшатрий, пускай не утяжеленный мозгами, но боевая личность, способная продолбить лбом любую стенку. Обстановочка, кстати, располагает. Здесь вам не нужен стыковочный скафандр, как в вакууме, и не требуется постоянный отстрел песчаных спрутов, подбирающихся к заднице, как в марсианских пустынях. Среда совсем неагрессивная. Я поворачиваюсь к Кнопке получше, для пущего удобства кладу руку на округлое ее бедро и чувствую необычайную легкость.

— Ты там случайно на крючок бластера не нажмешь? — решаю все-таки уточнить.

— Вблизи я действую самостоятельно, без помощи оружия, — предрекает она непротивление. Вроде все в порядке, можно дожать знаменитую Кнопку, которая превратила в зубной порошок десяток добытчиков на копях Шеба только потому, что они ей делали неприличные предложения. Однако, когда моя рука уже гуляла по ее приятному животику, я вдруг засомневался — пружинка тайная меня затрясла. Крюк — проверенный герой, с которым она была не хамоватой как со всеми, а нежной и ласковой — и вдруг он отставлен. Отчего, зачем? Я ведь еще особенно не отличился перед ней. Не хватало мне с Крюком иметь неприятности из-за бабенки. Которая, кстати, бортанет и меня, если не сегодня, так завтра. Вдобавок статистикой установлено: те кшатрии, что навещают девушек перед ответственным заданием, возвращаются с него целыми и теплыми на тридцать процентов реже, чем более стойкие товарищи. А с чего, кстати, я почувствовал такую легкость? Тяжести и легкости в этих краях связаны с последующими неприятностями. Может, разогрелся уже где-нибудь резервный излучатель? В итоге, руку я свою поскорее убрал и отодвинулся.

— Ты чего? — грубым голосом спросила солдатка.

— А ничего. Лучше как-нибудь в другой раз поваляемся на приличном диване, не свиньи же. Нам, наверное, после экспедиции отпуск дадут недельный. Представляешь, номер в отеле на Фобосе с видом на Марс — и бокал с шампанским у тебя на пупке. В приличном отеле, а не в курятнике, где стоит только уединиться с дамой, как некто начинает царапаться в дверь и выкрикивать: «Эй, вы что там, заболели?». Глядишь, сообразим, как детеныша нарисовать.

Она в ответ скрипнула зубами и налилась мраком. А потом от бабенки вдруг прыгнула на меня тяжелая волна. Я расстелился на железе, бессильный, как мочалка. Лучше бы на меня напал

марсианский червяк-констриктор, его хоть видно. Надолго я запомню такой исход любовных усилий — если, конечно, будет чем помнить. И все-таки я почувствовал Космику. Я будто вошел в резонанс с далекими, но мощными вибрациями, которые возбудили мое оборонительное поле. Оно вобрало нагрузки, а потом резко вспенилось и погнало мучительную волну прочь. Едва избавился от наваждения, как натужно заскрежетали люки и в цистерну рванулось озеро. Нас забросали, запинали струи, надо было срочно нырять, придавая себе ускорение выбросами сквизеров.

Под люком была дыра, в которую едва-едва продевалась голова. Нас когда-то учили продираться сквозь узости, но это было давно. А люк вот-вот должен поехать назад и разрезать на две половинки любого протискивающегося. Я съежился с помощью судорожного выдоха и проскочил, едва не потеряв дыхательную маску. Плыву, в нос поддувает все более хило, а до берега еще пятнадцать минут. Из воды пришлось выжигать пузырьки кислорода! Наверное, на эти испытания килограмм последнего заветного жирка спустил. В общем, на берег я выбрался в полной прострации, хорошо, что там не бегали какие-нибудь киберсобаки. А Кнопка довольно свеженькой осталась, даже противно.

Чуть отдышался, стал искать пневмопрыг, запрятанный в кусты. Ищу безрезультатно и по ходу дела соображаю, что Крюк слишком долго отсутствует, не встречает с цветами-незабудками свою маленькую Кнопочку. Неужто повязали? Но когда я у своей напарницы поинтересовался: «Где же нынче твой дружок, во вражеском плену подвергается насилиям или спит под кустом да курей видит?», послышался суровый голос. Голос принадлежал Крюку, был обращен ко мне и не предвещал ничего хорошего.

— Отдай все свои манатки женщине и сделай два шага назад.

После таких неприятных слов прищуренный глазок бластера выглядел хорошим стимулом к исполнению команды. «Как же так, не заметил, что этот гундосый прячется поблизости», — думал я и делал, что приказано. Ни теплозрение, ни электрочутье не помогли мне. Только вот сейчас, сняв поглотитель-отражатель, я ощутил ауру Крюка — гнусную ауру болезнетворного микроба. Я, увы, должны был расписаться в том, что не знаю, кого из себя представляет этот тип. По крайней мере, он мне не приятель и не соратник. Видимо, и Кнопка не та уже, раз он ей доверяет. Полный порядок с резервным излучателем, всех моих товарищей заколдовал.

— Ты что, старенький? — я пробую прощупать зыбкую почву и слегка заняться психотерапией, — головушку где-то подставил

под падающий груз? Бо-бо теперь, да? Таблеточку слопай лучше, и на носилки. Я же такой кшатрий, как и ты, в том же звании. А ты от меня чего-то все требуешь, и даже «пожалуйста», волшебное слово, забываешь.

— Помолчи, дружок, если хочешь сохранить свои мозги в приличном виде, — сообщил мне Крюк, как персонаж какого-нибудь спейсерна-вестерна.

Когда я приказ исполнил в точности и тупо смотрел на ствол, уже не в состоянии от перенапряга подобрать хоть парочку полезных слов, черный глаз бластера на мгновение стал маленьким солнышком. Тут я осознал неприятное изменение — раскаленный коготь заворочался в моей ноге. Значит, был выстрел — как пемза всплывало в моей голове, — однако щадящий. Чтоб не убить, а наказать.

— Извини, случайно попал в твой ботинок, — донеслась будто из-за тучи глумливая фраза.

— Разве так поступают с товарищами? — выдавил я из себя укоризненный шепот. — Товарища вначале надо сделать трупом, а уж потом издеваться над ним.

Боль немного унялась, но тяжесть наползала на меня — вначале нога стала чугунной, потом все тело, которому пришлось рухнуть. Массивная удушливая жара протащилась по нему, покрывая потом и испариной, заволакивая пейзаж перед глазами какой-то белью.

— Один за все и за всех ответишь. — Голос принадлежал не Крюку и даже не Кнопке. Я повращал глазами и пелена немного спала.

Они стояли полукругом вокруг меня. Кнопка, Крюк и наши мертвецы: Кактус, Тумблер и Курок, даже Фикса, которую вроде ухлопали всерьез и с гарантией. С совершенно нечеловеческими аурами, которые они сейчас совершенно не маскировали. Вот те на, сразу после гробового входа — гробовой выход. Жертв, как говорится, нет — если не считать меня. Все живы-здоровы, никто не захотел идти в покойники, все превратились в орудия борьбы против моей личности. Валяли ваньку, разыгрывали Шекспировскую пьесу и морочили мою жалкую голову. Теперь эти куклы вернутся вместо меня на Космику и натворят там нерасхлебное.

— Ну что, охренели и довольны, да? — пытался я их задеть, хотя голос мой, возможно, был слышен только мне. — Всех вас обработали, потому что вы амебки, которые ползут туда, где им положат кусочек вкусного кала. Хемотаксисом вы разжились, а все остальное потеряли.

Они не стали врать и спорить, только Фикса отчего-то

улыбнулась.

— Будьте уверены, что вы расплатитесь своими грязными, подлыми ногами за мой продырявленный башмак, — предупредил я в полубреду. — Об этом побеспокоится Немезида, а также эринии, фурии и мегеры.

— Давай, такое мелкое недоразумение оставим между нами, — схохмил Кактус и утешил напоследок. — Лечись мочой, я думаю, тебе она поможет. Еще Гиппократ говорил: «Полезное — всегда невкусно».

А потом они пошли странными траекториями расходящегося веера к забору.

— Погодите, не уходите, — вначале растерялся я, а потом собрался. — Нет, уходите, но только быстро и куда-нибудь в болото… Чтоб тебя, Крюк, поймали и отправили в экспериментальный полет к звездам, проверять теорию относительности. Чтоб от тебя только одни яйца обратно вернулись… Чтоб ты, Кактус, накололся срамным местом на марсианского ежа…

4

Раз, и чужаки уже были там, за оградой, на пути к дому, моему дому. Мне сразу показалось, что все увиденное и услышанное — полноценный бред. Что я был ранен на острове, а все соратники действительно пали смертью храбрых. Хорошо, если бы так. Но это не так. Стреляли из бластера, грязнули этой машинкой воспользоваться не могли, только свои. Ведь на спусковой крючок в состоянии нажать лишь палец со знакомым рисунком кожи, в противном случае последует электрошок… Эх, разлетелись все мои вихри, не скликать их вместе.

Вместо оборонительного смерча, к которому я уже начал привыкать, появилось вокруг меня нечто другое. ОНО пришло со стороны озера и прилепилось ко мне, как заяц к дедушке Мазаю. Некая туча, вернее силовая среда. Голова раскрылась как раковина и мозг испарился в эту среду. Мои небогатые мысли неожиданно насытились силой.

А затем опустились в озеро. Вода словно состояла из множества пульсирующих ниточек. В них вибрировала энергия, вибрации были и мощными, и слабыми, где частыми, где редкими.

Я погрузил в озеро свою покалеченную ногу. Вода оказалось густой, немного слизистой, что в данном случае не вызвало протеста и осуждения. Я чувствовал животную ауру, только на сей раз совершенно дружественную, как бы материнскую. Симпатизирующая, иного слова не подберешь, вода, вначале растворила огонь в моей болячке, потом вымыла испорченное мясо. Тяжесть сползла с моей конечности, злобно оглядываясь из-под нависшего лба.

Я вижу неожиданно крупным планом, как нити, из которых состоит живая вода, принимаются штопать рану. Нога для удобства становится похожей на носок, что натянут на стакан. Нити сплетаются и ложатся слой за слоем на мое ранение. Штопанье заканчивается, вынимайте-получите, распишетесь потом.

Виденья виденьями, но на месте дырки оказалась вполне кондиционную новая плоть, от которой по ноге распространялись приятные ощущения. Правда «штопка» все-таки выделялась и цветом, и структурой, однако мне в соляриях еще долго не красоваться, поэтому будем считать, что пришлась она ко дворцу. Я поднялся, пошагал, попрыгал — мне все понравилось, под носом проснулась улыбка. Хоть показывай меня в передаче «Смех

после жизни».

А теперь «адью», пора прощаться с райским уголком, церемония расставания и так затянулась. Пускай оружие у меня забрали, однако ничто не мешает выследить бывших товарищей. Им же надо где-то перекантоваться днем, чтобы ночью вызвать спускаемый модуль. За это время они, безусловно, дождутся от меня подлянки, злости-то я много поднакопил.

Разбег, толчок на здоровую ногу, нормальное приземление — вот уже я по ту сторону забора, надеюсь, и по ту сторону зла. Двадцать торопливых шагов в лес, и я понимаю, что опять осечка, озеро не отпускает меня. Я на аркане. Ниточки из штопки вытягиваются и рукоделие мое распускается. Быстро приползает зубастым червяком боль. И тяжесть тут как тут, похожа на свинью, которая катается по моей ноге. Космике бы направить на меня свой благосклонный взор, так нет же, и пружинка воли будто выскочила из меня. С эдакими делами я далеко не пойду, даже не поползу. Какой смысл ползти, если экс-товарищи рано или поздно устроят финиш. Поставят на тебя свои сапоги и раздавят как гада подколодного. И я сделал единственное, логически вытекающее из обстановки — вернулся за забор. Пневмопрыг был с заботою оставлен с внешней стороны ограды — ОНИ, стервяки, загодя знали весь сценарий.

За забором все пошло обратным ходом, как в пущенном вспять мультике — восстановилась в прежнем качестве моя штопка. Неизбежным образом, как я ни противился, поднялось настроение. Так, может, озеро, в каком-то смысле, не только зло? Оно держит интересного ему человека при себе, не отпускает, зато подлатать может, если тот прохудился и пустил сок.

Мокрая одежка упорно забирала остатки тепла. Видимо, жировых запасов вовсе не осталось, не добывалось АТФ на безжирье. Прямой электроразогрев без нормальной котлеты в брюхе тем более исключался.

Впрочем, я продолжал наблюдать кое-что крупным планом. Воздух тоже состоял из пульсирующих нитей и напоминал бороду Ветра Ветровича из детской книжки. Мысли о теплой одежде, проникнув в атмосферу, снова занялись ткачеством. Причем надо было соблюдать сложную последовательность разного рода вибраций, чтобы они не отталкивали друг друга, не сплетались в тесный комок, а лишь деликатно притягивались.

Соединившиеся нити охотно прянули мягкой волной и облепили меня со всех сторон чем-то прозрачным, но более приятным, чем даже тончайшая ангорская шерсть. Получился вдохновляющий теплый буфер между мной и надоедливым холодом, испускающий все ту же дружественную ауру заботливой

самки. Мне почему-то представилась муха, укутываемая заботливым ухажером пауком. Но тут новая напасть: организм разморило от тепла и тогда обозначилась голодная дыра желудка, которая стала выдвигать одно требование за другим, то слабым, то грубым пением.

И тогда моя мысль заслужила звание «немеркнущей», потому что нашла еще один приемчик — отобрала самые тонкие, мягко вибрирующие нити, сбила их и предложила попробовать на вкус.

На вкус оказалось что-то вроде крайне разреженной сахарной ваты — но голод и аппетит быстро удовлетворились и пропали. Харч мгновенно впитался в сосуды и капилляры, не дойдя даже до кишок. Что уж тут «константировать».

Нити, конечно, не мои, но они вполне помогают умственному развитию и обслуживает потребности моего организма в конкретном районе Земли — в принципе, это стоит только поприветствовать. Подчиняются они и все тут. Может, ни на что другое не способны. Пусть только профессор какой-нибудь возмутиться чародеянием и ненаучностью происходящего. Я его мигом успокою. Дескать, милый мой, электричество мы тоже считали чужой непонятной силой, а потом приручили и онаучили ее. Теперь вообще оказалось, что она нам родная и мы напичканы ей, мы чуть ли не состоим из нее, как колобок из теста. Короче, протестовать против подчинения мне озерных нитей я не стану и чужих протестов не приму.

Мои мысли продолжали заниматься прядением, искусно подбирая нити и сплетая их в веревки, а веревки в канаты. Мне показалось, что образующийся ковер может удержать мое изрядно заморенное тело и я, не заколебавшись, сделал шаг вверх.

Нога угнездилась в воздухе! Еще несколько приставных шагов — и все-таки я соскользнул вниз. Соскользнул, а не рухнул носом в землю. Еще поработал над прочностью ковра и своей балансировкой, и вот я уже двумя ногами на чем-то зыбком, но прочном, руками отмахиваю, как клоун на канате.

Десяток раз свалился, а потом попер по лунной дорожке. Теперь я был свой в воздушной стихии, ровня птицам и пчелам. Черновая работа уже вытекала из заднего подсознания, а передним сознанием можно было класть лишь крупные мазки.

Мысли образовали что-то похожее на сельскохозяйственные угодья. (Не наши космические-гидропонические, а земные.) В прозрачную почву просыпались невидимые семена. И вот стали подниматься навстречу звездному небу прозрачные растения, на вид почти что живой хрусталь.

Моя флора походит на здоровенные звезды-радиолярии. Они вырабатывают из ветра, дождя и лучей светлый питательный сок.

Несколько фотонов, атомов кислорода, молекул воды, и организм живет не тужит, потому что легким его телесам много не надо. Слабенький электролиз водяного пара наполняет полости звезд водородом, что утягивает их на самые верхние небесные полянки, которые выглядят снизу просто облачками.

Дальше уже пошли тезисы. Моих радиолярий будет столько видов и пород, что заселят они весь воздух, сделаются пригодны для супа и компота, мы станем летать на них, доить и даже жить в их экзоскелетах — как бы жутко это ни звучало.

Вот где — в воздушной стихии — буду обитать я, как эльф, с кружечкой эля из перебродившего радиолярного сока в руке. Да что там эля — отличного самогона (дрожжи как-нибудь достанем). Заживу здесь, при звездах, а не в заколдованной деревеньке, не на говнистых островах — если, конечно, меня забудет родное правительство или назначит сюда резидентом. Наберу население из эльфов вроде меня, организую выборы себя в цари. Из экзоскелетов понастроим замков воздушных. Где-то наверху станет радоваться жизни феодал, а чуть пониже бабы с мужиками будут возделывать звездно-радиолярные поля. Крестьяне, конечно, крепостные — никуда они от нас дернуть не захотят. И никакой несправедливости — совьешь себе тропку наверх и выбьешься в начальники. Кому жратва из радиолярий надоест, станет по-паучьи ловить в свои тенета следующие мимо стаи птиц, косяки рыб, стада скотов, самолеты. Я же, чиркая ногтями по щипковому инструменту, пропою о воздушной жизни, с пуантами на носках протанцую ее. «Хорошо пишется в деревне, — говаривал писатель Тургенев, но добавлял, — в моей личной».

Стоп. В какой-то дали дрогнули очень мощные струны, а внутри меня откликнулись потайные пружинки; руки-ноги так затряслись, что я их еле унял.

Сразу прекратилось порхание. Жить в воздушной стихии видишь ли захотелось. Да там все прозрачное! Даже в уборную нормально не сходить. А рев моторов, а лязг гусениц и запах перегретого двигателя, а пробиваемый космическими раздолбаями вакуум? Как без этого всего вписаться в божественный ветер и выполнить сверхценную миссию пилота? Да и вообще, долго ли я протяну, будучи такой отличной мишенью. Чтоб ухлопать меня, не надо даже ракеты расходовать, достаточно дробовика.

И кроме того, как появились нечаянно воздушные нити, так и истают. Поведешь себя не по правилам, и даже взмахнуть крылами не успеешь — сразу башкой в пол. Вот человечество в лице своих лучших представителей сколько пудов говна съело,

чтобы добраться до электрической силы. Зато уж как добралось, как схватило — не отнимешь. Абсолютная надежность.

Я ощутил присутствие империи, почувствовал ее глубокие пульсы. Мысли втянулись обратно в голову, Космика руками-протуберанцами коснулась моей защитной оболочки — и завертелся мой индивидуальный смерч. Он кинулся на воздушную полянку и моментально разнес в клочья: крушить — не строить. Я, как замечтавшийся циркач, кувыркнулся вниз, положив конец номеру. Хорошо хоть на мелководье оказался, раздва саженками, и я уже на бережке. Все, на сегодня решил больше не играть: карты крапленые, партнер — шулер. Прощай, озеро. Надеюсь, свидимся при более благоприятных для меня обстоятельствах.

Не было тех проклятий врагам, которых я случайно не вспомнил, когда, преодолев забор, тащился по колющемуся беспорядочному лесу. Особенно запомнилось такое: «Чтоб вас больше никогда не пустили в сортир и кормили только старым горохом». Тряпка на ноге набухла от крови, голова опухла от боли. Тяжелый ветер гулял во мне, как в стакане. Добраться до какой-нибудь дороги или сгинуть в лесу — не было других граней на костяшках, бросаемых судьбой. Причем «сгинуть» казалось более подходящим для меня вариантом, потому что немного погодя совсем перестал соображать, где я уже шлялся и где нет. Анима, правда, сообщала безучастно мой курс и исчисляла пройденный путь, но от этого легче не становилось — я ее тоже возненавидел. Приходилось биться только за то, чтоб не вернуться обратно к озеру. Но все равно заворачивал назад. Может, был в этом элемент наваждения — ведь столько раз брал я ориентир на какого-нибудь лесного великана, а потом испарялся он куда-то. Болото оказалось у меня вначале слева, спустя какое-то время справа и, наконец, спереди! Я так для себя решил: лучше стать симпатичным лесным скелетом, у которого из глаз тянется брусника, а изо рта приветствует земляника, чем в очередной раз бороться с невыносимыми искушениями.

И вот почва, захлюпав, принялась тормозить до полной остановки мои еле движущиеся колени, запас грозных выражений начал истощаться, умные мысли навсегда распрощались с неуютной для них головой, АТФка уже не вылезала из митохондрий, гормоны затаились в эндокринной системе. В соответствии с потоком несчастий я стал загибаться и пропадать. И когда уже редкий березняк зашумел надо мной отходной молитвой, к этому бормотанию вдруг присоединился знакомый мне звук — один к одному журчание воды, текущей в унитазе. Так поет только двигатель спускаемого модуля. Тут у меня для

начала умеренное горе — никак четверка злыдней рыщет по следу, чтоб не перепоручать природе уничтожение моих потрохов, а развлечься самой. Потом слабенько замерцало во тьме — вдруг К250, Бурелом, не скурвился, как остальные, и пытается меня выковырять из этой параши?

И вот надо мной задрожал воздух, потом появилось расплывчатое пятно. Вскоре маскировка была снята и я увидел модуль, похожий на палку колбасы. Наконец люк типа «глаз» раскрылся и… показалась проклятая физиономия Крюка. Нашли-таки. А как сопротивляться? Испортить воздух в упор? Несолидно для кшатрия.

— Что-то не слышу приветственных речений, — сказал он и получил в предательскую харю порцию грязи.

Харя сразу же скрылась, я только успел услышать: «Разве так шутят? Нет, он теперь псих… разложение мозга…» Тут же модуль протянул свою знаменитую руку с тридцатью пальцами и, как я ни закапывался в грязь и ни прятался под корни, выудил меня за ногу. Достал, будто марсианского жука. Через полминуты я уже валялся в кабине, закованный в кандалы, принайтованный к переборке, прикрытый прозрачным футляром. Клетка из неявной стала явной, роль диковинного гада за мной сохранилась. Ну, сейчас мучить будут — ведь и сам я жукам из чистого баловства крылышки отрывал, не задумываясь об их личностях. Представься возможность — обязательно бы извинился перед ними.

Крюк и Кнопка были тут рядышком и о чем-то шептались, поглядывая на меня. Кресло пилота повернулось, и я увидел К250. Кто он сейчас, уже кукла или еще свой парень Бурелом?

— Ну что, допутешествовался, Штеккер? Зверствовать будешь или поговорим нормально?

— Чувствую, захомутали и тебя. Век свободы не видать, если вру, — всплыли откуда-то слова раннего Финогенова.

— Может психоадаптационных таблеток пережрал, вот и принимает нас за каких-нибудь инопланетных монстров? — посоветовался Бурелом с Крюком.

— Не знаю, пережрал он или перепил, но кажется мы его надолго потеряли, — отозвался негодяй-перевертыш.

— А может и навсегда, — как бы в шутку добавила Кнопка.

— Терять решили… да грохните вы меня по-человечески. Не по ботинкам влупите, зануды, а в башку.

Тут Бурелом сделал вид, что заметил мою искалеченную ногу, скомандовал кибердоктору, который сунул ее в заживитель и стал пускать в меня всякие инъекции. Так у злодеев тоже принято: залечить, а потом изничтожить по всем правилам. Ну, а вдруг Бурелом не совсем плохой? Аура у него вполне наша.

Впрочем у остальных тоже, но это дело оборотни умеют выправлять.

— Бурелом, а Бурелом. Вдруг ты еще нормальный. Тогда бей своих товарищей в упор, чтоб не встали. Оглуши их хотя бы. Вон как затылками удачно подставились. Сегодня в полночь я им доверился, и вот что из этого вышло. Крюк сам в меня палил, никому не перепоручил.

— Может у него из-за раны заодно и воображение воспалилось? — всполошился разоблаченный Крюк.

— Не ерзай, — предупредил я его, — сейчас К250 с тобой разберется. Не он, так я. Когда нога заживет, уложу тебя одним ударом и во время церемонии прощания спущу в сортир, украшенный розами.

— А я тебя двумя ухайдакаю, но сейчас, — огрызнулся неумытый перевертыш с мордой, все еще заляпанной моей грязью.

— Ну и что докажешь этим? Что ты предатель и жлоб?

— Слушай, обалдуй, — заявила мне Кнопка тоном медсестры из лечебницы для слабых мозгами, — вчера вечером мы были на орбите. В пол одиннадцатого получили сигнал спешного вызова, а с полуночи искали тебя и всю первую группу в квадрате 9. Однако там ни одного нейтринного маяка, едва твой нащупали, только уже в квадрате 12.

— Чудаков тут нет, которым можно такие романы травить, — парировал я.

— Особенно про этот вызов. Кто звал-то? — И не обращая больше внимания на явных врагов стал рассказывать Бурелому свою горькую повесть, может даже лебединую песню выводил. И еще, время от времени, просил его взять на мушку остальных присутствующих.

Дослушав, все стали спорить меж собой, на почве чего у меня развился психоз, сколько процентов из того, что я живописал, было чистой галлюцинацией, и могли ли действительно взять основную группу под контроль какими-то психотронными средствами. Я же предлагал злодеям не придуриваться, и если они меня не собираются убивать и мучить прямо сейчас, то лучше бы дали пожрать. За это их меньше проклинать буду. Питатели мне в пасть вложили, чтоб отстал — я бросился на жратву, как тот самый зверек. Ну а, в основном, они старались не обращать на меня внимания. Хотя и посоветовали умерить потребности, иначе, дескать, перестану целиком помещаться в скафандре.

Когда в животе накопилось достаточно жизненных благ и АТФка вновь заструилась по моим жилам, я попытался привлечь внимание, но с полным ртом не получалось. Тогда поскорее

прожевал, набрал воздуха побольше и заорал так, чтоб все замолчали.

— Стоп! Я хочу развлечься чем-нибудь ментальным — у меня пока вес мозга прежний. Давайте поиграем в научную дискуссию вчетвером. Может, это меня порадует перед процедурой казни. Только условия таковы: вы изначально не считаетесь куклами, а я — психом. Все буду доказывать и выводить, как на защите диссера.

Продолжил, не дожидаясь их согласия, так сказать, с «чистого листа». Готовых мыслей в голове, естественно, не было, и я просто, слегка отфильтровывая, сливал из своего умственного бачка.

— Начнем с того, что Анима припасает важные аудио-данные, то есть, записывает любой разговор в радиусе тридцати метров, относящийся ко времени чрезвычайного происшествия. Каковым безусловно является подлый выстрел в мою ногу.

Бурелом немедленно поднес считыватель к моему лбу, и по кабине разнесся зловещий голос Крюка, бережно сохраненный Анимой с той поры, как он меня покалечил, послышалось и характерное сморкание сквизера.

— Ну, как теперь будем выворачиваться? Бурелом, если ты еще не с ними, то переходи на мою сторону и будь готов к любым фокусам. А ты, Крюк-изменник, не закусывай губу, раз тебя приперли. Ты лучше расслабься, тебе светит смертная казнь через аннигиляцию. Кстати, это не самый худший вариант.

На лице Бурелома читалась искренняя растерянность:

— Погоди ты, Штеккер, со своей аннигиляцией.

А разоблаченный Крюк стал корчить из себя ученого.

— Штеккер столкнулся с непонятными ему вещами и, будучи человеком малообразованным, средних умственных способностей, дал совершенно поверхностные объяснения. Я его не виню, ему же надо было как-то спасать свою слабую психику. Вот он и придумал могучие психотронные излучатели, а также инфекцию, влияющую на все мозги, кроме его собственных. Однако, нашему скромному герою так и не удалось спасти свою психику. Погрузившись в шизопатическое состояние, он якобы встретился с людьми из резервной группы, то есть с нами, видел воскресших покойников и так далее… Ну, по большому счету: кому на Земле нужна психотронная установка?

— Мне! Навел бы ее и заставил бы вас плясать, как пьяных тараканов, — пытался вклиниться я, но Крюк продолжал радоваться своим словам.

— Никакие псих-лучи не принудят человека ползти по отвесной стене. И самое главное, кибероболочки способны

управлять населением и без психотроники, им достаточно биоинтерфейсов. Выйти из-под контроля может разве что убогая деревня с несжатой полосой. Замкнутые спивающиеся группы населения, вроде вырожденцев-омменовцев, вообще не должны быть интересны оболочкам.

Крюк затих, как бы задумавшись.

— Ну, говори, если что-то сочинил, — не сдержался на этот раз Бурелом.

— В большинстве случаев Штеккер становится свидетелем того, что какой-нибудь гражданин исчезает, поглощается, растворяется, но затем появляется вновь. И начинает вести себя совершенно иначе, чем раньше. Похоже, вся хохма в том, что эта персона пропадает безвозвратно, то есть погибает, а на ее месте появляется совсем другое существо! Которое мы звучно назовем КОНВЕРТАНТОМ. Наш конвертант заимствует у ликвидируемой личности некоторые свойства, черты характера, наверное, часть памяти. Но задачу и сверхзадачу выполняет уже другую. Ну, на что это похоже?

— На тебя, паршивец, — огрызнулся я.

— На биоробота-мимикроида! — воскликнул Бурелом, радостно, как детсадовец, угадавший загадку. Простоват он все-таки.

— И почему бы в такого мимикроида не вмонтировать еще гравитатор? — вдохновился своим «открытием» Крюк.

— Ну, зачем, голова ты садовая, роботу иметь супердорогой гравитатор? Чтоб заставить меня ползать по стенке? — попробовал осадить я лжеученого.

— Давай, без «зачем». Конечно же, твои ползанья по стене говна не стоят, — пренебрежительно высказался Крюк.

— Стоят, стоят. Трех тонн, как минимум — столько сил потрачено.

Крюк аккуратно проверил мою Аниму, уж нагрузки на мой организм она не забыла зафиксировать.

— Сила гравитационного типа была направлена под углом к вектору земного тяготения. Она как бы выдергивала вещество твоего тела из ячеек нормального гравиполя. Пока ты ей не сопротивлялся, чувствовал легкость, если рыпался, то получал тяжесть.

— Сам ты конвертант. И вообще надо добавлять слова «мне так кажется». Ведь не очень-то клеится твоя теорийка. Я что-то не видел, чтобы ты или Кнопка — век бы вас не знать — где-нибудь поглощались или растворялись.

— Ты, Штеккер, прямолинеен, если не сказать большего. Я корешился с Тумблером, а Кнопка с Фиксой служили вместе и

ночевали в одном кубрике. Следовательно, сведения о нас были выужены из Тумблера и Фиксы. А после полуночи, когда мы приземлились, нас могли просто отсканировать. По крайней мере, было у нас на пару минут помутнение в мозгах — тогда нам показалось, что это результат жесткой посадки.

— Крюк, а ты не пробовал ночевать в одном кубрике с Фиксой? — задрался я.

— Лучше засни, Штеккер, — озлилась Кнопка. — По-моему, на твою башку даже психический луч расходовать жалко.

— Поправка принята. Можно вопрос?

— Здесь вопросы задаем мы. Мне надоело слушать глупости, — отшила она.

А что, если прислушаться к лжеученому? В самом деле, при первом свидании не очень-то я разглядывал Крюка и Кнопку. Может, действительно, длина носа не очень совпадала или там размер задницы. Не проверял я, имеются ли у них Анимы и нейтринные маяки. Кстати, я был едва знаком с Крюком и Кнопкой; так, все понаслышке. И сюда летели в разных отсеках. Вот сейчас я вижу, что Крюк, несмотря на кличку, вполне разумный товарищ — выучил список мудрых фраз. А тот, предыдущий, двух слов связать не мог.

— Да, по Крюку есть несовпадения. С Кнопкой сложнее. Та, конвертантка, вела себя развязно и вообще была не прочь пошалить. А как на самом деле у тебя с этим, милая?

— Я тебе сейчас выдерну вторую ногу, — зарычала К678.

По-моему, непритворно. Все ясно, это Диана Охотница, готовая истребить любого, кто заметит у нее голую ляжку.

— Целую, я несколько успокоен. У конвертантки были получше манеры, чем у тебя, а еще говорят: копия, копия. Но в любом случае ты должна оголиться и показать какую-нибудь отличительную черту, чтоб я был уверен в тебе.

Тут она несколько запуталась, валькирьевская честь боролась в ней с чувством долга. Рука несколько раз бралась за крючок молнии на комбинезоне и снова падала.

— Ладно уж, будем считать, что конвертантка обнажилась бы при первом удобном случае, — решил я прийти на помощь воительнице, авось мне благородство зачтется.

Остальные мужики разочарованно отвернулись, и Крюк, тщательно облизав губы, продолжил свою тронную речь.

— Вот что мне показалось наиболее любопытным. На бедного Штеккера то и дело накатывали ауральные волны, характерные для простейших живых организмов. Это лучшее доказательство того, что общался он с биороботами, в которых текут лишь примитивные психические процессы.

— Вот такие закидоны мне уже меньше нравятся, Крюк. Ты как с кафедры выступаешь. Забыл только пальцы за фалды заложить. Может, с ходу растолкуешь, зачем на острове-пупе имеется фабричка по изготовлению ВСЕГО из ОДНОГО и того же материала? И какого рожна этим конвертантам надо еще СОБЛАЗНЯТЬ добычу, вместо того, чтоб сразу шарахнуть ей по рогам своей гравитационной силищей? Да и почему спущенные с конвейера мимикроиды так скромничают первые несколько часов? Совсем ведь дохленькие поначалу, как жуки, наевшиеся буры. Неувязочки, да? Концы с концами не сходятся?

— Может что-то предложить желаешь? — недовольно забухтел «разбомбленный» оппонент. — Или опять рубаху на груди будешь рвать?

— Хватит бодягу разводить, вот что. Шизопатию, которую вы мне клеили, все равно не забуду, но спасибо, что хоть дауном не прозвали. Дарю идею, как прощупать теорию практикой. Нам нужен пленный.

5

Подловить конвертанта из наших удалось только к вечеру. Это даже лучше, что сразу не удалось, моя нога покамест в сверхпроводящем целебном валенке регенерировала и резкие движения ей могли повредить. Да еще сифонными капельницами втюхивались в кровь разные полезности и вкусности.

Кактус, вернее К015к (буковка «к» означает — «конвертант») нашелся на опушке леса, за деревней. Наверное, какое-то местное начальство привлекло его к патрульно-постовой службе. Когда рядом вынырнул модуль, то удивления он не показал, из чего стало ясно, что нервов у него нет. Наплел, что ведет наблюдение за психотронным излучением. Однако отправился вместе с нами на облет озера и деревни, не мог же он, оставаясь в рамках приличий, отказать майору.

Первая запланированная хитрость заключалась в том, что я (как главный свидетель обвинения) был упрятан в медицинский гроб-отсек и всячески заэкранирован до самого ответственного момента. Вторая — что мы сразу рванули в сторону от озера.

До десятого километра К015к вел себя натурально. Даже песни исполнял — точь-в-точь как настоящий Кактус — без надлежащего голоса, инструментов и слуха. Впрочем, довольно назойливо интересовался, чего это мы уклоняемся от намеченных полетных заданий. В качестве отрицательного примера привел историю. Как на Марсе он собрался с одной милой девушкой

прокатится на пескогребе от Рыньгорода до Мерритауна, а по дороге оказалось, что она жуткий гибрид с пиявочными генами, которому раз в неделю нужна позарез банка теплой крови.

Тут одна неувязочка. Это приключилось со мной, а не с ним — я ему просто рассказывал. Видимо, после роботизации-конвертации у него местоимения «я» и «он» что-то перевернулись. Но, действительно, если бы девушку Марсину не цапнул за задницу сухопутный спрут, лежать бы мне с песочком на зубах уже с пяток лет.

А потом К015к вдруг заволновался и попросил сойти, дескать, у него аритмия.

— Сейчас мы тебя полечим, ложись в медгроб, — обрадовался майор Бурелом. Тогда пленник быстро на попятную пошел, мол, подурачиться нельзя, что ли.

— Умному-то можно подурачиться, а тебе не стоит, — напомнил Крюк.

На пятнадцатом километре псевдо-Кактус ударился в дрожь и даже в подергивания. И хотя Кнопка несколько раз пыталась сделать успокаивающий укол, конвертант не очень вежливо отпихивал кибердоктора со шприцами.

Наконец, в секунду сильного нездоровья псевдо-Кактуса, старательный кибердоктор прорвался к нему и наконец уколол. Все услышали, как игла переломилась несколько раз и потом искрошилась в странной плоти нашего пленного.

И хоть присутствующие морально давно подготовились ко всяким фокусам, выплеск К015к все равно оказался не слишком ожидаемым. Он, ни много ни мало, выхватил свой «Мясоруб» и хотел сидящего за пультом управления Бурелома избавить от лишних мыслей вместе с головой. Однако на сей раз Крюк выступил в роли не умника, но драчуна. Он успел отсоединиться от кресла и поддеть рукоятку резака носком своего ботинка. Оружие улетело, изранив по дороге своим сияющим лезвием ни в чем не повинную бортовую переборку.

Ну как, несмотря на то, что псевдо-Кактус жует иглы задницей, осадить его все-таки можно? Впрочем, этот вывод оказался явно преждевременным. Крюк не уделал конвертанта, скорее наоборот. Правда, нога нашего человека по многообещающей дуге тянулась к челюсти противника. Чуть-чуть не дотянулась, то есть, была перехвачена и взята на излом. Крюк судорожно вспорхнул, когда хрустнула его кость, и свалился кучей в угол.

— Ай, сломался, — фальшивец сделал виноватый вид. — Да, хрупок тот, в ком совесть нечиста.

Кнопка испугалась пальнуть из сквизера в таком тесном

пространстве, зато подхватила оброненный резак и два раза чиркнула бешеным светом по широкой груди конвертанта.

И тут он показал, что не такой как все. Не просто иной, но и слеплен совсем из другого теста, чем люди, животные и любые машины. Не образовалась рана или пробоина в его груди, напротив она засияла, в ней завертелись какие-то бесчисленные нити и волокна… А потом псевдо-Кактус явно устаканился. Попросту говоря, стабилизировался. И самое жуткое — посмотрел довольным лицом на обидевшую его Кнопку. Улыбка у него заползла сначала на одну щеку, потом на другую.

Я это наблюдал по монитору, и то неприятно стало, что уж говорить о девушке. Но прежде, чем заняться вплотную Кнопкой, бывший пленник переключился ненадолго на Бурелома, который явно обомлел. Вернее, забыл, что он умеет делать. А ведь мог хотя бы тормознуть реверс-двигателями и влепить псевдо-Кактуса в переднюю переборку.

К250к, пользуясь озадаченностью будущей жертвы, схватил ее за шкирку и двинул лбом о приборную доску. Голова майора стала безвольно кататься по кнопкам.

— По-моему, из такой башки получился бы неплохой мяч, — заметил конвертант.

Что говорить о майоре, если даже в моей голове преобладала звенящая пустота.

— Эй, Кактус, или кто ты там, попробуй-ка, ударь меня, — с жалким вызовом произнесла Кнопка, тоже находившаяся в каком-то полудетском состоянии, хотя рядом с ней подмигивал огоньками резервный пульт управления.

— Я не бью красоток. Скорее уж, я с тобой потанцую, — посулило жуткое создание.

Ловким нажатием клавиш К250к отсоединил крепления на кресле дамы, затем распахнул оба шлюзовых люка.

— Что-то больно спертая атмосфера, проветримся, а?

Глаза у него набрякли и покинули лицо, из дырок вырвался поток какой-то липкой дряни, который закружил Кнопку — почти в вальсе — и потащил к распахнувшемуся шлюзу. Эх, как же я раньше не догадался, К250к — не биоробот, а просто нечистая сила!

— Не трожь женщину, урод. У нас и так бабы в дефиците, понимать надо!

— В моей голове наконец взорвалась (естественно, мысленно) крохотная бомбочка, отчего я включился в ситуацию и вылетел из своего медгроба. Вся Космика, Юпитер, Сатурн, Марс, астероиды окинули меня напряженными взглядами, поддавая ходу моему оборонительному смерчу. Его пробуждение было как никогда

кстати. Он сразу почувствовал оппонента, который оказался сложным букетом горячих, холодных, колючих, режущих, мягких нитей — прямо чертовой каруселью. Оппонент тоже откликнулся.

— Слушай, ты поздно появился, Штеккер, мы уже собрались расходиться. Ладно, я провожу тебя с цветами.

Он ударил первым, как поступал и настоящий Кактус (правда лишь с чужими). Пучок раскаленных игл воткнулся в мою подвздошную область. Это был нокаут, я чуть не пал на поле дряни. Но обошлось. Моя оболочка впитала вражескую энергию, как толстое одеяло кастрюлю кипятка.

Тем не менее, я согнулся пополам. И как следствие, вражеский кулак, звенящий словно вечевой колокол, стал опускаться на мой затылок, суля мрак и забвение. Перед ним двигалась ударная волна. Поэтому я точно знал его траекторию.

И решил провести прием, который называется «сальто марсианского жука». Мой черепной коробок воткнулся в палубу, а согнутые ноги оттолкнулись от нее, чтобы, в итоге, вбить оба каблука в противника.

Он, конечно, увильнул, однако, и я, завершив кувырок, оказался не в худшем виде. Моя защитная оболочка теперь тянула на звание доспеха. То, что казалось смерчем, стало пульсирующей броней. Из ладони протянулись резкие жесткие пульсации, напоминающие клинок. Псевдо-Кактус еще только полуобернулся ко мне, я мог ткнуть его в бок, но такой соперник требовал особого подхода. Поэтому пришлось рассечь невидимый силовой кабель.

Это был пучок нитей, по которым торопились откуда-то (с озера?) к конвертанту тяжелые мощные вибрации. Я резанул по кабелю, он резанул по пальцам… но фальшивец пошел вразнос. К250к был по прежнему груб и напорист, но уже не наносил прежнего вреда. Само собой, я тоже не превратился в боксерскую грушу. Напротив, изящно уклонялся от прямых выпадов и элегантно нырял под круговые удары.

Все-таки он чуть не доконал меня. Острым клювом, состоящим из трех пальцев, клюнул мою честную глазницу. Я едва успел мотнуть котелком назад и — в третий раз стукнулся мозгами о переборку. После чего перестал ощущать свою пульсирующую броню. Соперник, пользуясь моментом, нацелился переломить мне голень. Я неудачно перепрыгнул пинающую ногу, споткнулся и шлепнулся на спину, пропустив над собой кулак, сминающий беззащитный воздух.

Диковинный злодей готовился протоптать мне живот, уже занес свой башмак, когда ему помешал Бурелом. Весь в пене, несчастный, шатающийся, он поразил конвертанта каким-то

баллоном. Тот, впрочем, лишь ткнул ладонью внезапно образовавшуюся помеху, потом снова занялся мной. Но неожиданно посмирнел, замер с торжественным видом, будто решил чихнуть или пропеть арию. Перерезанный кабель окончательно успокоил его.

Раздался хлопок, всю кабину затянуло дымом из кристалликов, словно бабахнул взрыв-пакет. Когда мгла рассеялась, вернее вылетела за борт, я убедился что Кнопка валяется на полу мятая, но все-таки живая, а с К250к сложнее. От него остался быстро вращающийся клубок серебристых ниточек-ленточек, которые разлетались с шипением и посвистом. Скоро вся кабина была залеплена белесой дрянью, напоминающей раздавленную вермишель — она еще ползла куда-то, наверное, к еде и свету. Я ждал дальнейших происков, но она растаяла, не оставив даже вони на память — злой дух выдулся в распахнутый борт. Можно было закрывать люки и подводить итоги мероприятия.

На Крюка, кажется, по ходу дела наступили еще несколько раз, и он только охал в углу, похоже было, что целых костей ему оставили немного. Кнопка уже держалась на ногах и, приглаживая одной рукой волосы-перья, другой трогала прореху на моей куртке, сквозь которую виднелась изрядно подгоревшая кожа.

Ласка была непритворной, скупой и потому приятной, ради нее я бы не отказался подгореть еще в нескольких местах.

А потом я заметил Бурелома. Он лежал в волдырях, язвах, с дырой в груди, через которую вытекла красным ручейком вся его жизнь. Бурелом, не задумываясь, плеснул ее на ту чашу весов, которая называется «победа».

Майор не был одноразовым бойцом, он достаточно повоевал, чтобы приобщиться теперь к божественному ветру. И все-таки то, что его убили какие-то крутящиеся сопли, внушало отвращение к жизни и смерти.

6

Крюка и Кнопку я высадил из основного модуля. Я им вполне доверял, просто у них имелась своя задача. Для начала соратничкам надо было дождаться с орбиты резервный модуль.

Напоследок Крюк торопливо объяснял мне, что все конвертанты, островки на озере, вещи с местной фабрики и прочее, пока незамеченное нами, — есть органы одного большого существа по имени ПЛАЗМОНТ. Что это живая тварь,

выпускающая бесформенные незаметные СПОРЫ. Что те поглощают разнообразную материю — от пельменя до кровати и Финогенова — делятся, разрастаются и принимают облик своей еды.

Крюк лопотал про то, как выросшие и повзрослевшие споры становятся агрессивными ГАМЕТАМИ, которым предстоит неслабая работа — соблазнять жертвы, что бы их легче было зацапать. Как гамета вела себя баба с Курком, и псевдо-Кнопка со мной, и наглый пацан с Кактусом. Гаметами являлись и некоторые псевдо-предметы: послушный пузырь, дурацкое золото или психотронный генератор.

Чтобы это понять, никакого Крюка мне не требовалось. Достаточно было подлечить голову, добраться до койки на базе, принять пива с хреном, ублажить мозговое вещество никотином, ну и выдать чин-чином полную правду под бренчание гитарных струн. Однако сейчас я занимался более серьезными вещами.

Поэтому один Крюк, реализуя право на бред, давил из себя всякую дичину. Дескать, Плазмонт, хоть и похож на братьев наших меньших Protozoa и всяких бацилл, не сделан из клеток, привычных молекул и атомов. Ничего такого у него нет. Он весь состоит из НИТЕПЛАЗМЫ. То есть, из монад, шнуровидных молекул, которые больше никак не структурируются. Это какая-то первичная форма существования материи без разделения на массу и энергию. Крюк еще щеголял такими словосочетаниями, как струнная структура, овеществленные нитевидные поля. Каждый шнурок-монада — это вибрирующая на определенной частоте струна массоэнергии. В вибрации ее сила и информационная насыщенность…

Крюк показывал эрудицию на том материале, который собрал я. На том, чему я был свидетелем, где был участником. Все правильно, благодаря соблазнению в защитном поле добычи открываются каналы, в них вползают нити-монады, завязываются узлом и начинают тянуть плоть из ячеек гравиполя. Благодаря воздействию на некоторые железы внутренней секреции жертве становится радостно. Процедура кончается тем, что монады выдавливают всю начинку до последней капли.

А если процесс прервался, гад хотя бы успевает ухватить достаточную порцию молекул из мозга, ответственных за зрение, память, волю, передачу импульсов. Энергия и информация глотками разносятся по телу Плазмонта и откладываются, большей частью в ядре. Ну и ядро не остается в долгу перед периферией, такой как псевдо-Кактус, подкрепляя ее мощными токами.

Крюк вел приблизительные разговоры о том, что нитевидные

структуры — это первое, что образовалось в результате Большого Взрыва при растекания энергии-массы по неоднородностям пространства. А неоднородности остались еще от предыдущей вселенной. Где они оказались посущественнее, там и сгустились нитевидные структуры для долгой и счастливой жизни.

Мне же предстояла не болтовня, а типовая атака по методу «мухи и орла». Задача орла — рисковать как можно меньше, задача мухи — быть нахальной. Я — «муха», поэтому должен вторгнуться во вражеское гнездо на основном модуле. Где мое присутствие господину Плазмонту больше всего не понравится — там ядро. Едва я сообщаю верные координаты цели, с неба валятся «орлы» на резервном модуле и вколачивают бомбу, куда положено.

Антигравитационная бомба — вот та пилюля, которую нужно прописать Плазмонту и засадить в самое ядро. Бомба — это протоновый сгусток, в него немедля влезут все монады. А затем протоны вдруг сменят знак вращения, то есть пресловутый спин, под действием сверхмощного электромагнитного поля; станут антипротонами, и от этого масса поменяется на антимассу. Все монады кинутся врассыпную, как ошпаренные глисты и Плазмонт просто расползется словно трухлявая тряпка.

Прощался я с Кнопкой довольно нежно. Если вдруг стану посмертным героем Космики, чтоб было чего ей вспомянуть. Ведь как известно, монументы с конем и змеей нашим отличившимся согражданам не положены. Иначе на улице было б не пропихнуться сквозь частокол бронзовых героев. Только съеденное, выпитое и выдохнутое остается нерукотворным памятником. Да еще прозываются гордыми именами героев открытые учеными микробы, например — spirochaeta alexis K123.

Мне предстояло подарить свое имя микробу, а Крюк нацеливался в ученые, поэтому и чувствовалось, что он лелеет свою задницу для кабинетной работы.

Я, наконец, рассказал боевой дамочке подробности свидания с ее двойницей. Когда дошел до упоминания родинки в одном укромном месте, эта кобра очковая, эта машина для убийств (которые, надо признаться, она проделывала всегда довольно мило) даже зарумянилась. По-моему, я стал главным претендентом на ее прелести, хотя, ясное дело, безумной любви от нее не дождешься. Правда, еще надо уцелеть. В противоположном случае стану струйкой божественного ветра. Говорят, все валькирии, включая Кнопку, с ним регулярно имеют интим, отчего так неуступчивы с простыми смертными.

И вот я запорхал над озером. Оно почуяло сверхмаскированный модуль загодя и быстро закрылось туманом.

Потом геноссе Плазмонт наслал на меня своих солдат, оказывается, имелись у него такие. Его бойцы были похожи на наших, как задница на пулемет. Внешне они — вертящиеся шары, диски или колбаски, очень невкусные колбаски. Выпрыгивают из тумана так, будто кто-то лупит по ним здоровенной ракеткой. Вдобавок разлетаются на шарики и сосиски. Иногда, но не всегда. Эти штуки норовят задеть меня, как-нибудь навредить, и в конце концов падают обратно в туман.

Кстати, больше всего им не по вкусу пришлись очереди из обычного крупнокалиберного пулемета. А импульсники, бластеры и сквизеры, наоборот, производили благоприятное воздействие и даже укрепляли их аппетит.

Это, так сказать, объективная сторона, а субъективно-то я противников, конечно, ощущал своей оболочкой. Она казалась большой, а круглые солдаты мелкими — не крупнее, чем шмели, оси и и знаменитые японские сюрикены. Я старался давить их прежде, чем они ужалят, перемалывал мощными пульсациями своего персонального смерча. Что интересно, в моей размашистой оболочке упорство врагов все-таки теряло направление, а наступательная энергия растворялась. Затем, после незаметной концентрации, она возвращалась к следующей волне нападающих жесткой отдачей. Так вот, правда-реальность заключалась в том, солдатики лопались и превращались в безвредные брызги прямо на моих изумленных глазах.

Однако, снизившись в туман, я потерял ориентацию. Еще и движок заикал, значит, в плазмодинамических камерах стало нехорошо с потенциалами. Высота принялась таять помимо моего желания. Даже «броня» не очень-то выручала, «шмели» и «сюрикены» жалили будь здоров. Это, наверное, потому, что я здорово струхнул. А в реальности солдаты бросались на обшивку модуля и исступленно грызли ее. Поэтому мне показалось, что я, как в кастрюле, за которую взялись сотни крыс. И стрельба из пулемета в упор не слишком много очков приносила.

Дальше сплошное расстройство. Совсем упали потенциалы в двигателе, должно быть, какой-то вражий боец пролез через сопло. Враги отгрызли самую хрупкую часть модуля — стабилизатор высоты! Наконец, мне обработали и обзорную систему. В тоскливом итоге, я без затей стал валится вниз, слабо цепляясь за высоту маневровыми двигателями.

«Приготовьтесь упасть с неба, это бывает раз в жизни», — так, наверное, выразился бы Бурелом.

Я сел в лужу, вернее, плюхнулся в воду. Однако ее поверхность стремительно затягивались, как в сильный мороз. Но озеро схватывал отнюдь не лед. Острова как амебы плодили

островочки, те тянулись друг к дружке белесыми извивающимися жгутиками. Во время обеда мне такое без рвотного пакета не стоило бы показывать.

Острова срастались, оставляя лишь тоннели меж собой. А потом по одному из них промчалось, должно быть, с ракетной скоростью несколько солдат. Ну и долбануло. Крепления въелись в тело, зашлепали по воде борта. Когда я сфокусировал взор, то первым делом различил проломленную обшивку.

Теперь уже через пробоину можно наблюдать с какой наглой торопливостью меняется пейзаж. Различим стал огромный приземистый дворец. Часть стен и внутренних перегородок срезана, как на плане — видна путаница коридоров, невысоких лестниц, квадратных колонн, бассейнов для дождевой воды, пузатых емкостей для масла и зерна, изваяний божеств, похожих на пучеглазых часовых. А в центре лабиринта кто-то малосимпатичный, чуть ли не с бычьей головой, объедает барельефы со стен. Плазмонт корчит из себя жутика Минотавра, пробивает ко мне канал страха? Нет, батенька, я вам не древний миноец и даже не грек.

Я готовил себя к очередному нападению кругляшей, но вместо них появилась псевдо-Фикса. Остановилась в двух метрах и пялится. Нервы мои зазвенели и я решил обратиться первым.

— Надо полагать, Плазмонт принял столь прелестный облик, чтобы я поскорее размяк и стал готов к употреблению. Ну, как поживаете, почему до сих не сожрали всю Землю? Не знаете, чем соблазнить поля, леса и горы?

— Алекс, — сказало оно (или она?), — я тебя уважаю.

— Это ритуальная предобеденная фраза? Надеюсь, еде не обязательно отвечать. А можно взять последний тайм-аут? Хочу покурить, подумать о своей девушке.

— Если собрать ухажеров девушки-Кнопки, то их хватит на пару эскадрилий и слет пилотов-отличников впридачу. Она ведь профессионалка, — довольно ехидно процедило существо.

— Вы вполне профессионально используете информацию интимного характера. Это, господин Плазмонт, сближает вас со спецслужбами всех стран и народов.

— Кончай придуриваться, — довольно грозно рыкнула псевдо-Фикса. — Я не Плазмонт, козел ты этакий. Скорее наоборот. Я сейчас болезнь Хозяина, взбунтовавшаяся информация. Для ясности — зона воспаления и мутации в его уме.

Я беседую со взбунтовавшейся информацией! Дожил. Она же упорно продолжает:

— Плазмонт отнюдь не демон-вампир. Скорее, большой

вирус, который превратился в машину для увековечивания. В свое время он привык лакомиться затухающими цивилизациями — людьми, предметами — ведь защита у них ослаблена. Он, естественно, вбирал массоэнергию, необходимую для пропитания, а заодно и сведения, которые использовал для соблазнения. Со временем он стал настоящим человековедом и даже взялся коллекционировать характерные черты и особенности исчезающих культур.

— Какой прекрасный рассказ о людоеде, который кушал людей, вначале оттого, что они ему просто нравились, а потом, чтобы лучше узнать их. Особенно приятны были на вкус люди талантливые, художники, поэты. Со временем он стал собирать коллекцию из косточек и прочих культурных ценностей… Ну, зачем, например, мне увековечиваться?

— Допустим, он сочтет тебя типичным представителем цивилизации. Тогда, впитав тебя, Плазмонт сохранил бы и ее.

— Тут вы, уважаемый собеседник, или собеседница, пролетели мимо. Во-первых, я вряд ли являюсь столь калорийным питанием. Во-вторых, Космика все свое хранит сама. Ей старьевщики как раз не нужны, в отличие от вырожденцев-землян.

— Плазмонт пока еще не понял Космику. Алекс, мне кажется, ты смог бы кое-что втолковать ему.

Итак, мне надо убедить себя, что Плазмонт просто интересный в общении эрудит. Этакий старичок-кальсонщик, который сидит среди всякой ветхой рухляди и рассказывает байки: «Вот, помню, до войны, когда еще такие большие ящерки кругом ходили…» И при том забыть, что он коварный слизняк, который так и норовит выпить все твои соки.

— Ну разве легко вступить в переговоры с какими-то соплями? Если даже они и разумны по-своему. А вдруг у нас разные языки. Я, например, говорю, а он, допустим, танцует и поет. Кто составит словарь понятных ему слов? Я даже не знаю, где у него перед, где зад… Фикса, неужели это ты? — неожиданно спросил я у оборотня, наверное, потому что дыхнуло на меня чем-то знакомым.

— Душа Фиксы. Волновой пакет. Связка тонкоэнергетических пульсаций, которая есть у тебя, меня и Плазмонта тоже. Это нас роднит. Она может быть очень мощной, вспомни свой персональный смерч, защитную оболочку, пульсирующую броню. Кстати, во время стычки в сарае у меня имелось еще и тело. Тогда Плазмонт устроил все так, чтобы вы меня заподозрили. Хотя, между прочим, айкидо я изучала у самого Уэмуры.

— Ну и номер! Значит, ты в 22:30 высвистала из жалости

резервную группу, потом появились эти псевдо, и эрзац-Кнопка хлопнула тебя из моего сквизера…

— Ты очень правильно делал, когда сомневался в моей виновности. Но сейчас это уже не интересно… Так вот, беда Плазмонта в том, что рано или поздно он нарывается на душу, которая ему не по зубам. Понимаешь, в отличие от старушки Земли, он не смог соблазнить меня…

— А я бы тебя смог? — брякнул я невпопад.

Фикса, вернее, ее душа, даже немного замялась.

— Во всяком случае, ты хорошо целуешься, Алекс. Может, поэтому мы сейчас строим совместные планы.

— Недурственная основа для объединения наших усилий.

— Я сейчас твой дружественный интерфейс, — максимально убедительно произнесла Фиксина душа. — Плазмонт не будет посягать на твои молекулы — передача вибраций в его монады пойдет через меня. Я соединю твое сознание и его. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

— Пожалуй, выбор у меня небогат. Как говорили в райском саду — вот, Адам, тебе Ева, выбирай себе жену.

Плазмонт не ждал меня в своем дворце-лабиринте с распростертыми объятиями. Он сразу взялся за мою обработку, хотя это трудно было назвать направленным воздействием. Чего стоит один интерьер. Кроме моего ультрафиолетового фонарика никакой подсветки. Вязь из масок-рож на стенах лабиринта: смеющихся, плачущих, тупых, хитрых и всяких прочих. И слизняки кругом, жрущие, выделяющие, сливающиеся, делящиеся. Все было сделано, чтобы напитать меня тоской. Эх, до чего способны вогнать в грусть биологические процессы и человеческие лица! Тысячи помыслов, деяний, желаний. И все такие неглубокие, что остался от них лишь штампик на стене.

Я как-нибудь сообразил, что Плазмонт не унимается, что он упорно долбит каналы в мою душу. Внушает бессмысленность жизни, работы, отдыха, нагрузок, удовольствий.

Мне было тяжело, выматывало, выжимало. Но я понял, что накатившая бессмыслица не моя. Ведь я — это Космика.

А Космика-то живет! Даже дышит. Причем как! Может, у нас не очень ясно с правами на личную жизнь, но с должностными обязанностями и кастовыми возможностями — пока что в ажуре. Мы не пережевываем самих себя, зато едим время, пространство, врагов — которых, кстати, не придумываем. Ведь в космосе ничего сочинять не надо, там и так есть все.

Меня не шибко беспокоит персональный календарь. Когда легким выхлопом отработанных газов присоединюсь к божественному ветру, годом раньше или позже, особой разницы

нет. Даже если я совсем лажанусь, тоже не беда, кто-то ведь должен стать очередной палочкой в неизбежной цифре потерь и неудач.

Плазмонт меня понял. Такую проницаемость его ума-разума обеспечила, должно быть, превратившаяся в зону воспаления Фикса. Конечно, он мог бы размазать мой организм по стенкам, но получил бы снова неподконтрольную бунтующую информацию.

Поэтому он встретил меня неприятного вида тушей — ноги футболиста, задница мясника и бычья башка. Возможно это был жест отчаяния. Возможно.

Этот портрет Плазмонта ринулся ко мне с самыми дурными намерениями. Ладони решительного чудища, горящие бешеными вибрациями, уже были готовы дать мне по ушам и превратить голову в обугленный черепок. Я просто поднырнул под его ищущие руки, их жар перешел в мою оболочку и сделался силой противоположного знака. Защита затвердела, стала броней и лишь слегка спружинила под наваливающейся тушей. Осталось только провести прием.

Ноги оппонента в сандалиях древнекритского производства приоторвались от пола. С помощью легкого подворота я помог движению туши вперед. Упал Минотавр на собственные пламенные руки. Очень неприятное зрелище — еще одно короткое замыкание. Однако, он хоть и в подпалинах, но подскочил и хуком слева попытался свернуть мне шею. Я слегка сместился, а моя рука успела зафиксировать его предплечье. Это не намного облегчило бы мою участь, да только оборонительный смерч украл энергию его жесткого удара и изменил ее знак, превратив в мягкую силу потока. Я будто услышал шум воды, и Минотавр улетел вслед за своим кулаком в стену.

Он очень хорошо подставился: широченной спиной, квадратным затылком. Теоретически хорошо, но практически не будешь же отвешивать ему поджопники. Я схватился руками за рога противника. Потащил на себя. Они обманчиво легко, как вода, поддались, но постепенно нарастив сопротивление, застыли, затем двинулись уже вперед. Одновременно и лапищи гибрида легли сверху на мои ладони. Сейчас он чуть присядет, рванет — и мой незначительный лоб уткнется в твердь стены. Но оболочка, не сплоховав, отдала всю запасенную силу — ударила будто шквальным ветром — и зыбкая макушка Минотавра впилилась в им же созданную стену.

Товарищ по недетским играм слегка расплющился и обмяк. Впрочем, это ненадолго. Энергия и информация наверняка уже перетекали по монадным шнуркам в новую, более подходящую

форму. Но долго и не надо. Я был в самом ядре, пусть-ка поработает мой маячок, с помощью которого наведется антигравитационная бомба. Даю сигнал: «Морда вызывает Кирпич. Иди ко мне.» Вот она уже близка, любезная бомбушка, с надписью на боку: «Лишний раз не бросать. Может нанести серьезный ущерб вашему здоровью».

Прощай, Плазмонт. У меня сейчас тоже «мене, текел, фарес» — вот-вот будет подведен итог трудовому стажу. До встречи, божественный ветер.

7

Что за дела? Бомба свалилась. Все разлетелось, включая меня. А я все-таки жив. Или мне так кажется? Мысли-то есть. Не слишком богатые, но все же имеются. И ощущения хлещут, причем совершенно незнакомые.

Я знаю, кто я такой. Капитан Алекс К123 второго крыла пятой отдельной эскадрильи. Однако впечатление создается, что нет ни рук, ни ног, или, наоборот, они везде. Мои глаза и уши словно вращаются. Они на орбите. На орбите чего? Я весь состою из орбит.

Такая мельтешня вокруг меня: крупное, мелкое, медленное, быстрое, деревья, столбы, лица, органы, клетки, атомные решетки, молекулы, нити. Я жажду со всем этим познакомиться поближе и торжественно клянусь, что буду лелеять для вечности светлый образ каждой пылинки.

Стоп. Я, вроде, стал Плазмонтом. Только очень маленьким, спорой — мои орбиты теснятся слишком близко к центру. Наверное, поэтому так хочется быть спящим и оживлять во сне царства, пирамиды, монументы. Я помню, что родом из Космики и не должен вредить соратникам. Но кто знает, что произойдет, когда я просплюсь. Может, и Космика одряхлеет к тому времени. Мне немало придется попотеть, чтоб сохранить ее навсегда на полочках своего ума. Я ведь не чужой ей, как не был чужим Земле тот предыдущий, которого я сменил.

Кажется, женский голос подмурлыкивает колыбельную. Это Фикса? Эх, заживем мы с тобой в одной споре, как Робинзон с козой… Фикса, где ты? Ой, больше не могу, глаза сами закрыва…

Дорога на Буян

Рапорт № 1 от 02/08/2028

Зам. нач. СБ ЦИКИ [1] майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от сержант-техника Сав. П. Прозорова

Дорогой коллега.

Скоро сказка сказывается, да не скоро бизнес делается. Долго бродил Иванушка-дурачок (прошу впредь считать это странное имя моим псевдонимом в виртуальной реальности) по свету, да вдруг набрел на избушку, что на курьих ножках стояла. Причем к нему задом, а к лесу дремучему передом. Будучи правильных взглядов, повелел Иванушка: «Повернись-ка теперь ко мне передом, а к лесу задом». Избушка послушалась. Заходит дурачок и видит: лежит на печке женщина, конкретно Яга-костяная нога, нос в потолок врос, попа жиленая (я вовсе не пытаюсь оскорбить старую даму, а только описываю степень монстрофикации данного объекта).

Молвила Яга Ягишна: «Доселе русского духа слыхом не слыхивали, а ноне, поди, сам в гости пожаловал». («Русский» в контексте не имеет отношения к национальным или республиканским обозначениям. Означает — живой, посюсторонний.) Взглянула она на Иванушку страшным взглядом и велела ему на лопату садиться.

Но только Яга Ягишна примется в печь его всовывать, Иванушка ногами в печь и упирается. Разгневалась Яга: «Не так, дурачок, не так, кретин». «А ты, бабушка, покажи, как надо», — попросил Иванушка. (Использован стандартный алгоритм.) «Ан нет, непригожи слова твои, — отвечает Ягишна. — Как в прошлый раз не выйдет». Отходила она Иванушку костяной ногой, да и в печку сунула. (Больно, честное слово.)

Таким образом, дорогой коллега, выходит, что у Иванушки не было никаких шансов в пределах допустимых вероятностей, относящихся к категории «не-чудо». Обмануть нельзя, убежать тоже, да и силой с монстром меряться бесполезно. Получается, что сюжетный алгоритм в силу закрытых от нас процессов стал тупиковым. К сожалению, описанный случай не является единичным. Вот реестр за мое дежурство:

В зоне 8А змей внезапно откусил левое полушарие мозга Федоту-стрельцу. И это случилось там, где во всех монстров был встроен вегетарианский интерфейс!

Зона 5М2. Злая ведьма парализовала и медленно расчленяет удалого молодца, в час по кусочку. А ведь согласно стандарному алгоритму все должно происходить наоборот и гораздо быстрее.

Зона 6 наводнена возбужденными упырями, способными к

бесконтактному кровососанию. Хотя согласно системному журналу туда был загружен лишь один подобный объект, причем устаревшей модели и в сонном состоянии. Причины самокопирования, самоактивации и самомодернизации упырей не ясны, ведь все известные нам генераторы несчастных случаев находятся далеко за горизонтом событий.

Предвижу ваши сомнения, но считаю долгом сообщить о своих догадках. Стрелец и удалой молодец, а также Иванушка-дурачок — уже не просто персонажи. Эти программные объекты находятся в прямой связи с сотрудниками нашего института. Первый соединен психоинтерфейсом с начальником кадровой службы товарищем Федотовым, второй — с пресс-секретарем господином Удальцовым. Третий — увы, лично со мной. Прошу учесть, что «гибель» и «ранения» игровых персонажей разрушительным образом влияют на психику и даже соматику лиц, связанных с ними через интерфейс (прилагаю копию своего больничного листа).

Необходимо срочно разобраться: кому это выгодно? А если невыгодно, то тоже кому. Прошу заметить — среди пострадавших нет ни одного члена научного персонала нашего института, что крайне подозрительно.

Уже после уничтожения моего игрового персонажа бабой-ягой, около 2.30 по московскому времени, я пытался войти в главное пультовое помещение. Однако на мои неоднократные просьбы открыть дверь, начальник научной смены коллега Дар Веттер реагировал беспричинным смехом и клеветой на нашу Службу Безопасности в виде неостроумных частушек. Когда же я решил воспользовался жетоном-вездеходом, он неожиданно отпер дверь и толкнул ее сильно в мою сторону. Получив сильный удар в лоб, я упал и ушиб затылок. С деланым сочувствием научные сотрудники поволокли меня в санчасть, «добродушно» упрекая в подслушивании. Под видом успокоительного медсестра Лиходеева вколола мне психотропный препарат. Судя по зеленым призракам перед глазами — экстраморфин. В связи с этим продолжить несение дежурства мне не удалось. Вернее будет сказать, что я добрался до первого дивана в коридоре и погрузился в наркотический сон, который продолжался до 7.15. Я был разбужен лишь гоготом и оскорблениями научных сотрудников, идущих домой после рабочей смены.

Согласно п.10 Устава я хотел задержать лиц, наиболее усердствующих в подрыве авторитета Службы, но вынужден был отказаться от своего намерения. Подрывные элементы набросились на меня кучей, свалили на пол и положили сверху диван. Я чуть не умер от отсутствия кислорода в легких! Когда

уборщица Мэрия Джоновна сделала научным сотрудникам замечание, они коварно извратили все случившееся: «Не волнуйтесь, бабушка, это у нас совместные учения. Вы присаживайтесь на диван, мы вам поподробнее расскажем.»

Дорогой коллега. Для поддержания авторитетного уровня несения дежурства настоятельно прошу разрешить применение рвотно-слезоточивого аэрозоля по нарушителям порядка, регламента и инструкций.

02/08/28. Майор-инженер Рубакин. Рапорт рассмотрен. Достаточных оснований для начала расследования нет.

Распоряжения подразделениям:

Савелия П. Прозорова направить в клинику Военно-медицинской Академии на внеочередное психиатрическое освидетельствование.

Рапорт № 2 от 06/08/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от сержант-техника Сав. П. Прозорова

Дорогой коллега. В связи с благоприятными для меня результатами медицинского освидетельствования считаю видения, обступающие меня во время дежурств, объективной реальностью. В связи с этим прошу оградить меня от продолжающейся травли.

Сегодня я обнаружил в институтской стенгазете свой карикатурный портрет в траурной рамке. С наглой надписью вверху: «Светлый образ — грязными руками не трогать». И возмутительным текстом внизу: «Сержант Прозоров, произведя задержание мочи для анализа, пал смертью храбрых».

Товарищ майор. В нашей дежурке, возле шкафа стоит невзрачный такой монитор. Едва коснешься его контактных тродов, и ты уже ТАМ, перелетел как параметр в игровую функцию, в интерфейс какого-нибудь персонажа. Снял руки с тродов — и ты снова ЗДЕСЬ. Прыг-скок, там-здесь.

В нашей реальности хозяйничает мокрый противный ветер, лупит вовсю по стеклам, задувает в щели, а я коснулся тродов и… Солнце сияет расплавленным пятаком, где-то вдалеке с крыши небосвода скатывается стайка надувшихся тучек, а над тобой, как на полянке, кудрявые облачка пасутся. Вокруг рощи, в кудрявых кронах березок и дубков играет блестящий воздух. Трава-мурава, что бархат. Поодаль холмы, как подушки зеленые. Между холмов речушка запуталась, а за ними маячит море голубым дымком. Благодать! И забегая вперед, отмечу, что никакие контакты интимного рода не грозят СПИДом.

Но до идиллии в игровом мире тоже далеко. Хорошо проглядывается то ли скала, то ли парашютная вышка, а на ней похожий на чайник терем-теремок Кощея Бессмертного. Это, если забыли, легализованный нами программный паразит. Забирает себе время, выделенное системой на существование других объектов. Его собственный деструктор тщательно замаскирован.

Стал собирать я информацию, опрашивать обиженных и обманутых Кощеем.

Как выяснилось, большую часть времени оный злодей спит, укрепляя свое бессмертие. А когда не спит, то питается, пожирает чужое время.

Отнимает он драгоценное время у Елены Прекрасной, которая сидит у него в светелке и даже не пытается дать деру. Теряет время и Василий-царевич, который в темнице стонет и

кряхтит, потому что Кощей лично сломил ему волю.

Я возмутился и стал разрабатывать схему ликвидации злодея. Деструктор Кощея не был для меня большим секретом: ларец на дубу, яйцо в ларце, игла в яйце. Ну, а в игле, как и полагается, смерть (коды для полного стирания его модуля). Однако в одиночку до деструктора не добраться, нужно свою мафию иметь. Причем состоящую из разных животных, морского, воздушного и сухопутного базирования. Полезное тебе животное надо найти, пригрозить ему убийством из лука, и тогда оно с тобой подружится. Так, по крайней мере, в теории.

А я вот прослонялся целую неделю (по локальному времени), шикарный кафтан изодрал, тьму млекопитающих, птиц и рыб запугал, застрессовал. Да только они не полезли вместо меня в огонь и воду, а весьма откровенно наплевали на мои слезные просьбы и грозные команды в самый ответственный момент. Иглу слизнуло в море, а щука лишь издевательски махнула хвостиком. Наверное, вся эта фауна догадалась, что я — «бумажный дракон». И в самом деле, ни из лука садить, ни мечом лупить не обучен (тоже ведь упущение со стороны руководства).

Вернулся я к своему шалашу грязный и злой. А там какой-то тип средневекового вида уже сидит на пеньке, кашу варит. Я молчу — кто его знает, может, подосланный — а он молвит слова приветные: «Guten Morgen, Herr Unteroffizier. Знаю я твою беду-кручину, дурачок Иванушка. Хочешь-не хочешь, а помогу я тебе». Махнул на котелок, лопай-де, и юркнул в кусты. Вернулся через час — я еле его узнал — монстрофицированный, раздувшийся, в густой шерсти, мускулистый, как три гориллы. Садится за пень и, чин чином, пишет мне рапорт следующего содержания:

Сержант-технику СБ Савелию Петру Прозорову от персонажа Тристана, рыцаря

Дорогой сэр и достопочтенный старший брат, радуйся.

Учитывая возросшее число степеней свободы большинства игровых персонажей, особенно таких как Кош или Кощей, называющий себя Бессмертным, я был вынужден изменить стандартное разрешение сюжетного алгоритма.

Проник в палаты Кощеевы под видом посла иностранной державы и говорю:

«Оба мы с тобой непонятые. Тебя темные люди почему-то считает паразитом и провокатором. А ты на самом деле берешь у бездельников излишки хрональной энергии, чтобы продлить свою жизнь творца и созидателя. Чего стоит твой теремок — подлинный шедевр архитектуры. А мне вот пришлось невесту для чужого дяди доставать». Рассказал ему свою любимую байку про Изольду — вижу, расстрогался старый, слезу выпустил. Тогда и

сообщаю, что его заветная игла на дне морском во власти стихий и случайностей. Хороший момент улучил, доверительный. Он весь задергался, только успел назначить меня своим заместителем по делам бессмертия и бросился прямо через форточку в пучину морскую. Я тем временем, размахивая знаком власти — скипетром в виде вилки — спускаюсь в подвалы мимо кощеевых ратей, не забывая поддержать их морально за верную службу. Они двери чугунные мне отпирают, засовы железные отодвигают, вхожу я в камеру к Василий-царевичу, кричу: «Заключенный — встать», снимаю его с цепи. А этот неумытый, нисколечко не возрадовавшись, продолжая что-то жевать, ответствует мне с чавканьем и грубо: «Кто ты? Что от меня, крещеного, хочешь?» Я ему нашептываю голосом сладким: «Я пришел восстановить сюжетную правду и освободить тебя из оков. Я у твоего батюшки-царя сам в оковах сидел, потому что был чудищем. Вот, смотри, татуировка, пять лет — пять перстней. А ты ключики с батяниной шеи снял и мне по глупости передал. Я расковался и был таков. А нынче, сорок лет спустя, явился я собственной персоной отдать тебе должок.»

Но придурковатый царевич больше большего напужался. Бормочет, что никакого чудища полоненного не жалел, что сорок лет назад учился в школе-интернате. Пришлось слегка его подуспокоить во имя скорейшего спасения — Кощей ведь в любой момент назад пожаловать мог. Кулаком в лоб, чтоб не выкобенивался, голову под мышку и вперед — туда, где нет конвоя. Пока я его выволакивал, Елена Прекрасная ущучила, что без надзора, и смылась. За ней большая кодла птиц явилась из другого сюжета, породы гуси-лебеди. Хвать ее и удирать со всех крыльев. Стрелять вроде не положено, запустил в них стулом, да промазал — уже высоко они на воздуся поднялись. Делать нечего. Оглянулся к царевичу — и его след простыл. Вот такая история. Очень нестандартный царевич. Есть тут над чем подумать.

Я, прочитав такой рапорт Тристана, первым делом взмок от ужаса. Да как он, простой игровой персонаж, посмел демонстрировать интеллект на уровне среднего научного сотрудника? Однако подумал и объявил ему благодарность от имени руководства нашей Службы за спасение царевича, а за нокаутирование благородной особы журить не стал. Все правильно. Пришла подмога к тебе — да хоть в исподнем беги.

Так что скорешились мы с Тристаном, не смотря на то, что он оборотень. Впрочем, Тристан уверяет, что совсем недавно был простым рыцарем, имел крепость со всеми удобствами и кучу слуг. Но, дескать, налетевший вдруг ретипинг унес его из сектора кельтского эпоса в английскую сказку о трех поросятах, где какая-

то блуждающая программа переоформила его в серого волка. И хотя из этой членовредительской сказки он убежал, однако не утратил способности оборачиваться ласковым и нежным зверем.

Решили мы поискать Василий-царевича в рощицах под кощеевой скалою, ведь далеко не должен был уйти на голодный желудок. Да тут налетела на нас стая оводов, каждый размером с курицу — наверное, из сектора греческой мифологии — и погнала в какую-то ненужную нам сторону. Насилу отбились от них уже в другой зоне. Скорешились там с Морозом Красным Носом. В имени этого гражданина кое-что приукрашено, нос-то от запоев давно сизым сделался. Новый друг выморозил всех летучих гадов — правда, вместе с нами. Нас потом Снегурка реанимировала. Она — мощная нудистка, зимой по природе голая бегает и лечит всех в бане…

Вы, наверное, дорогой коллега, в толк взять не можете, что это мне приспичило за Василий-царевичем гоняться. Лицо вроде не юридическое, игровое. Да нет, неправда ваша, сударь. Василий-царевич — это самопрограммирующийся объект, который соединен через мощный интерфейс с ведущим специалистом отдела разработки игровых схем Василевсом Мережко. Объект очень автономный, бежит невесть куда и чего-то значительного хочет. Может, стать предводителем татей и орудовать на больших дорогах. Может, царьком самодержавным. Может, кем похуже. В бесконтрольных зонах ему вполне отломится. Вы за самим Мережко повнимательней приглядывайте, хоть он ходит на работу и ночует дома, а все равно ненадежен.

06/08/28. Майор-инженер Рубакин. Рапорт рассмотрен.

Распоряжения подразделениям:

Проанализировать взаимоотношения доктора Мережко с сотрудниками и руководством отдела, его нынешний служебный статус.

Рапорт № 3 от 07/08/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от лейтенант-психолога Нана Нагой

Дорогой коллега — в ответ на запрос.

Василевс Леонид Мережко, 49 лет, урожденный Василий Леонидович Мережков, в ЦКИ с 2013 г., 2020–2027 гг. нач. отдела разработки игровых схем (ОРИС), докторская диссертация: «Драйв Иванушки-дурачка в преодолении смысловой ограниченности сюжетного алгоритма», отстранен от должности решением Совета, «за интеллектуальное отставание», 61 % голосов.

Доктор Мережко один из главных разработчиков вычислительной среды «Глобпак» и инициатор придания ей игрового характера. Можно считать, что именно он определил научно-производственный облик института. В последние годы его часто обвиняли в движении к иллюзорным целям, в стимулировании «искусства ради искусства», в низкой практической отдаче. Однако, с приходом к руководству новых людей стратегический курс института не претерпел существенных изменений. Мережко наверняка считает, что единственной целью критиков было смещение его с высокого поста. Так как работа — единственная сфера приложения его энергии (разведен, дети живут отдельно, хобби, социальных интересов не имеет) — происходит болезненная фиксация на нанесенной обиде. Мережко — крайний интроверт, поэтому комплекс обиды не выражается в каких-либо агрессивных действиях, а ведет к постепенному развитию навязчивых невротических состояний. Достаточно вероятны суицидные намерения…

Рапорт № 4 от 10/08/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от сержант-техника Сав. П. Прозорова

Дорогой коллега. Давайте вместе вспомним теорему Геделя. Не кажется ли вам, что применительно к вычислительной среде «Глобпак» она зазвучит так:

«Для любой открытой системы найдется состояние, в котором она нестабильна». Отсюда следствие: «Система переходит в новое устойчивое состояние за счет изменения организационных принципов в пределах метасистемы». Эк ловко я, простой сержант выразился! Правда, что такое метасистема, мне точно неизвестно: может, наш институт, а, может, и весь мир. По моему сержантскому разумению, уже не теми фигурками играют наши доктора и магистры, что прежде. Нет той послушности, управляемости. Среда делает все против наших правил, то есть, как говорят ветераны венерических заболеваний, перешла в резистентную форму. Такое от хорошей жизни не происходит. Сопротивляться хорошему «Глобпак» бы не стала, я ее знаю…

Дорогой коллега. Напарник мой Тристан и я, Иванушка-дурачок, добрались до царства славного (вернее, популярного у дамочек) Долмата (зона 21Д). Этот царь-батюшка, действительно, был папой у половины ребят в той стране. Вскорости, по агентурным данным, должен был сюда пожаловать Василий-царевич, он же доктор Мережко. По нашим предположениям собирался он влезть в стабильный покамест сюжет: змееборство со сдельной оплатой. Ухайдакал змея, пару конкурентов отшил через народный суд и сажай невесту в мешок. Зачем только нашему престарелому Василий-царевичу она нужна?

Может, потому что где-нибудь да пригодится? Невесты товар ходовой в тутошней виртуалке. Ну, также как в реальном мире роботессы со встроенной плитой.

Стали мы с Тристаном проводить рекогносцировку на местности, определять, надо ли вмешаться. И примечаем, уж больно народ вокруг веселый, люди некручинные. Что за дела? Не оттого ли народ весел, что мало занят полезным трудом? Достаточно пару раз на поле сходить, посеять да пожать. Затем сивку-бурку прогнать. Все остальное само сделается — сказка же.

Но змеи-то, проглоты многоротые! Они же должны вредить, мешать всячески. Оказывается, и змеи окаянные не летают больше на земли хрестьянские, ни в одиночку, ни клином. Не едят баб с мужиками, да бояр со боярыни.

Спасение народу от змеиной опасности принес душевный

ведьмак по прозвищу то ли Мурлон, то ли Мерлин (опять гастролер из кельтских зон). Он змеев заклял, поэтому от съедения человеского мяса у них начинается мучительный понос и губчатая энцефалопатия — худая смерть животному приходит.

Выходит, не сослужить теперь Василий-царевичу службу честную царю-батюшке. А ведь нам так важно Мережко в стабильный сюжет засадить. Не успел я пригорюнится, как Тристан меня выручил. Ему, оказывается, и крылатым пресмыкающимся обернуться ничего не стоит. Конечно, за полное сходство с местными змеями Тристан не ручался. Но ведь никто в царстве Долмата их воочию и не видел. Если точнее: кто змея увидит, тот уже вряд ли что-нибудь расскажет.

Я твердо потребовал от Тристана, чтобы Василий-царевич победил и сюжетная правда восторжествовала. «Обещаю сохранить ему жизнь. Ведь соплей его перешибить могу», — уклончиво отвечал оборотень. Я предупредил, что не потерплю нечетких формулировок. Тристан посетовал на стереотипы, но согласился на поражение.

И таки да — явилось на следующий день во владения царя Долмата кошмарное пресмыкающееся крайней степени монстрофикации. Всё в ядовитой слизи, зубы даже на пятках растут. Вдобавок ко всем ужасностям еще и лютое до женского пола. Ни одной юбки оный гад пропустить не мог — всех отведывал, в гастрономическом смысле разумеется. Мне было стыдно за Тристана, но таковы суровые законы сказки. Никаких там нравственных моментов, годится любой выигрышный ход.

Долго подбирался змей к царскому семейству и, наконец, забил стрелку с монархом. Царь Долмат был готов пожертвовать жизнью. Конечно, не своей. Но змей, хоть и обжора, на это не купился, сказал, что ему не все равно, кого скушать. В итоге царь выставил дочку, считая, что еще дешево отделался.

Когда змей с царем уже ударили по рукам, появился вдруг Василий-царевич и чем-то разозлил толпу, собравшуюся на Лобном Месте. Народ разорвал царевичу тельняшку на груди и крепкими выражениями послал спасать красавицу Василису. Ниже привожу рапорт-репортаж, составленный моим помощником:

Сержант-технику СБ Савелию Петру Прозорову от персонажа Тристана, рыцаря

Дорогой сэр и достопочтенный старший брат, радуйся.

Не успел змей прислать свой указ, отвозит царь дочку на лукоморье, расстреливает ученого кота: «Без летописцев лишайных обойдемся», да хорошенько привязывает царевну морским узлом к дубу. Чтоб не убежала, пока не приберут.

Входит окруженный народной любовью Василий-царевич. С первой попытки Василису из узла вытащить не удается, притомившись, решает у нее на коленях отдохнуть. А пока он почивать богатырским недельным сном будет, чтоб не сидела она зазря, а воздавала уважение — искала бы насекомых во шелковых кудрях. Царевна, конечно, навзрыд заливается, а конь Василий-царевича ее поддерживает: «Не спи, змей на тебя сон нагоняет». Василий-царевич смущается нравоучений скотины в присутствии юной девы, что-то путанно объясняет. Мол, Кощей ему спать мешал своим храпом, да и обовшивел не на шутку. А потом, приободрившись, читает царевне лекцию о культурных взаимоотношениях полов, и о том, что современным девушкам не хватает скромности. Вдруг ветром конспект у него из рук вырывает, море всколыхнулось — змей прилетел: спереди верблуд, сзаду коркодил (а это уже я). Говорит змей Василий-царевичу сердито: «Ты-то зачем здесь? Что ты лезешь с головой в каждую дырку?» Отвечает царский сынок дерзко и невпопад: «Сам блоха портошная. Попробуй со мной справиться».

Дует змей, становится мост ледяной по морю для честного поединка. (Сколько энергии на этот мостостроительный процесс ухлопал!) Наезжает редкое животное на царевича Мережко. Бьет его царевич… и наземь повалил. (Это я, конечно, поддался и начал потихоньку «с ковра» сползать. Мол, толстуха-царевна — навек твоя, упаковывай.) А тут конь говорит: «Руби еще раз», как будто ему слово давали. (И какая гнида его подучила? Не сам же додумался.) Царевич на всякий случай решает коня послушаться. Змей держит удар, восстанавливает дыхание, снимает боль, делает позу змея и, схватив палицу, давай царскую особу в землю забивать (виноват, психанул). По пояс уж царевич в земле сырой, но конь его верный заходит сзади и топчет копытом стопудовым «тварь окаянную». Обманутый змей падает в сине море и тонет…

Спасибо ундине Вассерман, что из германского сектора случайно заплыла — сделала мне искусственное дыхание, откачала за умеренную плату. Но этот скотина — владыка подводного царства с выводком клонированных дочерних модулей — все жабры отсмеял, на меня глядючи. Погань! А Василий-царевич из грязи выбрался, взвалил царевну на коня-подлеца и во дворец царя Долмата привез. Тот же, почуяв неладное, все искал настоящего победителя вместо Мережко, а потом выдворил молодых в двадцать четыре часа за пределы царства. Нон грата, мол. Фокусничайте себе в другом месте.

11/08/28. Майор-инженер Рубакин. Рапорт рассмотрен.

Распоряжения подразделениям.

Проверить системные журналы всех пультов, выявить

отклонения от нормального режима ввода заданий, прогнать диагоностеры на предмет обнаружения следов несанкционированных записей в системном буфере.

Рапорт № 5 от 13/08/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от лейтенант-инженера Степана Ли Бо

Дорогой коллега — в ответ на ваш запрос.

Проведенной проверкой каких-либо нарушений режима ввода заданий не обнаружено. Однако, во время тестирования буфера выявлены следы объектов, не зарегистрированных ни в библиотеках канонических структур, ни в пакетах пользователей. Можно с достаточной определенностью утверждать, что эти объекты на момент обнаружения подвергались обновлению. Вернее сказать, они сами обновляли себя — ведь все пульты, терминалы и иные каналы доступа пользователей были заблокированы. Попытки переписать следы в системный архив закончились неудачей ввиду того, что все адресные таблицы давали неверную локализацию записей. Таким образом, надо признать, что мы потеряли контроль над вычислительной средой.

Рапорт № 6 от 14/08/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от сержант-техника Сав. П. Прозорова

Дорогой коллега. Нашли мы Мережко и царевну в самой что ни на есть бесконтрольной зоне 30Ж. Было тут бесхозное царство — местный повелитель зашел в иноземное посольство и попросил там политического убежища от тупости своих подданных. Созвал Мережко всех жителей на сходку и выставил свою кандидатуру в цари: мол, пришел владеть вами.

А жители, крепко подумав, отвечали: ну коли пришел, тогда владей.

И поставили они его на царствие за неимением лучшего, приговаривая: на бесптичье и попа соловей. А вот семейная жизнь не получилась у условно молодых даже во дворце. Либо по легкомыслию, либо по тайному велению сердца поднесет женушка муженьку то водицы нечистой, от которой рога вырастают, то пряничка проклятого, от которого лицо мордой делается.

Мы, чтобы Мережко выручать, во дворец устроились придворными. Но за нашу бдительность Василиса нас все время разжалованию и остракизму подвергала. Так что вскоре стал я кухонным мужиком, вернее, дармоедом, а Тристан, как более способный, свинопасом. Однажды мы посоветовали царевичу проделать красивый сказочный обряд «очищения бабы» — то есть, разрубив царевну, всех жаб и прочих гадов из нее вытряхнуть (читай, опасные компоненты) — да снова срастить половинки. Тут уж более низкой должности не нашлось и, упростив задачу, Василиса вытолкала нас взашей без выходного пособия.

Прошло только три дня и три ночи, царевич на охоту направился за вкусненьким — во дворце-то его только макаронами по-флотски потчевали. А к одинокой Василисе, как это иногда еще бывает, гость дорогой едет. Звали того пришлеца Горыныч. Откуда узнал, как пронюхал о царевне, не ведомо. В общем, с любыми любимыми не расставайтесь.

Программу для этого Горыныча, должно быть, какой-то хакер несносный написал, потому получился не только оборотень, но и коварный соблазнитель. Если помните, горынычи нам даже во времена относительного порядка на игровых полях благопристойную картинку портили. Подкатит такой к женскому объекту, наладит интерфейс интимного общения, и на следующий день готов выводок — юные оборотнички, которые везде притворяются, везде мешают. Шла тихая подрывная

деятельность, а мы все кивали на программные ошибки, без которых не бывает. Настоящей подлости без напускного благородства не бывает!

Вот и сейчас перекинулся Горыныч молодым удальцом, сокольничим соседского царя Салтана. Со стихами Пушкина явился на устах и подмигиванием в глазах. Тут до меня дошло, он же как две капли с магистром Афанасием-Афанасием из ОРИС. И вот, благодаря упорному подсматриванию и подслушиванию, известно стало, что Горыныч с Василисой не только в шашки-шахматы поигрывают. А перед разлукой подарил оборотень чужой жене так называемый мертвый зуб (о нем ниже) и посоветовал ей на ушко: «Как сделается Василий-царевич непослушным, напросись почесать у него в голове, только косточкой сей по кудрям евонным проведешь, он вмиг и образумится». Какова тварь, таков и подарок!

Вернулся изрядно выпивший и закусивший Василий-царевич домой и только принялся женушке лекцию читать по теории игр, она ему зубчиком в голову мудреную запустила. Он, как и следовало ожидать, немедленно преставился. Василиса истерично хихикнула, собрала хатули, села в телегу и поскакала до папаши, прощение вымаливать. Придумала даже историю на ходу — что Василий-царевич никакой не царский сын, а резидент тридевятиземельской разведки, потому как лопотал он непонятные слова.

Тристан ушами-локаторами поводил, почуял во дворце окоченение трупное и дал мне знать о происшествии. Затем стал сзывать народ — народа под рукой не оказалось. Привел тогда во палаты, сминая стражу, обитателей скотного двора — они нахалявили кругом, ужас. Но занавес уже давно упал. Опасливо осмотрев бездыханное тело, Тристан объявил собравшимся, что по Мережко-царевичу был применен мертвый зуб: самонаводящийся антибиологический снаряд многократного использования. (А я со своей точки зрения добавил — универсальный блокировщик киберобъектов.) Покойника еще можно было спасти, выманив из него мертвый зуб. Это страшное оружие ведь бьет по любому, кто окажется в зоне поражения — конусе с телесным углом в сто двадцать градусов. По рабоче-крестьянски говоря, надо было перепрыгнуть через трупака, да так ловко и быстро, чтоб выскочивший зуб не успел в тебя воткнуться. Иначе каюк, безусловный летальный исход.

Скоты заблеяли, замумукали, захрюкали, давая понять, что особых симпатий к царевичу они не испытывают, ведь он пожирал их за милую душу вместе с макаронами по-флотски. Так что жизнью рисковать они не намерены, поищите других дураков.

Тогда прыгнул Тристан, оп — и готов, лежит пригвожденный оружием массового поражения.

А Мережко оживает, встает, говорит, что ему тошно от этого балагана, и удаляется в клозет.

Делать нечего — без Тристана все равно пропадать — кинулся я через жмурика с криком «урааа». Куда там. Сразу околел. Мертвый сон меня сковывает, мгла поглощает, чувствую, толпа начинает расходиться — страшно, и… оживаю. Жить-то как, братцы, здорово! Оказывается, баран Барон, симпатизировавший мне за мое вегетарианство, скакнул — и вот лежит хладен и недвижим. Кажется, налицо логическая петля, тупиковый алгоритм — ничего не попишешь. Мешок на плечи и в путь, а мужественного барана и так слопали бы на праздники. Даже сами животные кивают. Мол, понятно, ради Барона собой рисковать — выше человеческих сил. Сняли они шляпы, вернее, склонили рога, прости, дорогой друг… и побрели по свои корма.

И я почти ушел, но чувствую, не могу, совесть загрызет. Была не была, ТУДА не хочется, а надо. С разбега, как на сдаче норм ГТО, сиганул.

И опять осечка. Исчез, не виден еле тлеющий уголек, падающий в черную бездну. Но вдруг свет выхватил меня из пустоты, тепло дыхания отогрело от смертного хлада мозг, прикосновение рук восстановило ощущения жизни. Ласкает меня взглядом незнакомая милашка с косицей до попки и представляется: «Марья-царевна». А рядом Тристан укоризненно говорит:

«Повезло ж балбесу. И вообще, не положено так в сказке вести. Сказка — ведь суровая штука.» Вовремя появилась эта самая Марья Моревна, да еще ухитрилась по такой траектории прыгнуть, что мертвый зуб ушел в потолок. Там теперь висит табличка: «Мина. Не подходи — убьет».

Подержались мы с Машей за руки, обменялись сетевыми адресами, и пошел я Мережко искать. А он уже давным-давно через оконце клозета выбрался, сел на своего коня-беспредельшика и унесся в чисто поле. Куда, зачем — никаких догадок. У меня в голове лишь свист протяжный, как у настоящего дурачка. У Тристана тоже ноль идей. Лучшего не придумали, как разделиться — он на север пойдет, а я на юг — дальше по области бесконтрольных зон. А встретиться мы должны были на востоке, около сектора китайских сказаний о лисах.

Иду, тащусь, то льды, то пески — причем в тех краях, где разработчики в свое время установили умеренный климат и рассадили широколиственные леса с грибами и ягодами. Еще и птица Симург жестокие бомбардировки устраивает, то есть,

просто гадит на лету. Потом за мной стали гоняться братья. Почти у каждого Иванушки есть завистливые братья. Но мои были особенно приставучие, что крайне обидно ввиду полного отсутствия на руках объекта зависти — ни царевны, ни сказочных сокровищ. Смахивало это не на самодеятельность «Глобпак», а на изощренное терзание моего игрового персонажа отделом РИС.

Так и есть. Вскоре я стал распознавать по канцелярским словечкам магистра Афанасия-Афанасия и Дара Веттера. Даю я большие крюки, объезжаю все приметные места, от трактиров до рюмочных, за полверсты, ночами не сплю, пытаюсь сбить коллег со следа. Хитри не хитри, а как устанешь, самую большую глупость сделаешь. Сморило меня у высохшего колодца. Просыпаюсь от пинка сапогом в ребра. Стоят шестеро мнимых братьев и лыбятся. А Дар Веттер говорит:

— Вот нашелся и наш меньшой. Брат, братанчик, братишечка. Валяй его, ребята, чтобы он, хитрованчик этакий, не бегал от нас больше.

Пошвыряли братки меня, попинали, поиграли со мной в «картошку», используя вместо мяча окаменевшее яйцо птицы Рух. Вдруг из колодца дикторский голос вещает:

— Спасите меня, товарищи. Кто меня не вытащит, тот пожалеет.

Выходит, кого-то братья-разбойники своим шумом из спячки вывели.

— Да это ж красавица, ни в сказке сказать, ни пером описать, — тут же провозгласил магистр и крикнул во тьму ямы. — Не печалуйся, юная дева, сейчас мы тебя выволочем из-под земли и все вместе на тебе женимся по старинному обычаю.

Братья отошли в сторонку, посовещались, а потом позвали и меня:

— Иди к нам, Ванятка, что ты все отдельно да отдельно. Понимаешь, лезть-то в яму надо тому, кто легче. Потому что он будет медленнее опускаться и быстрее подниматься. Справедливо?

— Справедливо, — согласился я, предчувствуя недоброе.

— Вот и полезай, меньшой.

Раздались бурные аплодисменты публики. И привязав за ногу, она столкнула меня в яму. Там встретился я с ведьмой старого и запойного вида. Братья мне кричат:

— Ну, как невеста?

— Да так себе. Ее бы с пенсионером познакомить, с отставником каким-нибудь.

— А мы ее с пионером познакомили, — хохотнул магистр Афанасий-Афанасий и братья умчались.

Увы, случилось страшное. Ведьма женила меня на себе по обычаю из австралийских туземных сказок. На нашем бракосочетании свидетелями были рогатые лягушки и гремучие змеи. Тут уж и ежу понятно, что вскоре мне настал конец.

Дорогой коллега. Не беспокойтесь сильно. Меня опять оживили. Собрали косточки, покропили водой, которая живой называется, потому что обладает биологической памятью. (А по-нашему: запустили программу восстановления по резервной копии.) Когда я снова стал игровым персонажем, то первым делом услышал поздравления и тосты дружков. Это был Тристан и тот черный ворон, что мертвечину, вернее, мой испорченный объект отыскал. Он, кстати, заглотив остатки живой водицы, чтоб добро не пропадало, перестал каркать и принялся хамить самыми гадкими словами всем пролетающим птицам.

Но мытарства на этом не кончились. Когда мы из тех гибельных краев выбрались в сектор Персея, то чуть не окаменели. Там одна вольная греческая скульпторша подвизалась, Горгона Медуза. Мы на нее с помощью зеркала смотрели, а она нам объясняла, что презирает беспредметное искусство.

15/08/28. Майор-инженер Рубакин. Рапорт рассмотрен.

Распоряжение подразделениям:

Провести локализацию зон, вышедших из-под контроля системных надзирателей, и выявить причины генерации случайностей в игровом поле.

Заметка на полях. Кажется, я знаю эту любительницу молодых сержантов — известная еще во времена моей юности Глаша Сидорова по прозвищу Скорая Помощь. Она не только ведьма, но еще и самая старшая секретарша нашего института.

Рапорт № 7 от 17/08/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от капитан-инженера Карахана Шварцэрде

Дорогой коллега — в ответ на ваш запрос. Изложение с применением сферической системы координат.

Основаная причина генерации случайностей в игровом поле — это миграция саморазвивающихся киберобъектов из зоны в зону, потеря ими изначального типа, ретипинг.

Ретипинг в экваториальной области носит достаточно ритмизированный меридианный характер. Ретипинг в высоких широтах непредсказуем по месту происхождения и вихреподобен по траектории. Очевидно, существует ряд мигрирующих центров зарождения таких вихрей, которые производят захват и перемещение до одной трети всего зонального информационного материала. Не исключено воздействие вирусных кодов.

Зоны, вышедшие из-под контроля, локализуются между семидесятым и девяностым градусами западной долготы с увеличением в сторону полюсов. Находящийся в районе северного полюса резервный сектор «остров Буян» не сканируется полностью, также как и ближайшая к нему рабочая зона «царство Афона».

Через неделю я закончу математическое описание собственной функции ретипинг-процессов первого типа, что позволит сделать обоснованное заключение о возможности диверсии в вычислительной среде «Глобпак».

Рапорт № 8 от 18/08/2028

Начальнику СБ генерал-инженеру Гермогену Волевахе от магистра Афанасия-Афанасия

Дорогой коллега. Сегодня, в 13.00 по московскому времени я вместе с дневной сменой научных сотрудников и лаборанткой Марией Тимофеевой находился в помещении главного пульта и занимался прогонкой новой игровой схемы согласно решению Совета ЦИКИ от 14/07/28. Вдруг послышались громоподобные удары в дверь кованым каблуком ботинка. Все присутствующие встревожились, поскольку никто не предупреждал нас по интеркому о своем приходе, не использовался и обычный звонок. Выяснить личность стучащего с помощью видеомонитора не удалось, вероятно, ему удалось застопорить вращение камеры. Тем временем до нас донеслись угрожающие крики непотребного содержания, по которым был опознан сержант-техник Савелий П. Прозоров (аудиозапись прилагается). Мы знали, что он при исполнении служебных обязанностей, но, по нашему единому мнению, находился в совершенно невменяемом состоянии. Во-первых, вопил, что таких братьев, как мы, надо «на воротах расстрелять или по кочкам разметать», во-вторых, обзывал меня горынычем, в-третьих, требовал немедленно выдать ему Марью-царевну, то есть лаборантку Тимофееву. Испуганная девушка настоятельно просила избавить ее от общения с сумасшедшим. Тут сержант-техник окончательно зашелся. Он вставил в замок жетон-вездеход и, хотя несколько человек держало дверь, проявив поистине психопатическую настойчивость, ворвался в помещение. Мы, как подлинные интеллигенты, воздерживались от применения физической силы и лишь пытались не подпустить маньяка к аппаратуре и девушке, забрать у него жетон и вытеснить за дверь. Нам это почти удалось, но он, полностью потеряв контроль над собой, применил рвотно-слезоточивый аэрозоль и безжалостно пустил в ход кулаки. В итоге, мы были вынуждены отказаться от пассивного сопротивления. Сержант с неразумным бормотанием ввел с пульта несколько неидентифицированных до сих пор программ и, схватив близкую к обмороку лаборантку, скрылся в неизвестном направлении.

Дорогой коллега. Полученные нами побои зафиксированы медицинскими листами. Просим впредь оградить нас от действий сотрудников СБ, наносящих ущерб научно-производственной деятельности. Уведомляем, что на Совете ЦИКИ выдвинем на обсуждение вопрос о пересмотре статуса Службы Безопасности, который был определен более 20 лет назад и на сегодняшний

день основательно устарел. Также заверяем, что не будем требовать возбуждения уголовного дела против С. П. Прозорова, поскольку считаем его коллегой, перегоревшим на фронтах нашего общего дела.

(6 подписей).

20/08/28. Генерал-инженер Волеваха. Рапорт рассмотрен.

Распоряжения подразделениям:

С. П. Прозорова уволить из СБ на основании п.28 Устава.

Майор-инженеру Рубакину объявить строгий выговор за ослабление дисциплинарной работы с личным составом.

Не выдавать дежурным сотрудникам СБ жетоны-вездеходы и рвотно-слезоточивый аэрозоль.

Пультовые помещения вывести из-под контроля сотрудников СБ.

Рапорт № 9 от 21/08/2028

Генеральному инспектору Федерального Научного Совета Павлу Львову-Комарову от майор-инженера Макдоналдса Рубакина

В настоящее время все отчетливее проявляется тенденция к выходу ряда отделов института из-под надзора нашей службы. Это естественно сопровождается процессами дезорганизации работы вычислительной среды: несанкционированным переносом информации между зонами вплоть до сценариев и объектных пакетов, аварийным состоянием системного буфера, самопроизвольным ретипингом игровых персонажей. Беру на себя ответственность утверждать, что вычислительная среда переходит в качественно новое состояние. Однако, нет возможности проанализировать вектора и функции перехода ввиду того, что полномочия Службы в значительной степени сужены Советом ЦИКИ. Я, как кадровый офицер-инженер, не могу солгать — мой непосредственный начальник генерал-инженер Волеваха содействует самым опасным поползновениям против Службы.

В связи с вышеизложенным, прошу отменить распоряжения начальника Службы Безопасности ЦИКИ от 20/08/28, как ослабляющие надежность функционирования вычислительной среды «Глобпак.»

Из справки референта генерального инспектора Любови Мужиковой.

…Вычислительная среда «Глобпак» разработана на базе теории системных деловых игр и использует подреальные методы моделирования. «Глобпак» предназначена для решения проблем мышления, поведения, социальных организмов, комплексного прогнозирования эволюции. Разработчики этой вычислительной среды отказались от построения моделей, изоморфно отражающих реальность, и базировались на архетипных сценариях, определяющих основные направления реализации человеческой психики. Достаточно оригинальна, хотя и функциональна, используемая при этом символика…

24/08/28. Ген. инспектор Львов-Комаров. Рапорт рассмотрен.

Указания секретариату.

Проверить соответствие распоряжений начальника СБ ЦИКИ от 20/08/28 документированному статусу Службы.

Подготовить обоснования для обследования организации работ с вычислительной средой в ЦИКИ.

Рапорт № 10 от 26/08/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от сержант-техника Сав. П. Прозорова

Дорогой коллега. Снова вышел на трассу движения так называемого Василий-царевича. Провожу текущую нормализацию игровых ситуаций, имеющих серьезные отклонения. С Мережко немного проясняется. Ищет он не невесту, не жар-птицу, не молодильные яблоки, а какой-то другой вид счастья. Подозреваю влияние сюжета «Еруслан». Царевич усиленно интересуется пустынным островом в море-окияне, где по непроверенным данным из некомпетентных источников (перелетные птицы, ведьмы-шабашницы, калики перехожие) нет ни дряхлости, ни тоски, ни умного, ни глупого, ни хорошего, ни плохого. Полагаю, хочет он там укрыться. Впрочем, для меня такой вариант попахивает дурно понятым дзен-буддизмом и кибернаркоманией.

Макдоналдс Николаевич! Недавно один мальчонка, тоже царский сынок (здесь каждый второй считает своим папой царя) шастал с сестрицей по белу свету. Набрел на ручеек, из которого козлы хлебали, испил чуток и сделался козленочком. Мы поздно прибежали — первоначальную матрицу восстановить не удалось даже Тристану — хорошо хоть от мясников спасли. Так вот, козленочек копытцем дробь на каждом камушке выбивал. Прислушался я однажды — ах, батюшки, он же передает азбукой Морзе: «Объявляю благодарность за спасение. Генеральный инспектор Львов-Комаров». Вот такой непростой козленок.

27/08/28. Майор-инженер Рубакин. Все, хватит. Теперь рапорта Прозорова для меня не рапорта, а частные письма в мой сейф.

И все-таки ты, дорогой коллега Прозоров, везунчиком оказался. Отменил Волеваха распоряжение о спуске твоей персоны в унитаз. Потому что ты у нас на спецзадании — сварганил я задним числом секретный приказ — а во время спецоперации увольнять нельзя, согласно тому же Уставу. Пару недель теперь имеется в запасе. Только бы поскорее закончил возиться со своей моделью Шварцэрде. Если подтвердится осуществление программной диверсии, я собственноручно перелопачу весь отдел разработки ИС, схвачу системного террориста за грязную задницу и выдерну на свет.

Рапорт № 11 от 30/08/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от сержант-техника Сав. П. Прозорова

Дорогой коллега. Шли мы по следу Мережко. Так шли, что сильно обогнали. Порядком поизносили чугунные башмаки да обглодали до огрызков чугунные просвиры.

По пути имели место провокации. В гриммовском секторе прицепился ко мне один здоровенный лоб, то есть великан, хотел, видимо, слопать. Едва отбился, пуская ему в глаза-тарелки солнечных зайчиков. Затем великан присел по нужде и, сделав по-большому, удалился.

Мы же с Тристаном провели анализ всей кучи великанского кала размером с трехэтажный дом. Весь день с этим промучились и, лишь когда мухи спать отправились, обнаружили там фекализированный модуль капитана Шварцэрде. Мы на него целый жбан живой воды извели — но Шварцэрде вернулся к прежней жизни лишь частично. Ростом он стал с дюймовочку, этакий мальчик-с-гулькин-хрен, сила ума уменьшилась в той же пропорции. С наступлением темноты он прогрыз дыру в коробке, где мы его держали, и дал деру.

Я так расстроился, почувствовав в этом происки отдела РИС, что вспомнил — неподалеку проживает в своем отдельном стокомнатном дворце Марья Моревна. Уговорил Тристана, да заехали к ней погостить на пару деньков. Мы-то заехали, а она как собралась на войну с соседней царевной — дело спешное, не отложишь. Разрешила нам в своем дворце всеми вещами пользоваться, во все комнаты заходить — кроме тех, что с табличками «К» и «Ж». Затем достала из сумочки зубы дракона, которые намедни выменяла на дубленку из золотого руна, посеяла их, вырастила войско — и вперед, с барабанным боем и пением «интернационала»…

Про «Ж» я сразу понял, а с «К» неясности возникли. Ни в одном путеводителе по дворцу описания этой комнаты нет, и уборщица про нее знать не желает, как бычок про мясокомбинат. День я себя мариновал, а потом постучался в ту дверь. Мне ответили: «Не заперто, входите, пожалуйста». Я вошел. В кабинете за столом сидел как-будто гуманоид.

Пожилой.

«Сержант Прозоров.» — «Кощей Бессмертный». Вот так и пришлось нам свидеться. Черный царь, может даже тот самый, которого Тристан надрал, а сидит в чулане у бабы. Показал он пальцем на благостный пейзаж за окном и стал жалобно так

рассказывать, что уж столько дней не бегал босичком по траве, не удил рыбку, не собирал грибков-мухоморов. Держит его Марья Моревна в режиме полной гиподинамии и изоляции, давно к нему чужое время не притекает и теперъ не бессмертнее он мотылька. «Это, — сказал я, — ваши проблемы, но под конвоем прогуляться, наверное, можно. Я сейчас с начальником караула договорюсь». — «Постой, мил человек, караула не надо, потому как ноги меня давно не носят. И не будут носить, пока не напоят меня. Пить, пить…» И глаза закатил.

Притащил я ведро воды, а Кощей уже почему-то красный, словно запыхавшийся. Над водой он пару пассов сделал, сказал тост: «за светлое будущее» и выпил ведро одним глотком.

Затем подошел к оконцу и прыгнул. Я с испугом выглянул, а он уже стал страшным вихрем и прочертил к горизонту жирный след, как боевой космоплан «Мир-АЖ». Тут смотрим мы с Тристаном на природный календарь и видим — неделя времени у нас украдена негодяем Кощеем. Но это была не последняя пропажа.

Скакали к нам семь дней от соседней деревни и, наконец, прискакали семеро богатырей из Марьиного штаба. Сказали, что страшный смерч-торнадо унес девушку прямо с переговоров в края, откуда ни ответа, ни привета. Им доподлинно известно — то был вихреобразный Кощей. Дескать, какая-то гнида заходила к нему в комнату и прорвала замкнутый временной круг, в который был посажен злыдень. Да еще эта гнида напоила его дождевой водой, в которой имелась информация о небесных маршрутах.

Штабисты устроили во дворце шмон, отчего выявилась пропажа секретных алгоритмов по околдовыванию целых царств. Их сдавали Марье-царевне на хранение особо сознательные колдуны, чтобы подале от греха быть. И сопляку ясно, Кощей свистнул…

Нас с Тристаном наскоро допросили, да ничего не узнав, погнали из дворца как неблагонадежных иностранцев. Хорошо хоть в пыточный застенок не отправили, с палачом пообщаться без комплексов. А кого игровой персонаж Кощей на самом деле из себя представляет, я вскоре догадался, вспоминая нашу с ним беседу. Конечно, это уже не тот сказочный простак, что был раньше, а хитроумный магистр Афанасий, мой первый враг…

Рванулись мы с Тристаном наше упущенное время наверстывать, Мережко догонять. Мчались на телегах и бричках, скакунах и топтунах, гусей-лебедей и то зафрахтовали для буксировки нас по воздуху. Хотели сторговаться с каким-то ворюгой насчет ковра-самолета, но вовремя заметили, что у летательного приспособления непорядок с набором высоты.

Место ночлега особо выбирать не приходилось. Куча навоза из Авгиевых конюшен — не номер в «Хилтоне», но всяко теплее, чем чисто поле. Как-то высовываем из навоза головы, глянь, а Мережко на траверзе, закутанный в черное, как призрак отца и сына Гамлетов, но с большим мешком, в котором что-то ворочается.

Мы теперь постарались след в след за Василий-царевичем идти. По дороге, как могли, поправляли пошатнувшееся материальное положение. Перо у жар-птицы выдернули, правда, от него все мешки истлели и в карманах дырки появились. Еще поймали на живца очередную бабу-ягу. Живцом была одна ткачиха-повариха, что собиралась выбиться в царицы, поэтому ей Тристан голову и заморочил, обещая подыскать голодную и раздетую королевскую особу. Так вот яга, ради спасения своей узко функциональной жизни, показала нам источник огненной воды. Когда Тристан ее туда макнул, она почему-то сгорела. А местные мужики пьют спокойно и огненную, пока есть на что. Еще шапку-невидимку изъяли мы у двух богатырей. Каждый из них пытался ее приватизировать. А мы с Тристаном решили, что собственность она народная, то есть наша. Поэтому хитроумно отправили богатырей на состязание в триатлоне, мол, кто победит, тот шапку и хапнет. Ха-ха.

Остановились на один день у царя Долдона. Думали, на один, когда я ему шкалик огненной воды дарил. Так он, балбес, ее за живую воду принял.

Оказалось, что Долдон дал обет не есть обед, пока не отдаст свою дочь в жену тому, кто принесет ему живую воду. Или наврал царь все? Возможно, Люденс и тут подгадил.

Ладно, приняли мы с Тристаном решение — я по-быстрому женюсь, а потом в темпе отваливаю, мол, медовый месяц лучше провести в какой-нибудь индийской сказке. Молодую жену можно будет по дороге обменять на что-нибудь стоящее…

Итак, играем свадьбу, музыканты выкаблучиваются на дуделях и сопелях похлеще рокеров и слова-то все у них похабные. А потом один из них, которому я «мясоедовскую» заказывал, сообщает:

— Совсем умаялись мы, на этой неделе уже третье бракосочетание нашей царевны Ирины Мягкой Перины играем.

Я обрадовался.

— Значит, — говорю, — наутро развод?

— Наутро похороны — злой дух всех женихов подряд душит. А нам опять надобно песнями заливаться. Иной раз поминки потешнее выходят, чем женитьба.

Меня холодный пот прошиб, невеста чувствует неладное, за

запястье меня берет своей клешней и больше не отпускает. Так и ведет в опочивальню, как задержанного, а там уже злой дух из-под кровати выглядывает. На мое счастье царевна около койки замешкалась, не сообразила сразу, под какую руку меня положить. Я смекнул, здесь последний шанс, сделал прыжок с переворотом через ее захват и клешню разомкнул. А она вломила по моей шее кулаком — в глазах темно, но еще не нокаут. Провожу аперкот, она бьет хуком слева, я едва успеваю пригнуться. Падаю на руки и пытаюсь подсечь ее. Стоит как столб. Вскакиваю и провожу удар сафьяновым сапогом по верхнему уровню. Она перехватывает мою ногу и берет на прием «мельница». Позвоночник трещит. Но я передавливаю ей яремную вену и, пользуясь ее секундным замешательством, бегу к двери.

Дверь заперта на амбарный замок, из кувшина аспид ядовитый выползает. Я прыгаю прямо в слюдяное окно ласточкой. А невеста самострел наладила и, пока я на земле валяюсь, пускает в меня стрелу за стрелой — еле успеваю откатываться. Я делаю вид, что она попала — зажал наконечник под мышкой, «ох» и «ах» кричу, надеюсь, что отвяжется. А она выпускает из разбитого окошка веревочную лестницу и спускается за мной. Говорит, ухмыляясь, мой ты навек. Я, помню, закричал: «Отстань, Глафира».

И оглох от взрыва. Это Тристан выстрелил из царь-пушки по бой-бабе.

Промахнулся, досадно. Попал в дворец — тот рухнул, как карточный домик. «Ты что наделал, подонок? — прочитал я по губам молодой женщины. — Там же, под развалинами, весь калым остался, добытый у басурман.»

Она голыми руками стала разгребать завалы, а мы кинулись удирать от нее по столбовой дороге. За час добежали до владений царя Афона. Здесь мое боевое дежурство и закончилось.

31/08/28. Майор-инженер Рубакин. Письмо прочитано. Эх, Прозоров. Это ж вполне естественно, что Тимофеева тебе отставку дала и предпочла Афанасия. Он хоть и подлец, но человек ученый. А ты — неуч, из всех ВУЗов тебя выперли. Можешь, конечно, говорить, что себя искал. Ну, а что нашел? Стал записным солдафоном, люди от тебя слова нормального не слышат, только: «предъявите, никак нет, не положено». Теперь уж нечего, дружок, плести ахинею, что Машу Кощей унес. Ладно, извини, Савелий. Это я на тебя от огорчения обрушился. По части Шварцэрде твой бред правдивым оказался. Словно подменили его. Бледный, поганый, на тебя, Прозоров, все валит, дескать, ты в вычислительную среду навводил всяких вирусов. Я Шварцу говорю, никакие вирусы не создадут остров Буян. Ты попробуй

модель этого процесса слепи, может и выяснится злой умысел самих разработчиков. А он мне — эта модель сверхсложная, и в Принстоне таких не делают, потому что бифуркация на бифуркации. И снова: Прозоров, Прозоров. Выгнал я его взашей из кабинета, чуть пинка не дал.

Нет, надо срочно переключиться на другую тему. Ты, сержант, кажется, Глашу обидел. Зря. С Глафирой Ивановной у меня связаны более нежные воспоминания. Помню, идет она через проходную, задними булками поигрывает, какой-нибудь сержантик кричит: «Ой, тетенька, скучно, дай поцеловать». А она откликается: «Ну-ка, кулибин, почини меня»…

В общем, Служба тогда в соку, в чести была, и не только у девок, но и у начальства. Черная униформа, галуны, позументы. Первый случай в мировой практике, когда одна и та же организация ведает обычной охраной, чистотой технологии, соблюдением режима доступа и обработки, состоянием всех видов памяти. Тогда, как раз, крупные боссы поняли, что программирование — это страшная штука, а среди программистов — половина маньяков. Целые отрасли, да что там отрасли, страны выходили из строя благодаря всяким компьютерным вирусам, бациллам, глистам. На курсах нас учили векторному программированию, тогда пошедшей в гору теории игр, а также кунфу, применению контраффективных средств и методам скрытого допроса.

А институт, первенец отечественной векторной киберологии? О нем журналист мог написать статью, разве что нафаршировав ее унылыми фразами:

«типизируют ситуации, векторизируют влечения, цифруют реальность». Первенец, едва из пеленок, приступил к половому созреванию и, быстро возмужав, занялся всякого рода извращениями и непотребствами. Деловые игры, моделирующие активность покупателей, производителей, изобретателей, властей, неформалов и прочих, быстро обрастали чудными идентификаторами типов и линий поведения: вектор кощея, драйв бабы-яги, стимул молодильных яблок. Вначале слова из сказок брались в кавычки, а потом стали писаться без всякого выделения. Появились первые диссертации и монографии с доселе возмутительными названиями: «Драйв Змея Горыныча и карьера менеджера», «Принцип оборотня в рекламе», «Браки между богатыми и бедными как проявление вектора Иванушки-дурачка», «Облик бюрократа как мертвеца-дарителя», «Диктатура: соединение драйвов царевича-змееборца, кощея бессмертного и двоих из ларца». Попробуй, сразу пойми, что драйв «двоих из ларца» — это способность людей работать без материального

вектора (а, значит, за спасибо) под воздействием красивых слов начальства. Не один день, не одну ночь учил я такую мутоту.

Мережко, как раз, был первым, кто нашел не только названия векторам и драйвам, но и четкие правила их взаимодействия там, где никто не искал. В сюжетах сказок и мифов. С легкой руки Василия Леонидовича даже правительственные экономисты заговорили о народном хозяйстве сказочными словами. Подземный мир — теневое производство. Медные, серебряные и золотые царства — территории с однобоким развитием. Убегающий колобок — цены в условиях инфляции. Это, вроде, не предвещало беды. Однако, с некоторых пор сотрудники разных отделов и, в первую очередь, ОРИС, стали употреблять деловую игру в качестве азартной забавы. Сюжетные зависимости сделались правилами ходов, персонажи — фигурами разного достоинства. А забава — главным способом времяпрепровождения. Кадровая картотека поведает нам, что типичный сотрудник научных отделов — холост или разведен, дома проводит меньшую часть суток, да и то в подготовке к следующей смене, увлечений не имеет, за пределами института вообще активность не проявляет. Все ушло туда, в чисто поле игровое.

Как смотрело на это большое научное начальство? С большим пониманием. Обеспечило полную академическую свободу, никогда не отнимало финансовой титьки. Сотни тем задохнулись из-за авторитетных «мнений», тысячи рук отсохли в ожидании субсидий и грантов, а игроки занимались своим, не чувствуя ни в чем недостатка. Словно Федеральный Научный Совет стал сонным царством, а директор ЦИКИ спящей царевной. И перетряска в ОРИС произошла не от страха, а потому что подросло новое поколение царевичей, и среди них — владелец самого мощного интеллектуального вектора Витя Люденс. Старый же царь Мережко прыг в котел и там сварился. А может и нет — обновился, стал опять-таки царевичем. Только очень странным. Ну, зачем ему бежать на Буян как очумелому?

Э, кстати, Прозоров, почему за тебя походатайствовал сам Люденс? При встрече даже сказал: «Отличные у вас бойцы, Рубакин. В кого пошли, интересно?» Уж не ведешь ли ты двойную игру? Если да, то лучше бы тебе не возвращаться с игрового поля.

Рапорт № 12 от 03/09/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от сержант-техника Сав. П. Прозорова

Дорогой коллега. Немного поплутали мы по царству Афона — хитро оно устроено, где город, где деревня непонятно — да, наконец, попали во дворец. А там уж Василий-царевич вовсю выведывает про путь-дорожку на остров Буян. Требует информацию от царя в обмен на Василису, удалось ему где-то беглую бабу перехватить и привезти в мешке. Мережко ссылается на первоначальные договоренности, королек жмотится, отказывается от своих обещаний, хамить начинает. Слыхом мы такого не слыхивали, чтобы дряхлый царь от невесты-молодухи отказывался. (Ведь она же — матрица, на которой любой дряхлый расползающийся киберобъект может модифицироваться в современный и крепкий). И смотрит Афон как-то вскользь, будто затравленный или напуганный. Придумал на ходу, что в секретном приложении к договору с Мережко был пункт о доставании для него пера жар-птицы. Вымогатель! Тут даже царевна не выдержала:

— Ты что, им в зубах ковыряться будешь или грамотно писать? Пользы никакой себе не извлечешь. Это я тебе говорю, Василиса.

Но царь запричитал, что последствия непредсказуемы. Он-де какому-то страшному колдуну обещал никого на Буян не пущать и даже искателей пути-дороги из пушки расстреливать. Иначе, ему самому вектор разложат по базису. В ответ на недостойные речи неожиданно входит в тронную залу Тристан под видом отрока и подносит царю жар-птичье перо от имени Василий-царевича. Это мой напарник посамовольничал, я ему на такое ни словом, ни жестом намекать не собирался. Но что с него взять? Он же персонаж, а не юридическое лицо. Смягчился царь, залюбовался пером, говорит, былины оно мне будет сочинять про Афона Красное Солнышко, и смерть мне теперь не страшна, потому что сохранюсь в истории. Тут же и перо в его руке вдохновилось, заскрипело. Но нашел царь время, чтобы сказать дьякам:

— Выдать Василий-царевичу подорожную, лодку-самодувку, сапоги-скороходы, колобка в провожатые и… — после минутного раздумия голос царя стал совсем благостным, — указ на владение островом. Раз сам туда попасть не могу, пусть добрый молодец за все и отвечает.

— Бывайте здоровы, — скоренько распрощался царевич с

царем.

— Авось, еще свидимся, Свет-Иванушка, — многозначительно оборонила Василиса в спину выходящему Мережко.

А во дворе я его встретил, вынырнул из-под крыльца и руку заломал, не успел он даже к своему мечу-кладенцу потянутся. Затем открыто и без обиняков объявил меру пресечения:

— Все, приплыли, Василий Леонидович. Скидай сапоги-скороходы, вынимай из кармана самодувку, по-быстрому съедай колобок и пошли назад, дорогой коллега.

Он как услышал наше казенное «дорогой коллега», так сразу затрясся, будто дух нечистый. Слезы льются, сапоги стягивает, как перед казнью, и причитает:

— Ах, горе горькое, кому счастье, а кому лишь злосчастье. Ой, жизнь моя кручинная, скоро теперь кончится.

Я даже как-то поежился, вроде неподдельное сетование у него. Или причина такая веская, или настолько в персонаж вжился.

— Чего ты хоть на том острове забыл?

— Нет там ни молодости, ни старости, ни доброго, ни злого, ни прекрасного, ни страхолюдного…

Заладил как шарманка, хотя вся эта бессмыслица мне вполне известна. Ради эдакой лабуды я бы и пальцем не шевельнул. А он, считай, горы своротил, чтобы к ней прорваться. Чувствую, что-то он не договаривает. Но что с ним делать? Пытать, вздернуть на дыбу? Несолидно. Тащить обратно в нашу реальность? Откровенный садизм. А может меня специально натравили на Мережко, втянули в охоту на него? Азарт мне разожгли, будто ничего мне в жизни не надо, кроме как за беглыми царевичами гоняться. И даже помехи подстраивали для создания правдоподобия.

— Отставить, — говорю, — переобуваться не надо. Иди своей дорогой.

А подбежавший Тристан еще шапку-невидимку ему протягивает. Не заслужил, конечно, царевич такого подарка, нам она и самим нужна, но не будешь же позориться и забирать назад при честном народе. А Мережко, не будь лопух, напялил ее на себя и начал таять. И только в момент прощания с нами, когда уже ничто ему не угрожало, он пробормотал:

— На Буяне наконец укроюсь от колдуна великого. И в институте, и в сказке он меня преследовал. А ты бойся. Бойся Люденса. Скоро никто мимо него не пройдет. Ничто без него не станет быть …

Попытался я Мережко задержать для получения более ответственных показаний, но остался от него только запах

смазанных сапог. Ладно, нам с Тристаном в другую сторону, Марью-царевну выручать. Тут уж конь Василий-царевича побольше, чем всякие шапки пригодится.

04/09/28. Майор-инженер Рубакин. Письмо прочитано. На Прозорова снова рапорта, один от самого Люденса. Гермоген растерян, шмыгает носом. Витька Люденс просит «для снятия напряжения между ОРИС и СБ» передать несколько опытных сержантов, персонально Савелия П. Прозорова, на стажировку в отдел, с прикреплением лично к нему. И тут же кляуза Афанасия-Афанасия. Прозоров, якобы, врывается в пультовую, как к себе домой, вводит программы с особо опасными сюжетными компонентами: «дорога в Кощеево царство», «побег от Кощея». Магистр расценивает эти компоненты в нынешней ситуации как вреднейшие компьютерные вирусы, взваливает на Прозорова вину чуть ли не за все отклонения в работе среды и просит применить к сержанту полную строгость Устава. Тем более, что тот-де запугал шесть человек — всю смену Дара Веттера — демонстрацией приемов кунфу, пытался ввести снотворное с помощью шприца в ягодицу госпожи Сидоровой, а лаборантку Марию Тимофееву грубыми приставаниями довел до невыхода на службу.

Чует мой ослабленный напрасными знаниями мозг, что двойной Афанасий и Виктор Люденс хоть и в разную дуду дуют, а делают одну музыку.

Только что пришло распоряжение Волевахи: передать Прозорова в отдел РИС. Как бы не погубили его там. Одна надежда на Тристана. Тьфу, какой еще Тристан, неужто и я глупостью заразился?

Рапорт № 13 от 07/09/2028

Зам. нач. СБ майор-инженеру Макдоналдсу Рубакину от сержант-техника Сав. П. Прозорова

Дорогой коллега. Зря мы на царевичева коня бочку катили, без него бы нам несдобровать. Тристан в виде птахи по имени Феникс проник в палаты к Кощею, то есть Афанасию-Афанасию, и начал рассказывать о новом способе достижения бессмертия. Не засовывать смерть в какую-то ненадежную иглу, а просто отбросить коньки, и родиться вновь, в молодом теле со свежей головой, с прекрасными воспоминаниями о предыдущей жизни. Пока Кощей, наконец, догадался, что это не его сюжет, я Марью Моревну выкрал. Сели мы на коня-огня, она на переднее рулевое место, за уздечку; мне пришлось сзади разместиться и шпорами работать. Скачем. К нам еще Тристан третьим присоединяется. Ничего, скачем дальше. Потом еще несколько десятков беженцев из неуютного царства за коня цепляются. Мы скачем все более медленно и грустно. Кощей нас, конечно, догоняет. Тристан бросает свою гребенку (в ней мощная блокировочная программа), встают джунгли за нами, но Кощей украл время у растительности и вот уж одна пустыня лежит.

Тристан, извиняюсь за слово, писает и вот уже нас с Кощеем разделяет огненная река. Но супостат быстро ее вылакал.

Совсем уже рядом наглая морда Кощея. Зубами он клацает, пальцами щелкает, руки поднимает, как пианист, желая Марью закогтить. Тут я подныриваю под его локти, толкаю их еще выше и наношу удар коленом в пах. Кощей слегка скрючивается, но пока что прет клыками вперед, а я на его пути стою. Я уворачиваюсь в сторону и, как матадор, бью его по загривку. Но промахиваюсь и, потеряв равновесие, падаю. Его пасть склоняется ко мне, уже совсем она нечеловеческая, с клыков свисает ядовитая дрянь, из чрева выглядывают бесы.

Я захватываю шею противника ногами и скручиваю ее набок, черный царь валится набок. Кажется, он еще хотел впиться мне в ляжку, но Марья Моревна досрочно закончила поединок, ударив его каблуком в лоб…

Кощей, конечно, собирался восстановиться по матрице, как вдруг увидел иглу со своей смертью в руках у царевны.

— Эй, ты где ее взяла? — с нескрываемым удивлением спросил он.

— Где-где, купила. У щуки, — ответила Марья Моревна и ловкими пальцами завершила его биографию…

А в итоге, счастливым беженцам подарил я коня, разлучился

и с Марьей Моревной. Вот с Тристаном разоблачим главного ведьмака, тогда уж можно подумать и о женитьбе.

Но пока главного выискивали, сами заблудились. Плутали по дальним и ближним царствам, а время все растягивалось, будто жевательная резинка, и стал один день дежурства как месяц.

В некотором царстве-государстве объявились вдруг у меня отец-старичок, да пятеро сестер, которые все время есть и пить хотят. Просят у меня кто огурчика, кто хлебушка, кто яблочка, кто водочки. Хотел плюнуть на них да идти своей дорогой чести, а потом чувствую, не выйдет — совесть меня закушает. Попрощался я с Тристаном и остался с этой оравой. Вокруг одни заботы, будто и не сказка вовсе. А делать я ничего как следует не умею. За что ни возьмусь, сразу испорчу. Наконец, какой-то добрый домовой посоветовал мне: «Единственное, куда тебе пойти осталось, так это к колдуну, он тебя или в таракана превратит, или прибыльному мастерству научит.»

Думать тут нечего — я и так собирался колдунами заняться — подался к ближайшему чародею в ученики, хитрую науку узнавать. Принял меня тот любезно, начал преподавать.

Урок первый, самый главный. По сорока сюжетам живут люди, сорок влечений и сорок отвращений имеют. У зверей все в десять раз проще. Если человек — в своем сюжете, то будет жить долго и времени ему до конца хватит. Если не в свой сюжет угодил, то отдаст свое время колдуну и досрочно в могилку ляжет.

Выходили мы темными ночами с чародеем на перекрестье трех дорог, и ломали чужие судьбы об колено. Заставляли мы птиц лететь вместо юга на север, а кухарок управлять царствами-государствами, а умных смотреть телевизор, и всякий нам свое время отдавал…

Я, конечно, справлялся у учителя, когда кончатся мелкие пакости и начнется крупное, пусть даже авантюрное колдовство. А он мне — от крупного колдовства можно нажить крупные неприятности.

Я пытался аккуратно намекнуть, пора создавать дворцы из ничего и проводить реки одним движением пальца. Учитель же терпеливо объяснял, что незачем на всякие трюки расходовать сгущенное время, накопленное темными вампирическими ночами. Игра людьми интереснее любого строительства, потому что камень не живой.

Втолковывал мне кудесник, втолковывал, пока я не стал различать знакомые черты. Это тот злой маг, которого я давно ищу, который решил подчинить колдовской своей воле настоящий и сказочный миры. Это Виктор Люденс. Эх, раньше

надо было раскусить учителя, пока Тристан далеко не отъехал. А когда ведьмак сообразил, что выведен на чистую воду, то крепко предупредил: из его высшей школы отчисляются только вперед ногами.

Опуская излишние подробности, скажу лишь, что до конца семестра произошел у нас с мастером колдовских дел окончательный разлад. Совершил я попытку побега, за которую у учителя принято было отправлять в холодную.

Случилось так. Во время сдачи экзамена безлунной ночью превратился я в черного кота и ушел гулять. Но не вернулся домой к плошке молока и жирной мышке под полом, а дал деру. Чародей догнал меня в виде злого пса-барбоса. Поскольку кот давно уже вышел из своего сюжета, преобразовался я в змею. Чародей — в тигра. Таким образом состоялся поединок представителей двух школ сказочного кунфу. Низкие переходы в змеином стиле с одной стороны и мощные атаки в тигрином стиле с другой. Двоеборство, к сожалению, закончилось для меня неудачно. Но я самостоятельно прошел ретипинг и очутился в виде перстня на пальце у царевны в соседней зоне.

Вдруг появляется как-будто купец с неслыханным асортиментом в коробушке. «Сменяй, твое высочество, — говорит подозрительный бизнесмен, — свое украшение на мой лучший товар.» И ушлая царевна вроде не продешевила, махнула перстень на норковую комбинацию. Конечно ненастоящую, ведь не мог чародей перейти в другой сюжет и стать настоящим купцом. Невероятным усилием я ускорил время и комбинация преобразовалась в дырявый зипун. «Держи его», — рыкнула царевна, но купец уже прошел таможню и садился на свой корабль. И тут я выложился, выдавив из себя до последней капли запасенное время и ускорив события. От ускорения и потери энергии все замелькало вокруг и случился голодный оморок. Очнулся я, когда царевна уже задушила папашу, взошла на трон и отправила флот вдогонку кораблю купца. Когда морское сражение уже закончилось виселицей для фальшивого торгаша. Когда я уже вернулся на палец царицы и потерялся, потому что палец растолстел и меня стали хранить в одном из бесчисленных ларцов в царицыной сокровищнице…

На этой приятной ноте кончается и мой рапорт. Дорогой коллега, настоящим прошу Вас оформить мне отпуск с учетом сверхурочных в игровом поле, пора жениться на Марье-царевне. Надо еще и свидетеля Тристана раздобыть как-то.

08/09/28. Майор-инженер Рубакин. Рапорт рассмотрен, письмо прочитано… Подразделения ждут распоряжений, послание сержанта должно оказаться в темном сейфе. Надо

собрать волю в кулак, а кулак во что? Жениться Прозоров в самом деле собрался, да не на царевне, а на Марии Тимофеевой. Что сталось с этой верной прислужницей Люденса, которая только и умела ему в рот заглядывать? Без каких-либо фильтров соединилась с объектом «Марья Моревна». Двойной Афанасий, конечно, безутешен, и заодно синяк у него на оба глаза растекся. Последствия дискуссии с сержантом. Три часа магистр гонялся за Савелием и Машей, оттаскивая их от всех пультов, пока не завязалась драка, в результате чего догоняющий получил свое. Полюбовался я и тем, как сержант с начальником ОРИС Люденсом сражается. Сидят напротив друг друга за мониторами — красные, потные, тискают контактные троды, хрипят и рычат будто звери.

А потом Люденс схватился за шею, упал и его вынесли. Ничего, через неделю оклемался, физически. Но психика у него видно большую пробоину получило.

Теперь он вроде Мережко. Сидят друг напротив друга в институтской столовке, говорят что-то, иногда жуют. Но никто их уже не слышит. Закономерный, наверное, итог.

Мережко и ему подобные тешили себя, управляя кибернетическими персонажами на игровых полях. Люденсу этого показалось мало. Он превратил в персонажей добрую половину сотрудников института, устроил круговерть из сюжетов и игровых схем. А в конце концов выяснилось, что непреодолимая сила встроила психоинтерфейсы в самих игроков и тоже выставила их на игровое поле. Возможно это сама «Глобпак» переорганизовалась и ответила на одну нестабильность другой нестабильностью.

Могу ли я теперь на всех конференциях кричать, что в любой сложной и гибко устроенной системе рано или поздно появится разумность?

А вдруг дело вовсе не в системах? Вдруг наше сознание, затосковав от своего крепостного состояния, начинает проникать в наши творения, вещи и товары, чтобы оживить их, а затем, набравшись энергии, вернуться назад и освободить нас.

notes

Примечания

1

1. Служба Безопасности центрального института кибернологических исследований